

Анна Премоли

Душоу,

ПОЗВОЛЬ ТЕБЯ НЕНАВИДЕТЬ

Победитель литературной премии "Банкарелла" 2013

**А что, если за этой
ненавистью
прячется любовь?**

А если она чувствует что-то к этому высокомерному и омерзительному коллеге?

А если за его напыщенным поведением, скрывается что-то большее?

https://vk.com/book_in_fashion

роман

Дженнифер и Йен знакомы семь лет, и последние пять они ведут войну. Они — руководители двух команд одного и того же коммерческого банка Лондона, между которыми постоянно вспыхивают ссоры. Они ненавидят и не выносят друг друга, только и делают, что ставят друг другу палки в колеса. До тех пор, пока в один прекрасный момент их не заставляют работать вместе над общим проектом: управлять капиталами зажиточного аристократа, клиента их банка. Таким образом, им приходится проводить много времени вместе, даже после работы. Но Йен — самый привлекательный, богатый и желанный холостяк Лондона, и его встречи не остаются незамеченными: достаточно невинного вечера в ресторане, чтобы попасть на страницу сплетен известного английского ежедневника. Дженнифер в гневе: как они могут говорить, что она встречается с этим чванливым сторонником классового неравенства, с этим надутым индюком, как Йен? Он смеется, но в большей степени удивляется: фотография с коллегой отвадила от него всех назойливых поклонниц. И в тот момент он делает ей непристойное предложение: Йен дает Дженнифер карт-бланш на работу с богатым клиентом, если она, в свою очередь, будет прикидываться его девушкой. Вызов принят — игра началась! Однако вскоре то, что для Дженнифер казалось шуткой, оказывается гораздо сложнее, чем предполагалось, и поцелуй, который должен был быть частью спектакля, вызывает дрожь и абсолютно неожиданные реакции...

Автор: Анна Премоли

Книга: Прошу, позволь тебя ненавидеть

Оригинальное название: *Ti prego, lasciati odiare*

Серия: Вне серий

Переводчик: Елизавета Стасенко, Юлия Албул (с 1 по 17 главы), Ольга Колодяжная

Редактор: Мария Акилина

Бета-корректор: Елена Попкова (до 10 главы)

Вычитка: Ms.Lucifer

Художественное оформление: Ms.Lucifer

ГЛАВА 1

Я смогу это сделать, я смогу это сделать, я должна это сделать!

Но нет, ошибка: я посмотрела на часы. Боже мой, я не смогу это сделать... Я бегу, как сумасшедшая, по улицам Лондона, потому что впервые, по крайней мере, за эти девять лет почетной карьеры, я ужасно опаздываю. Я — прекрасный подчиненный и глава лучшей команды умников по вопросам налогового консалтинга¹ во всем банке, ужасно опаздываю в день основной презентации.

Как только подхожу к турникету, вытряхиваю все содержимое сумочки на землю, чтобы не терять времени. От бега и нервов у меня появилась отдышка, не считая того, что должна найти этот проклятый пропуск очень быстро, иначе мне снесут голову с плеч.

Я падаю на колени и отчаянно ищущу среди кучи вещей пропуск до тех пор, пока не

нахожу то, что меня интересует. Не теряя больше ни минуты, вновь сгребаю все в сумку или почти все, но это не важно. Тем более тот блеск, который откатился в сторону, мне не очень-то и нужен.

Хорошо, вот и я, опоздала по графику на два часа!

— Какая занимательная сцена. Я попал в «Candid Camera»²? — спросил предательский низкий голос за моей спиной.

Моя рука приостановилась в воздухе и болезненно сжала удостоверение личности, которое я собиралась вставить в считыватель. Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы узнать, кому принадлежит этот голос.

Ладно, теперь официально: я этого не сделаю...

Одна часть меня испытывала искушение пропустить и продолжить путь, даже не обернувшись, но это могло быть расценено как бегство, а я сбегу от Йена Сент Джона только тогда, когда настанет конец света. И, не смотря на все проклятия и предсказания настолько любимыми древними Майя и голливудскими фильмами, кажется, этот день еще не наступил.

— Я сделаю все возможное, чтобы не задерживать коллег, — отвечаю я, чуть-чуть поворачиваясь.

Краем глаза замечаю, что его фигура, высокая и угрожающая, опасно приближается ко мне. Быстрым движением провожу магнитной картой и бегом прохожу холл. Затем гневно давлю на кнопку лифта передо мной. Если он еще не понял, то я очень спешу.

— Никогда бы не подумал, что буду присутствовать при такой сцене, — последовал голос, который был позади меня, а сейчас оказался... Рядом со мной, проклятье. Видимо, мы оба до сих пор стояли перед лифтом, который даже и не думал приезжать. В мире столько технологий, но все ещё нельзя избежать встречи с коллегой, которого ты не хочешь видеть. Я спрашиваю себя: *«не изобрели ли такое приложение, которое позволяет избежать противных типов вроде того, которого я встретила?»*

Даже не глядя на него, чувствую, как он рассматривает меня с очевидным любопытством. На его месте я бы поступила так же.

Немного поднимаю взгляд, и я испепелена самыми голубыми глазами в мире. Быстро опускаю голову, как будто мне безумно надоел этот блеск. Какая бесполезная трата: такие глубокие глаза у человека, заикленного на себе, надменного и ненавистного.

Но, как оказалось, любопытство было сильнее меня. И когда я последний раз бросаю на него взгляд, у меня ненароком вырывается смешок.

Его смоляные брови опускаются в знак недоверия. Это то выражение лица, которое, на самом деле, он принимает очень часто. Думаю, он упражняется перед зеркалом, чтобы показаться более тревожным при встрече со мной. Ясно, что это не получается у него намеренно.

— Я счастлив, что заставил тебя улыбнуться в такой трудный для тебя день. Не у тебя ли, случайно, была презентация, скажем... час назад, Дженни? — спросил он, прекрасно зная, что попал в точку.

— Ублюдок, — прошипела я, наконец, входя в лифт.

Упс, я подумала, что сказала это про себя, но, очевидно, это было не так.

Йен последовал за мной и усмехнулся.

— Пусть даже я ужасно опаздываю, но как же так, что ты пришел в это время? Человек, верный своим обязанностям, как ты, в основном не теряет возможности выделиться... — я говорю ему терпко, как ежевика, сорванная очень преждевременно.

— Завтрак с клиентом, — сказал он нейтральным тоном, ни капли не задетый моим обвинением.

Ну, конечно, Йен встречается со всеми своими клиентками. Говорят, что они перед ним падают в обморок. Если быть откровенной, вполне вероятно, что от него теряет сознание вся женская часть этого здания. И так же стоящего напротив. И того, на соседней улице...

Мне доставляет огромное удовольствие быть единственной, которая этого не делает.

Рука поднялась передо мной и нажала кнопку четвертого этажа.

— Ввиду того, что ты настолько опаздываешь, ты могла хотя бы нажать кнопку лифта, — подметил он с сарказмом.

На самом деле я отвлеклась, проклятье, этим утром мне не нужны другие неприятности.

Лифт отправился с легким толчком.

— Смелее, Дженни, скажи мне, что случилось. Ты никогда не опаздываешь...

Я эффектно поворачиваюсь к Йену, который смотрит на меня, как охотник, готовый подстрелить свою жертву. Непослушная прядь его черных волос шаловливо упала на лоб. Он убрал ее с глубоких глаз хорошо отточенным движением. Если бы я была справедливой женщиной, то должна была признать, что такой контраст действительно очень заметен, но, к счастью, я очень предвзята, когда речь идет о Йене, следовательно, могу относиться наплевательски на его внешность. Слюней моих коллег более чем достаточно.

— Проясим одну вещь, — говорю ему со скукой в голосе. — Во-первых, это не твое дело, почему я пришла с опозданием этим утром, и, во-вторых, не притворяйся, что тебя это волнует, так как я знаю, что тебе плевать.

Первые несколько секунд мне показалось, что моя фраза не вызвала никакой реакции. Но затем эти хорошо вырезанные губы расплылись в нахальной усмешке.

— Дженни, Дженни, как же ты можешь подумать такое обо мне... — он говорит, будто обращается к маленькому ребенку, собственно в это же время лифт останавливается на нашем этаже. Я поворачиваюсь, чтобы выйти из этого гребаного места, когда слышу за своими плечами смену тона. Сейчас голос скорее скучающий. С определенным удовлетворением я даю себе отчет, что у меня заняло приблизительно две с половиной минуты, чтобы лишить его самообладания. Впечатляюще, но можно лучше.

— Однако я обеспокоен, так как они позвали меня, чтобы успокоить гнев Лорда Беверли, который ждет налоговой консультации уже ровно час.

И с этой эффектной фразой он быстро идет к залу собраний. На мгновение я остаюсь ошеломленной, затем перехожу на мелкий бег, чтобы догнать его.

У меня это получается в тот момент, когда он решительным движением открывает дверь в зал собраний: мне больше ничего не остается, как последовать за ним внутрь.

Через некоторое время перед нами предстало что-то вроде чайной комнаты, и сцена была бы действительно, как в кабаре, если бы я не была единственным виновником этого спектакля сверх программы.

Устрашающий Лорд Беверли на самом деле потягивал свой чай, задерживаемый нашим шефом — Колином, — раскрасневшимся и заметно нервничающим. А Колин никогда не нервничает.

Но сегодня у него есть более чем уважительная причина, потому что известное дело, все взволнованны перед лицом Лорда Беверли, — мужчины напыщенной внешности, и в тоже время угрожающего. В нем заключалось высокомерие, которое можно было ожидать от знатного англичанина, думающего, что живет в восемнадцатом столетии, и надменность, происходящая от горы денег, которыми он владеет.

В общем, знатные люди сегодня растрывают свое имущество уже поколениями, и мы, простые смертные, можем просто смотреть, как их богатства уменьшаются. Но это не случай Лорда Беверли, он считается выше всех как по происхождению, так и по количеству денег. Он смог увеличить капиталы его семьи выдающимся образом благодаря шахтам в Новой Зеландии.

— Йен, мальчик мой, — приветливо говорит ему Беверли и поднимается для того, чтобы его поприветствовать.

На мгновение трясую головой, думая, что я сплю. Беверли приветливый? Какого черта? Что Колин подмешал в его чай?

Йен решительно пожимает ему руку и естественно улыбается. Да, естественно, почему бы и нет...

— Лорд Беверли, как приятно снова вас видеть! — расслабленно воскликнул Йен. Ну, конечно, это же не он опоздал, так что он может себе это позволить.

— Мне тоже безумно приятно! Как здоровье у твоего дедушки? Я его не вижу некоторое время в клубе, надеюсь, что все в порядке, — поинтересовался Беверли, как будто он был такой же человек, как и все мы.

Колин и я обменялись взволнованными взглядами. Вдруг нам необходимо уйти и оставить этих двоих с их аристократическими приличиями?

Но когда я собираюсь сбежать, Лорд Беверли замечает мое присутствие. Надо было поспешить.

— Ах, Мисс Перси... пришла... наконец-то.

Его констатация прозвучала, как смертный приговор. На мгновение тон изменился и стал холодным, как Северный полюс.

— Не знаю, как мне загладить свою вину за опоздание перед вами, — я попыталась оправдать себя, но вмиг была перебита движением руки и жестким взглядом. Кто-то должен был ему напомнить, что я не его собачка.

Думаю, что он собирался сказать мне пару ласковых, когда Йен вмешался.

— Да, речь идет об очень большой семейной проблеме, Лорд Беверли. Я надеюсь, вы примете извинения моей коллеги.

И Беверли, который собирался за секунду до этого отправить меня в ад, застопорился и посмотрел на меня. Он в затруднении, это написано у него на лице. И так же ясно, что его ни черта не интересует моя проблема. Вместо этого он от всего сердца поблагодарил Сент Джона. И это было очень любопытно: я допускала, что у Беверли никогда не возникало необходимости благодарить живую душу за все свое существование.

— Ладно, представим, что у всех случаются семейные проблемы время от времени, — отступил он в конце. Понятно, что он говорит это с неохотой, но его это

трогает. Поразительно. На мгновение я остаюсь буквально с открытым ртом. Сент Джон победил Беверли со счетом 1:0.

Часть меня почти разочарованна, но другая, более рациональная, действительно успокоилась. Вновь восстанавливаю дыхание и думаю о том, что я даже не дала себе отчет в том, что не дышала.

— Благодарю вас за понимание, — говорю ему театрально.

В этом месте решил вмешаться Колин.

— Так как мы все выяснили, я могу доверить Лорда Беверли его адвокату по налоговым делам. Мы с Йеном оставим вас работать в спокойной обстановке.

И говоря это, он направляется в сторону двери. Но у Лорда Беверли были другие планы.

— Колин, я думал, что Йен также будет присутствовать на собрании?

У меня отвисла челюсть, и в то же время рот широко открылся. Йен... на собрании... вместе со мной? Беверли не дает себе отчет в том, о чем просит.

Но Колин прекрасно помнит бурные времена, когда мы с Йеном работали вместе и ругались, ругались и еще раз ругались. И сейчас паника бороздит на его лице, белом, как простыня. Бедный человек, это утро войдет в Топ-Десять-Самых-Неудачных в его жизни.

— Лорд Беверли, у Йена встреча... — пробормотал Колин, пытаясь спасти ситуацию.

Но Беверли — не тот человек, которого пугают встречи с другими: в конце концов, он просидел в этом зале собраний час, внимательно пил чай с печеньем и маслом, прекрасно зная, что все, о чем он попросит, ему будет предоставлено.

— Я должен настоять, Колин, — Лорд просто сказал и, черт бы его побрал, он знает прекрасно, что это все, что требовалось.

Наш шеф смиренно кивнул.

— Думаю, ты сможешь освободиться, Йен?

— Я буду свободен через две минуты. Простите, одну минуту, — сказал самый востребованный человек этого дня. И исчез.

* * *

Нет. Я не смогу это сделать.

Сейчас самое время достать документы из сумки, и Йен уже вернулся, абсолютно в своей тарелке, с улыбкой и с определенным взглядом. Он просто наслаждается этим утром, хотя это все — моя заслуга.

Без сомнения, это самый гадкий день моей жизни. До сих пор первенство было у утра, в которое мне вырезали аппендицит, и меня тошнило без передышки после анестезии, но сегодня... определенно хуже!

Мой враг номер один уселся в прекрасное кресло черного цвета рядом с Лордом Беверли, горя желанием услышать мои блестящие планы по налоговой оптимизации моего клиента.

На мгновение я чувствую, что катапультировалась во времени: знать против плебса³.

Лорд Беверли — сын маркиза, Йен Сент Джон — племянник герцога Ревингтона, сыне какого-то маркиза, а также наследник титула и, следовательно, граф чего-то там, чего я не помню. Они смотрят на меня со своих мест и ждут узнать с явным нетерпением, какого черта я придумала.

Затем, учитывая то, что я являюсь и остаюсь самым блестящим умом, который этот банк имеет в своих активах, не смотря на противоположное мнение графа от усталости, начинаю

свою гениальную презентацию и показываю им, чего я стою.

ГЛАВА 2

Я обессилена и, кажется, моя голова сейчас взорвется. Боль сопровождает меня с того момента, как только я открыла глаза и осознала, что:

а) Два часа назад прозвенел будильник, который я не услышала;

б) Я опаздываю на встречу под пунктом «а»;

в) У меня первое реальное похмелье в моей несчастной жизни.

Я всегда была сильной, решительной, определенной девушкой, ничто и никто никогда не пугал меня, но вчера вечером я провалилась с треском перед лицом моего энного любимого человека. И по вине вежливости была запрессована моим женихом не столько, сколько ужасным осознанием того, что плевала на все, кроме него.

В тот момент, когда он сказал, что не готов начать жить со мной, я испытала облегчение. Я практически избежала улыбки. Еще раз.

Это были мои третьи серьезные отношения, которые потерпели крушение незадолго до совместной жизни, и вчера вечером я, наконец, поняла, что в этом нет вины моих бесхребетных парней, а только моя. Я сама являюсь причиной моих любовных неудач, я сама являюсь причиной того, что опускаю руки: рано или поздно понимаю, что мне они неважны, что обманываю саму себя, и, следовательно, парни сбегают.

Я бы на их месте сбежала бы еще раньше.

Это неожиданное осознание подвергло меня вчера в такой коматоз⁴, что Лаура и Вера заставили меня выйти прогуляться. Мы пошли в паб и напились в хлам.

Им удалась миссия заставить-меня-забыть-себя. Я была заполнена алкоголем настолько, что действительно забыла о моих бывших парнях и о моих провалах. На время мне удалось забыть о причинах, по которым я их выбрала, или же почему они были незначительными существами, которые даже не могли поцарапать по минимуму мою жизнь, перевернутую верх дном.

Ненавижу отсутствие контроля над ситуацией и в отношениях между двумя заканчиваю всегда выбором человека, который ни в коем случае не будет препятствовать моим планам, человека, который позволит мне управлять им.

Жаль, что пробуждение стало ужасным возвращением в реальность. И каким ужасным.

В память возвращалось все, пока я выкладывала факты и информацию перед Лордом Беверли и Йеном, без сомнений, двумя отъявленными засранцами, по крайней мере, я так считаю, по некоторой злостной причине в моей голове.

* * *

И наоборот, возвращаясь к моему последнему парню, некоторое время я действительно считала, что он идеален для меня: преподает философию в университете, невероятно серьезный и рассуждающий, ненавидит консерваторов и мечтает изменить мир. Естественное, что он остановился только на мечте и не действовал, но по крайней мере он

мечтал о правильных вещах.

Моя семья сразу же его начала обождать и нашла в этом человеке то родственное, чего мне всегда недоставало. Я генетическая ошибка, которую они до сих пор не понимают.

Эта энная ошибка с Чарльзом вынудила меня серьезно поработать над собой. Я должна найти правильного человека, такого, который нравился бы мне, а не моей семье.

Звонок Веры пробуждает меня от моих бредовых мыслей. Увидев ее номер, сразу отвечаю на звонок.

— Привет, красотка, — приветствую её улыбаясь.

— Ну, ты живая, — отвечает она облегченно.

— Так себе... — признаюсь я ей.

— Как прошла знаменитая презентация?

— Как нельзя лучше, — отвечаю ироническим тоном. — Я проспала и опоздала на два часа, мне с трудом удалось притащиться на работу. После чего я обнаружила, что мой клиент обождает окружать себя себе подобными, и мне пришлось притворяться, что я в своей тарелке, пока показывала все не только ему, но еще и его царскому двойнику, Йену.

— Ой, ой...

Вера знала все о борьбе между мной и Йеном, которая длилась годами, она провела ночи, слушая мои жалобы, и знает почти все детали наших знаменитых ссор. Верю, что они рассказали даже нашим новым сотрудникам, потому что было очевидно, что к нам лучше не приближаться.

Она уверена, что злоба между нами похожа на борьбу между классами. Я наоборот считаю, что он известный кретин, и что социальная разница не имеет значения. Тот факт, что Йен — дворянин, не меняет сути, он останется таким же кретином, зацикленным на себе.

— Уже можешь говорить громче. А именно ой, ой...

— Что было настолько ужасно? — опасно спрашивает она.

— Моя дорогая, это было более чем ужасно. Но все же я молодец, спаслась в углу. Допускаю даже, что Йен не слишком зверствовал и был странно молчалив.

— Это хорошо или нет?

— Хм, я в этом не уверена. Если бы мы говорили о ком-то другом... то возможно. Но нет, Йену не стоит доверять, ты это хорошо знаешь. У меня такое ощущение, что сегодня он не проткнул меня кинжалом только лишь потому, что уже придумал дьявольский план.

Вера смеется.

— Моя дорогая, ты параноик, тебе это еще никто не говорил?

— Конечно, я это знаю, я же адвокат по налоговым делам, поневоле я должна быть такой!

Вера все еще посмеивалась, когда я смутно различаю Коллинза, который подходит к моему рабочему месту и делает мне знак подойти.

— Красотка, я должна идти, — говорю я Вере. — Биг-босс хочет меня видеть. Держи за меня кулачки.

— Будет сделано.

— До скорого.

* * *

Сразу же подхожу к Коллинзу, останавливаясь перед кофе-машиной.

— Сегодня ты была на волосок от гибели, — говорит мне шеф. Но тон его голоса звучит без упрека.

— Знаю, Коллинз, не думай, что я не понимаю, насколько сильно рисковала. Речь идет об одной ошибке, о той, которую больше не намеренна совершать.

Коллинз опускает две монетки в кофе-машину, быстро нажимает ряд кнопок и немного погодя протягивает мне горячий кофе. Я пробую его и чувствую, что там слишком много сахара.

— Много сахара? — спрашивает он меня. — Не так уж и много... — говорит он мне загадочным тоном.

— Итак, я присяду.

— Ты сильная женщина, я уверен, что с этим справишься и без дальнейшей поддержки, — и подмигивает мне.

— Смелей, Коллинз, ты же знаешь, что я выдержу практически все плохие новости, — говоря это, я показываю ему, что стойкая. В действительности, начинаю догадываться, о чем он хочет поговорить, и это мне очень не нравится.

— Ты, Дженни, прекрасно знаешь, о чем сейчас пойдет речь, и не делай такое кислое лицо после того, как выпила самый сладкий кофе в твоей жизни.

Но, как оказалось, наш шеф не очень благоразумный.

— Я знаю, о чем идет речь, но не хочу избавлять тебя от затруднения сказать мне это.

— Какая коварная девушка.... Итак, если ты не хочешь облегчать мне задачу, то знай, что Лорд Беверли настаивает на том, чтобы его дело вели ты и Йен... вдвоем.

— Эм...

Не могу больше ничего сказать. К сожалению, я уловила верные колебания.

— Очевидно, что наш клиент не знает о ваших прошлых проблемах, и, говоря искренне, после сегодняшнего я бы предпочел, чтобы он никогда о них не узнал, — уточняет он.

— Я тебя слушаю, Коллинз, — говорю серьезно. — Я одна из тех, кто берет ответственность на себя. Я прекрасно понимаю, что сделала хрень и должна в каком-то смысле заплатить за это, но это.... уже чересчур. Лорд Беверли возможно этого не знает, но ведь ТЫ знаешь, что произошло, знаешь, как мы рискуем.

Коллинз нервно крутит в руках свой кофе и не смотрит на меня.

— Прошло уже четыре года, Дженни, будем надеяться, что два взрослых и образованных человека в будущем смогут разрешить свои разногласия.

— Конечно, если бы Йен был взрослым, ну или хотя бы образованным. Но сейчас, я считаю, ему не хватает обоих этих важных качеств.

Я говорю это с ангельским лицом, возможно немного презрительным. Коллинз нервничает, и это заметно по его глазам.

— Дженни... — упрекает он меня.

Я даже не даю ему закончить фразу, ведь прекрасно знаю, чем она закончится.

— Ты прав, сегодня именно я совершила idiotский поступок и должна терпеть последствия.

Теперь Коллинз пытается изменить тактику.

— Попробуй посмотреть на это с другой стороны. Ты заплатишь за ошибку, которую совершила, но Йен... он оказался впутанным в эту ситуацию, не желая того. Возможно, даже он сейчас не прыгает от радости.

Приобретая этот оттенок, вопрос становился интересен по-новому. Действительно, кто я такая, чтобы отрицать, что Йен испытывает огромную радость от перспективы работать со мной?

— Он уже это знает? — спрашиваю, вдохновленная новым приливом сил. Никогда не стоит недооценивать возможность сделать жизнь другого невозможной.

Коллинз улыбается, смирившись.

— Как оказалось, некоторые трюки работают всегда. Вы как два ребенка, Дженни, — добродушно упрекает он меня.

— Ты меня, конечно, прости, но я старше на два года, так что ребенок — это он.

— Конечно, эти два знаменитых года разницы.

— Эти существенные два года разницы, — напоминаю ему на полном серьезе.

По правде говоря, пять лет назад все началось именно с вопросов возраста: когда мы создавали первую смешанную команду по налоговому консалтингу, состоящую из экономистов и адвокатов, они были вынуждены сделать трудный выбор. Кого поставить за главного?

Мне было двадцать восемь лет, позади быстрая и невероятная карьера. Йену тогда было двадцать шесть, и он был приобретением более новым, даже не смотря на то, что о нем рассказывали невероятные вещи. Говорили, что он гениальный и блестящий экономист и, что клиенты зависели от его слов.

Ну и так, отсеяв различных кандидатов, банк должен был выбрать одного из нас как ответственного. Каждый из нас ожидал признания.

Решение было очень трудным, но в конце совет столкнулся с неспособностью выбрать и пришел к выводу, что нужно наградить человека постарше, или же нижеподписавшегося. Нам сказали, что им нужен человек с минимальным стажем.

В глубине души я знала, что это обоснование было всего лишь извинением, и что у меня были все полномочия на эту должность. Быть ответственным за всю команду не означает быть всего лишь лучшим (даже если я без сомнения такой являюсь) но так же и знать, как управлять и воодушевлять коллектив. Насколько я могу судить, Йен всегда управлял исключительно собой.

Однако плохо, что он принял это решение. В первое время все думали, что он откажется для того, чтобы взять на себя другие обязанности, но вместо этого Йен принял более чем коварную стратегию. Он на самом деле решил остаться, но до этого момента у него была одна цель: создать мне трудности.

В первые месяцы он хорошо скрывал свою неприязнь, чтобы потом это разразилось в настоящую войну. Наши собрания команды стали легендарными и бесконечными. Если я говорила «А», он говорил «В». Если я была белая, он был черный. И так до крайности.

После года борьбы и ссор ситуация вышла из-под контроля: в начале я старалась быть

выше этих провокаций и гнуть свою линию, но после очередной грубости он поворачивался только для того, чтобы дискредитировать меня в глазах клиента. Мы встретились лицом к лицу в его офисе, я сказала ему четко и ясно все, что думала, и он меня оскорбил, как ненормальный.

Закончилось это все очень плохо. Я позволила своему гневу, который вынашивала в себе весь год, вылиться и в конце дала ему в нос. Видимо, я сделала это слишком хорошо, потому что Йен вышел со сломанным носом, а я с гипсом на руке на неделю.

До этого момента я даже муху обидеть не могла.

Инцидент вызвал шумиху, и, чтобы спасти ситуацию, агентство мудро решило, что мы больше никогда не должны работать вместе. Каждому доверили свою личную команду и с этого момента война перешла на профессиональный уровень. Каждая из наших групп получала необыкновенные результаты в попытке превзойти соперников, так же завоевать жезл «первенства»

И вот мы застряли в постоянной ничьей.

— Итак, я надеюсь, что вы с этим справитесь и не поубиваете друг друга на собраниях.

Голос Коллинза возвращает меня в реальность.

— Прошло пять лет, мы можем попробовать быть цивилизованными, — отвечаю ему, поражаясь сама себе.

Коллинз очень удивлен. Дипломатическая жилка не входит в мои лучшие характеристики. Вижу, что он снова начинает улыбаться. Ну, хоть у кого-то это получается.

— Ты меня осчастливила. Действительно, Дженни, даже не представляешь как...

Но я-то знаю, знаю, как для него важно иметь возможность рассчитывать на ответственных людей. Скажу, что последние пять лет в этих стенах не так часто проскакивал здравый смысл. Возможно, один раз я попробую сделать что-то для него, учитывая то, что он меня всегда защищал и после того знаменитого события спас мое место.

На самом деле это же я ударила и теоритически была неправа в глазах окружающих. Но Коллинз хорошо знал, что я отреагировала так, потому что кое-то пересек черту.

— Хочешь я поговорю с Йеном? — спрашивает меня шеф.

Сейчас мне уже тридцать три и нянька не нужна. Было бы прекрасно, но, увы, каждый должен выполнять свои обязанности.

— Нет, спасибо тебе большое, но я сама поговорю с Йеном, — отвечаю я ему, смирившись. — Это касается меня.

Коллинз кладет руку мне на плечо.

— Удачи!

Что-то мне подсказывает, что это, на самом деле, необходимо.

* * *

Идея не казалась мне такой глупой, когда я предлагала ее Коллинзу, но вернувшись в свой офис, она кажется уже невозможной. И так я остаюсь приклеенной к стулу весь день.

Я трусишка, знаю... и это так не похоже на меня. Но этого достаточно, чтобы вывести меня из оцепенения и подтолкнуть к действиям.

Офис почти пуст, и уже достаточно темно на улице. Время ужина уже давно прошло. Слава Богу, завтра суббота, и те, кто мог, ушли раньше на выходные за город или на свидание.

Джордж, мой зам, заглядывает в мой кабинет.

— Ты еще здесь? — спрашивает он так, как будто может быть иначе.

— Как видишь.

В его быстром взгляде замечаю сострадание.

— Удачи, — желает мне он.

И я знаю, что он подразумевает. Возможно, это уже знает весь офис.

— Пока, Джордж. Хороших выходных. Повеселись, — отвечаю ему.

Часть меня хотела бы, чтобы Йен уже ушел, так мы сможем провести следующие два дня в относительном спокойствии и подождать понедельника, чтобы встретится лицом к лицу, но сегодня неудача нависла надо мной.

Сползая с кресла, я готова отправить к дьяволу мои два дня спокойствия. В офисе Йена горит свет, сложно не заметить его, даже издалека, а особенно в коридоре. Никогда не была готовой отступить перед лицом сложной ситуации. Сегодня впервые сожалею об этом даре.

Пока я плетусь по коридору, замечаю что Тамара, заместитель Йена, мудро сбежала: даже повышение ее шефа не смогло удержать ее на посту до девяти часов в пятницу вечером.

Без колебаний и задних мыслей стучу решительно в дверь и, не получив ответа, открываю. Лучше застать его врасплох, это дает мне психологическое преимущество.

И в самом деле, я его удивила, потому что Йен мне послал взгляд, полный удивления. Но это длилось всего секунду, так как он перешел сразу же к осторожной и убийственной формальности. Глаза, ясные в начале, мгновенно стали скрытными и туманными.

Любопытно, но раньше я никогда не замечала, как моя физическая близость может на него влиять. Секунду до этого передо мной был расслабленный мужчина, сейчас же это враг, готовый к атаке.

Йен удобно сидит в своем кресле из черной кожи, экран компьютера освещает его осторожное лицо. Взгляд падает сразу же на расстегнутый воротник и ослабленный галстук. В руках Йен держит огромную кипу бумаг, которые решительно прислонил к столу, не замечая моего присутствия.

— Я спрашиваю, зачем ты стучишь, если не хочешь ждать, пока я отвечу? — спрашивает он громким голосом.

— Я должна ответить? — повторяю я, садясь в кресло напротив него.

В углах рта Йена появляется подобие улыбки.

— Конечно, не должна, у меня самого это получится прекрасно: ты постучала, чтобы соблюсти формальность, но тебя не волнует мой ответ и у тебя есть преимущество внезапности, не так ли?

Улыбаюсь ему через силу. Конечно же, он прав.

Я должна быть искренна: мозг Йена всегда был проблемой. В общем, я могу переплюнуть его в остроумии, но в этом случае его вероломный разум пристрелит меня.

Йен расслабляет плечи и качается в кресле.

— Чем имею честь? — спрашивает меня, взглядываясь своими голубыми глазами.

И сейчас, когда я здесь, действительно не знаю с чего начать. В моем мозгу я создала логическую цепочку, но сейчас как будто провал в памяти.

— Ты здесь не для того, чтобы меня поблагодарить? — спрашивает он, иронически шипя.

— Благодарить тебя? — спрашиваю ошеломленно. — За что?

Тон моего голоса становится выше. Йен усмехается.

— За сегодняшнее утро, за то, что спас твою задницу от Лорда Беверли... — напоминает он мне.

Мгновенно я его перебиваю.

— Возможно, я спасла сама себя от Беверли.

— Конечно, но только лишь потому, что мое присутствие успокоило и подсластило его.

И только поэтому у тебя была возможность спастись, — уточняет он.

Часть меня знает, что Йен прав, но он столько всего мне сделал, что даже тысячи таких поступков, как сегодня, не хватит, чтобы уровнять счет.

— Внесем ясность, я была бы спасена и без твоего дерзкого присутствия, Йен.

Он смотрит на меня с сомнением.

— Что и требовалось доказать, моя дорогая, — тон, которым он это говорит, вызывает у меня холодный озноб.

На миг мы не делаем ничего и только смотрим друг на друга, никто не хочет отвести взгляд. В конце концов, это делает Йен, чтобы закончить ожидание.

— Я бы хотел остаться здесь на ночь, но, увы, через тридцать минут мне нужно быть за пределами этого офиса, у меня свидание, итак попросил бы тебя уже закончить этот разговор, — говорит он мне с внезапно холодным голосом.

— Дело касается Лорда Беверли, — начинаю я решительно, — он желает, чтобы мы работали вместе над его делом.

— Естественно он этого хочет, — подчеркнул Йен, как будто это было в порядке вещей. — Он слышал, что мы два лучших ума этого отдела, и хочет нас обоих. Я могу его понять. Ты будешь работать над проектом и после его завершения представишь мне, и я подскажу тебе, где внести улучшения, — отвечает он спокойно.

И это странно, так как в основном Йен человек предсказуемый. Я имею в виду, в худшем смысле этого слова, конечно.

— Я так понимаю, что потаскуха, которую ты ведешь на ужин, замкнула тебе мозг, но попробуй быть сконцентрированным еще пару минут, — раздраженно упрекаю его.

Моя речь попала в точку, потому что мгновение спустя он наклоняется из кресла, взявшись за край стола и опасно приблизившись к моему лицу.

— Потаскуха? — спрашивает он рассерженно. В его глазах вижу самые настоящие голубые молнии.

Это заставляет меня улыбнуться.

— Я всегда это знала. Или ты недавно сменил пол? — спрашиваю с выражением полной невинности.

Йен хватается за лицо, и с усилием пытаюсь не раздавить его, говорит:

— Боже, как бы я хотел, чтобы твой большой рот замолчал. Это было бы самое большое наслаждение в моей жизни.

В его глазах вижу тяжело контролируемый гнев. Должно быть, я действительно заставила его потерять терпение. Хорошо.

Решительным движением мне удастся высвободиться и установить безопасное расстояние между нами. Я уже сломала ему нос один раз, не хочу больше этого повторять.

— Во-первых, Лорд Беверли хочет, чтобы мы работали вдвоем над его досье, мы прекрасные специалисты и взрослые люди, и сделаем это, — объясняю я ему. — Во-вторых, никакой команды, эту работу будем делать только ты и я: мы достаточно разумные для того,

чтобы не привлекать других людей в нашу борьбу, — сразу добавляю. Его лицо выражает смесь раздражения и понимания. Вижу, что он начинает догадываться, к чему я клоню. — И в-третьих, когда будем вырывать друг другу волосы, образно, конечно, будем делать это как можно дальше от офиса. Для всех остальных мы пришли к соглашению после длительного перерыва в деле. Наши неизбежные ссоры должны происходить вне этой комнаты, — подвожу итог.

— В общем, ты просто не хочешь иметь свидетелей, — отвечает Йен, ничуть не удивляясь.

— Конечно же, нет, и ты тоже их не хочешь иметь. Наши карьеры рисковали серьезно прогореть в прошлый раз из-за ссор, в этот раз не хочу ничего подобного.

— Даже потому что мой нос понравился... — рассерженно подмечает он.

— Я бы не хотела разрушить то, что твой пластический хирург восстановил так хорошо, — саркастически перебиваю его.

Я знаю, что Йен не прооперировал нос после моего удара, но подстегивать его дает мне чувство удовлетворенности, даже если для него это большая тема. Его одержимость внешностью заметили все, но так же и его страх операций.

— Все, чего бы я хотел, чтобы хирург собрал вместе, — разгневанно заметил он.

— Клянусь, ты одержим, как женщина, формой носа. У меня ужасный нос, и я живу прекрасно, — говорю ему, почувствовав себя мудрой.

— Наоборот, у тебя хороший нос, — убежденно говорит он мне. — У тебя нормальный нос, который прекрасно подходит к твоему лицу.

Меня ошеломила эта фраза: Йен хорошо отзывается о моем носе? Но, какого черта он начал этот разговор?

— Конечно же, если речь пойдет о твоих волосах, то я бы с ними что-то сделал, — поспешил добавить он.

Ах, вот оно что, кретины разбираются в них лучше. Однако, для справки: у меня каштановые волосы средней длины. Там мало, что можно критиковать.

— Итак, сделка заключена? — спрашиваю его, игнорируя комментарий, поднимаясь и протягивая ему руку. Профессионализм прежде всего.

— Разве есть варианты? — спрашивает он, смирившись.

— Конечно же, нет, — отвечаю, возвращаясь к приветливому тону.

Йен вздыхает.

— Значит, сделка заключена, — подводит он итог. С сомнением смотрит на мою руку, настолько, что я уже подумала, что не пожмет ее, в то время как он решается и хватает ее. Надежное пожатие, которое не оставляет места для сомнений.

Я поднимаю глаза, встречая его взгляд. Ясно, что это ошибка: его пользующиеся дурной славой голубые глаза меня пленяют и с трудом позволяют уйти. Понимаю, почему весь Лондон у его ног; нет, правда, если быть объективной, то я не знаю мужчину настолько красивого и раздражающего. Мне говорили, что желтая пресса пишет о нем часто: дворянин, будущий герцог, главный наследник империи несомненной важности, с прекрасным физическим обликом, которое не осталось незамеченным. Легко говорить о нем и о толпе женщин, с которыми он фотографировался. Все они модели, либо пиарщицы, которые надеются заполучить кого-либо. Естественно, что все они не достигают уровня IQ человека со средним уровнем интеллекта, но это не имеет значения.

Йену достаточно того, что его обожают, больше ему ничего не нужно.

Высвобождаю руку так, будто обожглась, и отвожу взгляд. Лучше вернуться в реальность.

— Значит, хорошего вечера и выходных, — говорю ему благодарно, гордясь своим превосходством.

Он иронически поднимает бровь, как обычно. И мои благие намерения зарыть топор войны растаяли, как снег на солнце. Я подхожу к выходу и говорю ему:

— Давай, двигайся, ты же знаешь, дела не ждут. Никогда ничего не ждет.

И, чтобы красиво закончить, подмигиваю ему, в то время как мой профиль исчезает в темноте коридора.

Возвращаюсь в свой офис, и впервые за то время, как я открыла утром глаза, мне захотелось улыбнуться. Спасибо, Йен, спасибо от всего сердца.

ГЛАВА 3

Итак, я решаю двигаться, пока мой малолитражный автомобиль шумно пробивает себе дорогу сквозь поля немного за Лондоном. Я в деревне возле фермы моих родителей.

Здесь все биологически чистое, и политически правильное.

Мои родители своеобразны, можно сказать, что они — как две меня. Они англичане, но они против монархии, они вегетарианцы, веганы, если быть более точным, антирелигиозны, или по крайней мере близки к буддизму более, чем ко всем другим религиям, они не женаты, но они самая настоящая пара, и поддерживают все возможные организации, которые существуют, кроме правительственных. У них трое детей: Майкл, мой братишка медик, работает на Amnesty International и на других группах, которые помогают эмигрантам по всему миру, и моя сестра Стейси, которая работает адвокатом и предлагает гарантированную защиту в суде тем, кто не может воспользоваться услугами адвоката.

Итак, теперь понятно, почему я чувствую себя не в своей тарелке в кругу моей семьи. Я адвокат по налоговому консалтингу! В их глазах я помогаю богатым становиться еще богаче, и автоматически становлюсь воплощением дурного общества, я как сатана в юбке.

Но так же я и самая маленькая, поэтому они стараются быть терпимыми ко мне. Возможно, если бы я была первенцем, со временем меня бы отвергли. Если не брать в расчет то время, когда в моей жизни был Чарльз, когда моя семья смотрела на меня великодушными глазами.

Сейчас, без него, я естественно вернусь на дно семейной классификации.

* * *

Как только я припарковалась, сразу же иду через сборище гусынь, которые набрасываются на меня пытаюсь укусить за руку.

Как говорит моя мама, свободные гусыни — счастливые гусыни. Я стараюсь не разделять ее мнения, но до сих пор не отваживаюсь с ней поговорить об этом.

Гуси коварны, это знают все. Мои родители вырастили диктаторских и ужасно плохих гусей.

Учитывая, что я уже привыкла к этому, решительно направляюсь к входной двери, позволяя себе уверенным шагом пробежать между собаками и кошками, которые спали на

подоконнике. После многих лет постоянной практики я приобрела заметную способность и, следовательно, через несколько секунд я внутри дома. Гусыня-убийца, которая двигалась на меня в начале, хлопала крыльями и кудрахтала за дверью. Какое удовлетворение.

— Мама, я приехала! — кричу, чтобы она меня услышала.

— Я в кухне, — отвечает убедительный голос моей мамы.

И на самом деле, вот она там, начинающая готовить блюда с сильным необычным запахом. Если никогда не спрашивать, что она кладет в блюда, можно умереть от испуга.

— Ах, вот и ты, Джени, мы волновались, ты опоздала на час, — сразу же заметила моя мама, которая сегодня была одета в ярко-желтое платье. Возможно, вроде приветствия солнцу, если судить по ослепляющему цвету.

— Я не опоздала. Я предупредила, что приеду в час, и вот я здесь, пунктуальна как швейцарские часы.

Между нами говоря, пытаюсь всегда приехать в последние секунды, когда речь заходит о поездке к моим. Ни минутой раньше, иначе я рискую попасть под поток неудобных вопросов.

— Милая, дай на себя посмотреть. Все еще это серое лицо. Что же ты ешь, черт возьми? Случайно не мясо? — спрашивает моя мама, заметно потрясенная только этой мыслью.

Сейчас, выросши в семье двух вегетарианцев ясно, что я не ем мясо, но сегодня я позволю себе немного рыбы или яйцо. Но никогда не наберусь храбрости сказать это маме, она бы убила меня, если бы узнала что я строгая вегетарианка, а не выборная.

— Нет, мам, — отвечаю с готовностью. — Никакого мяса, один только стресс.

По ее выражению лица понимаю, что выбрала неверный курс.

— Ну, честно говоря, это то, чего ты заслуживаешь из-за работы, которую выбрала. Правда, Дженифер, что тебе стукнуло в голову, когда ты выбирала налоговый консалтинг? И работать на инвестиционный банк, затем... Ты хоть понимаешь? Это вызвало крах нашей финансовой и экономической системы! — повторяет она мне это в миллионный раз. Я уже настолько часто слышала эту историю, что могу опередить слово за словом то, в чем она меня упрекает. С минимальными ошибками.

— Я думала, что ты обрадуешься краху, — указываю ей на это.

Моя мама замирает от удивления с черпаком в воздухе и поворачивается, чтобы взглянуть на меня.

— Конечно же, я счастлива! Наконец-то и все остальные заметили то, что мы с твоим отцом повторяем вот уже сорок лет. — Пока она произносила это, ее глаза блестели, и от этого она казалась более юной.

— Итак, вы должны были знать, что я помогаю разрушить систему. В то или иной мере, — добавляю я почти с улыбкой.

Я хитрая и мама это знает. Смирившись, она возвращается к кастрюле.

— А Чарльз, почему он не приехал с тобой? — спрашивает она, продолжая помешивать. Я действительно надеялась, что на это не заметит, по крайней мере, не так быстро. Я думала, что запоздалые жалобы на работу помогут мне выиграть несколько минут.

— Итак, Джени, где Чарльз? — спрашивает мой брат, который возник из ниоткуда возле моего бока.

— Х-м-м-м-м, — бормочу я. И от этого короткого звука, как только я его произнесла, моя мама взорвалась.

— Боже мой, вы расстались!

— Ну...

Майкл почувствовал мою неуверенность и попробовал мне помочь.

— Брось, мам, не будь настолько драматичной, у Чарльза сейчас дела, правда?

Он прекрасно знает, что мы порвали, он не глупый, но как оказалось это не подходящий день для такой новости. Моя мама, обычно такая тихая, превратилась в фурию только от этой мысли. Лучше повременить.

— Конечно, он на собрании, — говорю убежденно. За плечами у меня годы практики.

— Очень жаль. Хотела собрать тебе сумку с остатками. Ты же хорошо знаешь, как он обожает мою кухню.

Я опускаю, что должна выйти за него замуж только поэтому. Я никогда не найду мужчину, способного оценить кухню моей мамы. Но Чарльз действительно ее любил, и не столько за запах, сколько философски: согласно с его мнением, если ингредиенты этичны и логичны это и есть результат. Исключая вкус.

Потому что на вкус это действительно спорно. И я говорю это со всей дочерней любовью.

— Давайте, готово, — немного позже позвала мама.

И мы следуем за ней, пока она делает круг, чтобы пройти просторную столовую. Просторная, потому что абсолютно лишена покрова, как требуют новые правила фэн-шуй.

Возле стола из натурального дерева сидит мой отец, сосредоточенный на болтовне с Томом, супругом моей сестры, Стейси. Даже у них есть абсолютно биологическая ферма в нескольких километрах отсюда. Двое их детей, Джереми и Аннет, бегают в догонялки вокруг стола.

Моя сестра занимает невесту Майкла, Анну. Она немецкий медик и они познакомились несколько лет назад в лагере беженцев. Они до сих пор любят друг друга до потери пульса. Свадьба — это дело уже решенное, остались рабочие заботы.

В действительности уже год, как они собираются пожениться, но продолжительные войны, с которыми человечество кажется, ничего не может сделать, делает их слишком занятыми. У меня такое ощущение, что они ждут мира во всем мире, и закончится это тем, что они никогда не поженятся, но, а с другой стороны, зачем разрушать мечты других?

Эти люди сблизилась идеалами и убеждениями, эти люди вызывают страсть, убежденные своей идеей. И к этому я действительно больше ничего не добавлю.

По правде говоря, я уже выросла настолько чувствительной ко всем жестокостям в мире, что должна уже построить собственную оборону. Итак, я выбрала занятие совершенно противоположное их убеждениям, то, что для них кажется легкомысленным и глупым, но это создает некоторое расстояние между мной и ими. Я почувствовала себя одинокой, когда в каком-то смысле оборвала мосты с ними. У меня всегда была необходимость существовать отдельно, а не как часть одной общины, где все должны разделять одинаковые убеждения и идеи.

Будучи одной из лучших студенток Оксфорда, я соглашалась закрепить тот отрыв, который позже мог мне помочь уехать в Лондон и найти себя.

Не то чтобы это вышло, хотя бы поговорить об этом по-человечески. Карьера —

единственная вещь, которая держит меня на плаву, и мне бы не хотелось признавать это.

— Привет, Дженни, — приветствует меня папа. — Сегодня Чарльза не будет? — его тон к счастью сердечный и не взбудоражен, какой был у мамы несколько минут назад.

— Нет, у него дела в университете, — лгу убежденно.

— Итак, он прощен, — говорит он торжественным голосом. Итак, проясним: я никогда не приезжаю к ним на выходные, если должна работать и, следовательно, не могу приветствовать их.

— Что слышно в городе? — спрашивает меня Том.

— Ничего особенного. Все как всегда, — отвечаю, садясь за стол.

— Вы хоть не потерпели банкротство как те Леман? — спросила Стейси обеспокоенно.

Я стучу по столу.

— Нет, я бы сказала, что сейчас мы не терпим банкротство.

«Очень даже вероятно, что скорее Англия даст маху, чем инвестиционный банк», — думаю про себя, но бесполезно навевать им скуку такими мыслями.

— Знаешь, вчера у парикмахера я прочла статью об одном дворянине, который работает в твоем банке, — говорит мне Анна. Ей простительно чтение многих светских сплетен, потому что она немка.

Я жую кусок ржаного хлеба, который от неожиданности встал у меня поперек горла. Меня преследуют, я слышу разговоры о нем даже в единственном уголке Англии, где я надеялась быть незамеченной.

— Как его зовут? Он действительно очень красивый молодой человек, ты его точно заметила, — не зная, наступает на меня Анна.

Все замерли и смотрят на меня. Поэтому такое напряжение.

— Йен Сент Джон, граф Ланглей, — говорю низким голосом, закашлявшись.

— Точно! — выкрикивает Анна удовлетворенно. — Ты его знаешь?

На мгновение мне захотелось сказать своей будущей невестке, что я сломала нос прекрасному графу Ланглей, но это может вызвать слишком большой энтузиазм среди моих родственников, обычно спокойных. Лучше опустить подробности.

— Виделись мельком, — выдаю я.

Даже и так, кто действительно может сказать, что знает Йена Сент Джона? Думаю никто.

До сих пор не ясно, что он делает в крупнейшем американском инвестиционном банке, когда его семья занимает определенное положение в обществе исчезающего по всему миру. В газете было сказано, о каких-то семейных разногласиях, которые подтолкнули его к тому, что он отклонил все предложения своего деда. Чтобы быть точным — работать независимо, даже щедро оплачиваемая работа не могла соперничать с необъятным семейным наследием.

Он действительно мог бы ничего не делать, как поступает большая часть таких людей как он, но в это время он гноится в офисе в течение огромного количества часов. Почти как я. И это заставляет меня ненавидеть его еще больше.

Вскоре разговор за столом вернулся на более уверенные темы, такие как: постепенный переход от атомной энергии на солнечную и ветровую, который должна выполнить Япония, на новое политическое общество Англии и прочие другие вещи.

Через несколько часов я снова в машине, с боку у меня упаковка в которой аккуратно

запаковано худшее блюдо того вечера.

Кто знает, почему, но это вернуло мне чувство необходимости вернуться домой.

ГЛАВА 4

— Я дома! — кричу, решительно переступая порог своей квартиры. Три прекрасные спальни плюс кухня и гостиная, которые я делю с Верой и Лаурой в окраинном районе не слишком далеко от городского шума.

В последние годы моя зарплата значительно выросла, и я могла бы переехать в более спокойный и близкий к центру район, но мои подруги не могут себе такого позволить, так что несколько лет назад я решила, что останусь с ними до моего возможного сожительства или свадьбы. И я думаю, что останусь здесь на всю жизнь.

— Привет, Дженни, — приветствует меня Вера, читая книгу и развалившись на диване в гостиной. Вера всегда читает какую-нибудь книгу, даже когда готовит, или убирает, или идет за покупками. Она работает в библиотеке, и решила, бессознательно, прочитать все, что написано. И она не теряет времени. Никогда.

— Привет, интересная книга? — спрашиваю ее, упав в кресло, которое находится напротив.

Она кивает, не отрывая взгляд от страницы.

— У твоих все хорошо?

— Как всегда, — соглашаюсь, кладя остатки на столик.

— А что там, в пакете? — спрашивает она с любопытством. Не знаю, как у нее получилось увидеть пакет, ни разу не поднимая глаз от книги. По-видимому, она обладает экстрасенсорными способностями.

Смеюсь, перед тем как сказать:

— Блюдо от моей мамы для Чарльза.

Это заставляет ее отложить на миг книгу на стол. Она бросает на меня обеспокоенный взгляд своих прекрасных зеленых глаз.

— Шутишь, да?

— Если бы! — отвечаю ей смирившись.

— Значит, твои не знают....

— Сегодня реально не было подходящего случая, я слишком устала, чтобы терпеть еще и их, — пытаюсь оправдаться.

— Тебе нужен отпуск, — напрасно говорит мне Вера, — тебе необходимо послать все и всех к чертям на недельку. Хорошо бы в какое-то экзотическое место, Мавритания или Сейшельские острова.

— Ты же знаешь, что если я туда поеду, то должна буду сказать своим, что еду в Афганистан помогать нуждающимся?

Вера смотрит на меня, смирившись.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что по сравнению с твоей семьей, моя кажется почти нормальной?

И это сказал человек, чья мама была замужем пять раз и у отца были три других ребенка от разных женщин, думаю, что это достаточно многозначительно.

— В любом случае я им расскажу. Не хочу лгать всегда. Мне всего лишь необходимо преодолеть это напряжение на работе и вернуться к нормальной жизни, — отвечаю ей.

— Очень жаль, что тебе пришлось через это пройти, — утешает подруга.

— Я это знаю и очень благодарна тебе и Лауре за вашу моральную поддержку. Правда, без вас следующие недели были бы невыносимы, даже для такого крема, как я.

— Почему? Что еще случилось? — беспокойно спрашивает она меня.

— Я буду работать в исключительной команде, — говорю ей, притворяясь веселой.

— Или...? — она спрашивает подозрительно

— Ненавижу, с... — оставляю фразу незаконченной, получая театральный эффект.

— Все ясно. Мисс Перси, у нас большое событие: вы и граф Ланглей прекраснс подходите для этого задания по самоубийству.

— О, боги! Мне это очень сильно не нравится, Дженни, — говорит она серьезно.

— Вера, не беспокойся обо мне. Я постараюсь развлечься, правда.

На минуту она задумалась и затем наконец-то радостно рассмеялась.

— Да, но кто же защитит его дворянское величество от тебя? — спрашивает она с иронией.

— Прошу тебя, только не говори мне, что теперь к нему нужно относиться, как к вымирающему виду, — беспокойно говорю ей.

— Ты же знаешь, что на этот раз не сможешь сломать ему нос, даже если он этого заслужит? — напоминает мне Вера. — И я говорю это не из-за его носа, который меня мало волнует, а это из-за тебя и твоей карьеры.

— Да, да, знаю, — убеждаю ее. — Как бы там ни было, я не должна была ломать ему нос даже в прошлый раз. И я тоже имею в виду не его нос, а отказ от грубости и того, что я делаю в трудные минуты? Отвечаю ударом? Как банально...

— Эм, это было не просто, — подмечает моя подруга.

— Дорогая, я бы хотела, чтобы это так и было, но я достаточно реалистична, чтобы понимать, что это было мое возмездие, а не наоборот. Несмотря на наши крайние различия многие его черты присущи так же и мне. И поэтому я потеряла контроль над собой, потому что его рассуждения очень похожи на мои, у него получается затронуть нужные струны.

Вера поражена моим заключением.

— Красотка, ты должна работать психологом.

— Я думала, ты это знаешь, на самом деле, адвокаты — это те же психологи. Нам должны были дать почетный диплом... — Смеясь, она, протягивает мне подушку, — что ты адвокат по налоговому консалтингу, а не мировой судья.

— Это именно потому, что я адвокат по налоговому консалтингу, который знает жизнь, страдания и надежды моих клиентов!

В этот момент на сцене появилась Лаура. У нее мрачное лицо.

— Что случилось? — вдвоем спрашиваем у нее.

— Я порвала с Давидом, — отвечает подруга голосом между серьезностью и отчаянием.

Для статистики, Лаура расстается с Давидом один раз в неделю, и это всегда драма.

— Почему? — спрашиваем ее.

— Потому что он — кретин и не хочет брать на себя обязательства! Он не хочет жениться после семи лет отношений! Семь лет, вы хоть представляете? — говорит она и падает на диван рядом с Верой.

Если быть честными, мы знаем это очень хорошо, потому что вот уже семь лет, как Давид повторяет Лауре, что не хочет жениться, что не создан для брака, а только для

сожителства. И это болезненное место: Давид хочет жить вместе, а Лаура не хочет уходить от нас, если только не в белом платье. Видимо, две несовместимые позиции.

Хотя, возможно, они действительно любят друг друга сильно и поэтому через несколько дней мирятся. Чтобы вскоре вновь поругаться! И потом каждый раз сначала.

— А если вместо свадьбы попробуете пожить вместе? — смело спрашиваю ее.

Она сразу же метнула на меня взгляд.

— Никогда, — сообщает она мне. — У меня есть ценности и убеждения, и в своей жизни у меня будет либо свадьба, либо ничего.

Я бы хотела сказать ей, что совместное проживание лучше, чем ничего, что мои родители живут счастливо уже почти сорок лет, будучи неженатыми, но знаю, это бесполезно. Когда она злится, лучше не говорить ей ничего.

В комнате повисло тяжелое молчание, пока Вера не вскрикнула:

— Я знаю, что нам троим необходимо!

Я и Лаура смотрим на нее растерянно.

— Нам нужна новая стрижка! — говорит она убежденно.

Вера уже поменяла множество цветов волос, так что побила бы любой рекорд. Она — самый настоящий эксперт по краскам и знает всех профессиональных парикмахеров. И, возможно, именно сейчас она и права.

— Я «за», — говорю ей. — Думаю, мне действительно нужно радикальное изменение в жизни.

Стараюсь выгнать из головы червячка, который нашептывает мне, что я пытаюсь измениться только потому, что один конкретный человек мне это предложил. Ясно, что речь идет о чем-то радикальном: если я решила сделать что-то с моими волосами, то только потому, что так решила я, а не потому, что мне сказал об этом Йен.

Неожиданно Лаура тоже этим заинтересовалась.

— Мне всегда казалось, что из Дженни получилась бы отличная блондинка.

— Я блондинка? — шокировано говорю ей.

Вера соглашается:

— Конечно же, блондинка с очевидными яркими мелированными прядями.

— Вы, что, с ума сошли?

Вера уже поднялась с дивана и направляется в сторону ванны.

— Думаю, у меня есть все для этого, — говорит она спустя несколько минут. — Давайте, начинаем!

— Девчат, вы с ума сошли? Яркая блондинка? Не в обиду твоим способностям, Вера, но именно ты хочешь сделать мне мелирование? — спрашиваю ее заметно взволнованная.

На минуту на лице Веры проскальзывает обида, она скрещивает руки на груди в знак вызова. Но затем замечает страх в моих глазах.

— Тебе нужны решительные изменения, почему бы не сделать их? Ты же прекрасно знаешь, что я мастер своего дела, и тебе не стоит волноваться

Не из-за ее способностей, а из-за финального эффекта... И на этот счет у меня есть небольшой страх.

— Давай, садись на этот прекрасный стул и закрой глаза. Если хочешь, не открывай их до конца. Я и моя ассистентка Лаура обо всем позаботимся.

Так они меня убедили, и вот впервые за всю жизнь я крашу волосы.

ГЛАВА 5

Сейчас понедельник, половина восьмого утра, и в офисе почти никого нет. Так даже лучше.

Я бы сказала, что время для моего возмездия еще не пришло, на самом деле, время не просто совсем не подходящее — утро понедельника. Хотя для меня это утро не такое, как все предыдущие. Сегодня понедельник, который означает начало моего сотрудничества с Йеном. Какая неприятная мысль!

Внезапно возле меня возникает Тамара, именно в тот момент, когда я собираюсь войти в офис.

— Доброе утро, Дженнифер! — дружелюбно приветствует она меня. Тамара всегда милая и вежливая со всеми, это в ее характере. Досадно, что ее начальник — ублюдок первого сорта.

Наверное, ей нужно закалить характер.

— Доброе утро, Тамара, — я отвечаю ей так же вежливо, но затем замечаю, что она застыла напротив моей двери с открытым ртом и полнейшим изумлением на лице.

— Что-то не так? — спрашиваю с невинным видом. На самом деле я прекрасная знаю, почему она смотрит на меня так восхищенно.

— Ничего, — говорит она, даже не переведя дыхание и продолжая вглядываться. — Вы такая... другая... — подытоживает она.

— Можешь сказать это громче, — отвечаю ей, улыбаясь.

Я абсолютно другая, и это меня очень веселит. Вера — гений: у меня волосы блонд, немного волнистые и струятся по плечам. В последние двадцать лет жизни я носила хвост.

Если не учитывать, что я одета в черный комплект одежды, а юбка с длинным разрезом, и высокие каблуки. Хотя я всегда носила брюки и обувь на низком каблуке.

— Изменение... как бы сказать... сильное, — наконец говорит она мне. — Но Вам очень идет, — спешит уточнить Тамара.

— Спасибо тебе, — я знаю, что она права.

Внешнее изменение должно в теории показать так же и внутренние изменения. Будем надеяться, что это так. Будем надеяться, что я закончила с провалами и перестану быть замухрышкой.

Несколькими секундами позже пришел и Джордж, который даже не попытался скрыть свою оценку.

— Что, черт побери, с тобой случилось? — спрашивает он. — Не то, чтобы я не оценил, но это очень решительное изменение.

— Я порвала с Чарльзом, — ограничиваюсь ответом. — Нет необходимости....

Он кивает.

— Тогда я могу только порадоваться. Ну, правда, Дженни, где ты нашла только этого профессора философии в наши дни? — подшучивает он надо мной.

Должна признать, что он прав, и смеюсь над его вопросом.

— Что я могу тебе сказать, у меня отличный нюх.

— В следующий раз выбери кого-то с шипами в спине. Не так как у тебя, потому что это будет невозможно, но хотя бы на половину, — подсказывает он мне с лучшими намерениями.

— Честно говоря, на некоторое время никаких свиданий. Хочу перевести дух и сконцентрироваться на работе. Случай Беверли будет держать меня достаточно занятой на следующие несколько недель.

— И Йен также записал свое имя в ежедневнике, — говорит мне нерешительно Тамара.

— Я знаю, — подтверждаю, как будто мне это безразлично. О Боже, я бы хотела, чтобы это так и было, потому что в реальности он ужасно действует мне на нервы. От этого человека у меня появится язва до сорока лет.

— Это дело мы будем вести вместе, как и просил клиент, — объясняю им обоим.

У обоих открыт рот как у рыб, когда их лишают воды.

— Вы действительно будете вдвоем работать? — спрашивает Джордж. — То есть... я слышал что-то такое в прошлую пятницу, но думал, что вы придумали, как избежать это...

— Да, эта была первая мысль, но трудновыполнимая, — признаю я.

Джордж и Тамара смотрят на меня в ступоре. На самом деле нет ничего невозможного для таких типов, как мы.

— Удачи, — говорит мне Джордж, смеясь.

— В последнее время ты мне часто это повторяешь. Но, однако, спасибо, она мне понадобится.

* * *

Несколько часов спустя Колин появился перед дверью моего офиса. Даже его выбил из колеи мой новый стиль.

— Доброе утро, Дженни, — приветствует он меня, пристально смотря на мои волосы. Как будто это так странно, что женщина меняет цвет волос. Его секретарь делает это раз в месяц, и никто не обращает на это внимание.

— Доброе, — отвечаю ему, сконцентрировавшись на датах в моем расписании

— Конференц-зал свободен, — сообщает он мне. Я прекрасно знаю, к кому это относится.

— Спасибо, это прекрасная идея. Нейтральная территория лучше всего.

Колин удовлетворенно улыбается.

— Я так и думал. Я занял его на два часа. Хотя, зал не без звукоизоляции, — подмечает он.

— Я знаю, у меня за плечами годы опыта, ты же помнишь?

Мой шеф закатывает глаза.

— Скажем так, это будет небольшой спектакль в этих стенах. Секретари жалуются, что с того момента, как вы перестали работать вместе, все стало ужасно скучно и предсказуемо.

— Следовательно, наше сотрудничество разожгло огромное любопытство, — говорю ему, подытоживая фразу. — Но скука — хорошая вещь в нашем деле, ты не находишь?

— Я не удивлюсь, если кто-то положит химикаты в конференц-зале, чтобы только послушать вас. Вместе вы работаете... не знаю, как сказать это... вспльчиво, — подводит итог мой шеф.

Я смотрю на Колина озадаченно.

— Я бы не использовала это слово, но представляю, что кто-нибудь мог бы о нем подумать, — я допускаю.

Колин собирается уходить, когда поворачивается в последний раз:

— В любом случае, да хранит тебя Бог, блонда.

И подмигнув мне, уходит.

* * *

Конференц-зал — главный зал, выполненный в строгом стиле. Говорят, его опустошили от всех предметов во время наших с Йеном ссор, так как боялись, что мы можем бросить друг в друга тупыми предметами. Учитывая то, как все заканчивалось, они были правы.

Когда я вхожу с уверенностью, то вижу, что Йен уже удобно устроился в кресле и говорит по телефону. Если бы речь шла о ком-то другом, я бы вышла, чтобы дать немного личного пространства, но Йен не достоин даже обычного жеста вежливости, поэтому пусть катится к черту.

Не переставая говорить по телефону, он наблюдает за мной с любопытством. По его лицу невозможно понять эмоции, но он продолжает пристально смотреть на меня.

— Я должен попроситься с тобой, — наконец говорит он в телефон. — Я действительно не знаю, какие у меня будут дела на эту дату. Ничего не могу обещать, но если окажусь в этом районе, конечно же, заскочу. Пока, мам. — Наконец говорит он, вешая трубку.

Медленно он кладет телефон в карман и готовится к атаке.

— Тамара мне говорила, что ты кардинально изменила стиль, — сказал он с колкостью. — Но, конечно же, такого я не представлял.

Я действительно надеялась поразить его, имея хотя бы психологическое преимущество перед ним, но его секретарь все разболтала сразу же шефу. Итак, прощай эффект неожиданности.

— Женщины часто меняют прически, что здесь странного?

— Ты никогда этого не делала, — просто обрывает он, предотвращая всякие возражения.

— Ну, вот сейчас я это сделала, и никто не говорит, что в будущем я снова этого не сделаю. Я думала — в рыжий. Или существует какое-то правило, которое приписывает мне всегда быть одинаковой? — спрашиваю с сарказмом.

— Твоя проблема в том, что, не смотря на внешнее изменение, внутри ты осталась такой же. И это твоя драма, ты не можешь от нее сбежать, — отвечает Йен с тоном знатока.

— Ты никогда не думал о том, что я не хочу бежать от того, кто я есть? — спрашиваю его раздраженно.

— Ты возможно и не хочешь, а вот твои женихи определенно хотят сбежать, вот как, — парирует он.

Перед концом дня у меня будет маленький взрыв в голове.

И сейчас, если я заеду ему в нос во второй раз, скажите, кто меня осудит? Его словесные удары не являются ли в свою очередь коварными?

— Ха-ха, — сказал мужчина, который не помнит даже имени женщины, с которой он провел прошлую ночь. — Это всего лишь поздравления, — отвечаю ему в тон. — Ты уже придумал решение? Будешь называть всех общим словом «сокровище»? В таком случае избежишь риска перепутать их. Ошибиться именем — это так вульгарно, ты же, наоборот, стараешься быть лордом, не так ли? — провоцирую его.

Выражение лица Йена внезапно становится ужасно злым. Уязвленное и

загубленное. Несколько секунд мы смотрим друг на друга с явной неприязнью. Затем я решаю оставить все это и перейти к любезностям.

— Если мы закончили с обменом любезностями, что ты скажешь о работе? — спрашиваю, сидя с его стороны и изучая дело презентации пятницы. Но мне не хватило времени достать даже лист, когда слышу, как он приближается.

— Прежде чем начать, есть один момент, который я хотел бы уточнить, — говорит Йен на полном серьезе.

Мое молчание — явный знак того, что он может продолжать.

— Такие люди, как Беверли, привыкли решать дела в традиционной манере. Это вопрос отношений, а не решений. У тебя могут быть самые лучшие идеи в мире, но, то, что ты готовишь для него — это как подача блюда. Он заказал, ты приготовила. Этот человек привык всегда побеждать, и он ожидает, что так и будет. Если он предлагает что-либо, то только потому, чтобы это было исполнено, а не потому, что ему это кто-то посоветовал. У тебя никогда не должны возникать сомнения, что его подведет интуиция.

Я смотрю на Йена, чтобы понять, действительно ли он верит в то, что говорит. Его ужасно голубые глаза говорят мне, что в этот раз он не шутит.

— Тогда я не понимаю, за что он платит. Если он может все сам...

Йен всегда очень быстро выходит из себя.

— Не будь глупой, ты же прекрасно знаешь, как все происходит. Весь секрет в том, чтобы подсказать идею, которую он позже презентует как свою. Нам всего лишь нужно положить идею ему в голову.

— Ты сейчас шутишь, правда же? Я не собираюсь потакать мании величия какого-то старика-сноба! — выкрикиваю нервно.

Йен тяжело дышит.

— Мы всегда падаем на этом моменте, не так ли? Для тебя речь идет всего лишь о борьбе классов! — обвиняет он меня.

Со злостью убираю прядь волос, которая продолжает падать мне на лицо.

— Речь не идет о классах, речь идет о простой воспитанности: если ты платишь эксперту, то для того, чтобы получить его совет. Если ты способен сам решить свои проблемы, не нужно искать помощи! — пылко объясняю я.

— Хорошо, значит, сделаем так. Я предлагаю некоторый период наблюдений, во время которого сможем здраво оценить Беверли и его манеру действовать, а потом поговорим об этом фундаментальном вопросе. Так как все решения, которые мы сможем найти, не будут ничего значить, если мы не будем знать, как правильно их представить.

— Не осмеливайся внушить мне, что я не знаю свою работу! — приказываю ему.

— Я ничего не внушаю, это факт, что у тебя чуткость, как у носорога!

— У меня? Что же тогда можно сказать о тебе? Чёрт подери! Ты просто олицетворение понимания и чувственности! — опровергаю я в свою очередь, выступая угрожающе в его сторону.

— Но все же лучше тебя! В тот день, когда ты родилась, тебя вырезали из гранита!

— Ревнуешь к моему характеру? Достаточно было это просто сказать...

И кто знает, сколько мы продолжили бы ругаться, если бы Колин не вторгся в конференц-зал. По-видимому, вовремя.

— Кстати, я стучал в дверь, прежде чем войти. Но как вы меня услышите, если будете так кричать?

Колин действительно зол, это заметно по бешеному движению его ноздрей. В воздухе повисло напряжение и нервозность, которые исходили ни от меня и ни от Йена.

— У вас две минуты, чтобы выговориться и предстать счастливыми в моем офисе. И когда я говорю с улыбкой, то имею в виду, что хочу видеть у вас тридцать два зуба, когда вы будете идти по коридору, — грозно сказал он нам.

С этими словами Колин вышел, громко захлопнув за собой дверь.

— Упс... — в этот раз мы облажались.

— Ага, — соглашается Йен.

В спешке собираем наши вещи и спешим выйти. В коридоре все замерли в ожидании; ясно, что они всё слышали.

Пытаясь улыбаться, ускоряем шаг, чтобы добраться до офиса Колина. Йен открывает дверь и делает мне знак войти, и я впервые исполняю без возражений. Он следует за мной.

Все так же в тишине присаживаемся на кресла перед Колином, который стучит по клавиатуре. Все еще злой. После минуты мрачного молчания он, наконец, решает поднять на нас глаза.

— Я думал, что имею дело со взрослыми людьми, но мы, как оказалось, в детском саду, и соответственно так я и буду к вам так относиться. С этого момента вы оба встречаетесь за пределами офиса. Выйдете в шесть и хорошо перекусите в каком-нибудь месте подальше от работы. Очень далеко, ясно? Вас никто не должен видеть. Предлагаю вам какое-либо злачное и неизвестное местечко. Я думал о том, чтобы вам провести вечер дома у кого-то из вас, но я боюсь, что без свидетелей это превратится в кровавую бойню. Соответственно пока воздержусь от подобных предположений.

Я собираюсь возразить, но Колин останавливает меня решительным движением руки.

— Мое терпение закончилось. После этого нелепого года я думал, вы сможете стать взрослыми людьми и преодолеть конфликты, но я ошибался. Вы два идиота, и поверьте мне, я делаю вам комплимент. Тем не менее, если вам все равно на свою карьеру, делайте, как знаете. Но не тащите меня за собой. Я понятно изъясняюсь?

Я никогда не слышала, чтобы Колин так разговаривал с кем-либо. Стыдно, как будто я воришка.

— Все предельно ясно, — отвечаю ему с краской на лице.

— Абсолютно ясно — мрачно подтверждает Йен.

— Отлично, теперь назначьте эту проклятую встречу на завтрашний вечер и выпустите друг другу кишки за пределами офиса. Когда закончите, я бы попросил вас поговорить о работе. Серьезно и конструктивно. Так как Беверли ожидает вас в субботу утром в своем шотландском особняке, чтобы провести прекрасные выходные со своими любимыми управляющими активами. И, по правде говоря, я ему не завидую.

Закончив фразу, он снова принимается с силой стучать по клавишам клавиатуры.

На минуту мы в ступоре, этот урок, преподнесенный нам, подавляет. Выражение наших лиц не выражает облегчения, когда выходим из офиса Колина. Следовательно, не удивляет, что каждый из нас возвращается в свою комнату, не проронив ни слова.

* * *

Когда на следующий день я открываю дверь дома, Лаура и Вера кажутся немного

напуганными. На самом деле, они правы, сейчас только шесть, я никогда не возвращалась домой так рано с тех пор как устроилась на работу.

— Ты себя неважно чувствуешь? — спрашивает Лаура взволнованно, не дождавшись, пока я с ней поздороваюсь.

— Девчат, спокойно, я прекрасно себя чувствую, но у меня встреча по работе через полчаса, и мне нужно переодеться. Во что-то менее деловое. — И пока я рассказываю им, захожу в свою комнату в поиске чего-то подходящего. Боже мой, что же надевают в таких случаях?

Сегодня в обед Йен прислал мне мейл с адресом и временем. Этого места я не знаю, но где-то уже слышала название. Когда я повторяю его Лауре, вошедшей за мной в комнату, она таращит глаза.

— И с кем же ты встречаешься в таком крутом месте? — спрашивает она с подозрением.

— Это всего лишь работа... — я защищаюсь, пока хватаю джинсы и черную майку.

— Эта майка слишком открытая, — говорит Вера, заходя в мою комнату. — Не пытайся увилить, с кем ты встречаешься?

На миг я замираю, прежде чем ответить.

— Если вы мне поклянетесь, что не будете ничего делать...

Они соглашаются, все еще озадаченные.

— Хорошо, я должна встретиться с Йеном. Но эта встреча полностью по работе. Мы слишком много ругаемся в офисе, так что шеф подсказал нам, хотя нет, приказал найти нейтральную территорию.

— И после того, как вы чуть не поубивали друг друга в офисе, вы решили сделать это раз и навсегда за пределами офиса? Я думала, что это тебя чему-то научило! Никаких свидетелей, Дженни! — подкалывает меня Вера.

— Это по работе! На этом точка, — обрываю возмущенно.

— Конечно же, почему бы и нет... — подмигивает ей Лаура. — И действительно, ты напряжена, как струна скрипки, хотя это только работа...

— Я не нервничаю! — снова обрываю их решительно.

Но все же они знают, черт возьми. Эта борьба с Йеном выматывает меня физически и морально.

Через несколько секунд я готова: я не собираюсь ни краситься, ни укладывать волосы. Сегодня я сознательно починила струну в надежде вернуться к нормальности. Не хочу идти на риск и сталкиваться со странными идеями Йена.

Обувь на низком каблуке — я никого не хочу впечатлить.

Прощаюсь с девочками и через некоторое время — я в метро.

«Конечно же, Йен выбрал малопосещаемое место», — иронически раздумываю я.

Представляю, парень не знает даже мало-мальски известный паб в каком-то квартале, который не был бы экстра-люкс класса. В нем все говорило об этом, начиная от слишком длинных волос, но умело уложенных его уверенным стилистом, заканчивая его костюмами с иголки.

С легкостью добираюсь до места встречи, которое кишит модными людьми. Такими же снобами, как и он сам.

Официантка сразу же замечает мой потерянный взгляд и пытается мне помочь.

— Вы кого-то ищете? — спрашивает она меня, пока я всматриваюсь в горизонт

— Да, одного высокого, темноволосого со светлыми глазами парня... — описываю его смутно.

— Ах, я поняла, — сразу же отвечает официантка. — Ты Дженнифер! — Уверенно подтверждает она.

Я смотрю на нее с удивлением.

— Следуй за мной, внутри есть более тихий зал.

Мне ничего не остается, и я слушаюсь, пока она лавирует между столиками. На самом деле, она ведет меня в более уютный зал, где, как я вижу, мало людей. За столиком в плохо освещенном углу сидит Йен, читающий кучу мейлов, которые продолжают приходить на наши Блэкберри⁵. Он еще меня не заметил.

— Это он? — спрашивает девушка.

— К сожалению, да, — отвечаю ей. Кажется, она улыбнулась так, будто поняла меня.

Я благодарю ее и приближаюсь к столику. Йена затянула работа: он снял пиджак и галстук, подвернув рукава рубашки, во всем остальном он оставался собой. Он откладывает телефон и смотрит на меня с удивлением.

— Ты очень спортивная, как я вижу.

— Удобная версия для неизвестного, — объясняю я.

— Никакой одежды в стиле вамп, — говорит он мне почти удивленно.

— Я в стиле вамп? Черт подери, Йен, сколько же ты выпил? — спрашиваю беспокойно, присаживаясь.

— Ни капли алкоголя, — сразу же отрезает он. — Алкоголь замедляет рефлексy, а с тобой я не могу так рисковать.

— Спасибо, сочту это за комплимент, — бормочу я.

На несколько минут мы сидим в тишине и злобно смотрим друг на друга.

— Нам действительно стоит перевернуть страницу, — говорит он мне в неожиданной для меня манере, но без особого энтузиазма.

— Я знаю, — подтверждаю таким же банальным тоном, как если бы я была на приеме у стоматолога.

— Вчера все снова вернулось в прежнее напряжение.

— Я знаю, — снова соглашаюсь. — Я тоже пришла к этому выводу.

— Из-за этого есть риск разрушения нашей карьеры.

— Йен, мы можем опустить прелюдии? Мы здесь, потому что оба решили изменить что-то. По крайней мере, я здесь поэтому.

— И ты готова сделать все от тебя зависящее? — спрашивает он, поднимая взгляд на меня.

Я смотрю в его глаза.

— Если и ты готов.

— Я, правда, готов, — в его глубоких голубых глазах я вижу опасный блеск.

— Итак, значит, я тоже готова.

— Хорошо, еще и потому, что секретарь Беверли только что прислала мне расписание на следующие выходные, и нам действительно будет тяжело выйти оттуда живыми, если не придем к согласию.

— Я представляю, — подтверждаю. — Я хочу сказать, что всем понятно, что все должно измениться.

— Хорошо, я бы сказал, что это объяснение получилось лучше, чем я себе представлял, — говорит он мне с вызовом.

Я смотрю на него с раздражением.

— Послушай, я достаточно разумная женщина, с которой ты хочешь обсудить это.

— На самом деле, ты не такая уж и разумная, — упрекает меня Йен, делая знак официантке подойти. — Что ты будешь, Дженни? — спрашивает он галантно, как будто не обидел меня секундами раньше.

— Я бы хотела капучино, — бормочу обиженно.

— Хорошо, один капучино для сеньоры, а мне бокал белого вина, — делает он заказ девушке.

— Нам нужно работать. Алкоголь? — подкальываю его.

— Надеюсь сейчас я смогу расслабиться. Все худшее должно остаться в прошлом.

— Продолжай надеяться, — говорю ему, вытаскивая из сумочки тяжеленное досье со всей информацией о Беверли: его окружение, семья. — Лучше знать, с чем будешь иметь дело. Предупрежден, значит вооружен.

Два часа спустя мы все еще корпим над этими бумажками. Я разнервничалась, потому что теперь у меня в распоряжении значительная доза кофеина и Йен, более расслабленный, учитывая, что осушил разные бокалы белого вина. Кажется, больше для своего комфорта, он иногда улыбается и каждый раз пытается понравиться. Но у него получается всего лишь разозлить меня.

Вижу, что он пытается собраться, из-за этого я злюсь, потому что не могу перевернуть страницу с таким же легкомыслием. Я, правда, хочу этого, но это сильнее меня. Его близость опасна, но я знаю, как себя вести: он всегда ищет способ расслабить тебя, а затем ранит тогда, когда не ожидаешь этого. Он делал так много раз в прошлом, с тех пор как мы с ним познакомились, у него едва была репутация умного и прекрасного парня. Но затем я узнала, что он мстительный и наглый.

Лучше не забывать этого и не терять бдительности.

Но все это напряжение окончательно меня добило, и в конце я плююсь пеной.

— Нам нужно продолжить завтра, у меня раскалывается голова, — говорю ему, поднимая глаза от секьюритизации корпоративного долга⁶.

Йен внимательно смотрит на меня.

— На самом деле, у тебя не очень хороший цвет лица. Слишком много нервничаешь. —

И быстрым движением рук он кладет свои большие пальцы мне на виски и начинает массажировать их.

Мое изумление длилось несколько секунд, прежде чем я отдернулась.

— Какого черта ты делаешь? — резко спрашиваю его, возможно, даже резче, чем хотела.

— Пытаюсь избавить тебя от стресса, — отвечает он так, как будто это было в порядке вещей.

Я убираю его руки, будто меня ударило током.

— Ради Бога, не вторгайся в мое пространство, не приближайся, а в особенности не прикасайся ко мне! Ты — главная причина моего стресса, так что держись подальше от моего личного пространства, — приказываю ему грозно.

Йен смеется от этой моей фразы. Наверное, он думает, что я сумасшедшая, но мне это не важно.

— Ладно! Итак, пошли, — говорит он мне, поднимаясь и делая знак официантке, что он хочет оплатить счет.

— Что ты делаешь? — спрашиваю его, пока он вытаскивает вою платиновую карточку.

— Плачу? — отвечает Йен с сарказмом.

— Ах, нет же, плачу я! — обрываю его агрессивно.

— Об этом даже речи быть не может, — решительно говорит Йен.

— Об этом может идти речь, так как Беверли мой клиент, — напоминаю ему.

— Беверли НАШ клиент, — уточняет он и подает карту.

Но я перехватываю ее рукой и кладу на стол. А другой беру пачку банкнот из кошелька и даю их девушке, которая со смехом смотрит на нас.

— Ни одна девушка не платит, когда она со мной, — сухо говорит Йен.

— На самом деле, для тебя я не просто девушка, а твоя коллега. Мне говорили о твоих знаменитых похождениях, и так как вечер только начался, у тебя будет время прогуляться с одной из своих ярких красоток, которые, конечно, не составят тебе проблему оплатить за них счет.

Лицо Йена в замешательстве, как будто он проглотил лимон. Возможно, я немного переборщила.

Официантка поняла ситуацию по нашим лицам и ухватилась за карту Йена, но и так же приняла мои банкноты. После нескольких минут ожидания она принесла карту и мою сдачу.

Мы встаем и направляемся к выходу. Йен как всегда обиженно молчалив. Прежде чем уйти, я поворачиваюсь к нему и протягиваю руку для пожатия, чтобы привлечь его внимание.

— Я бы хотела извиниться за то, что сказала то, чего не следовало говорить.

Он не подтверждает, но и не отклоняет.

— Серьезно, насколько я знаю о моделях, вести себя так для них нормально...

В свою очередь Йен пожимает мне руку, чтобы помешать закончить фразу. Сцена достаточно комична.

— Не ухудшай ситуацию, — говорит он мне, наконец. — Манера, в которой ты просишь извинения, достаточно мерзкая.

— Мало опыта, — признаюсь я. — В основном я всегда права.

Этот комментарий странным образом расслабил его и заставил улыбнуться.

— В некоторой извращенной степени ты даже иронична, нужно отдать тебе должное.

— Ну, конечно же. Колкая ирония, но в то же время всегда ирония, не так ли?

Йен задумывается.

— Учитывая, что с этой встречи мы вышли живыми, что ты скажешь на то, чтобы поднять планку и завтра вечером осмелиться на ужин? У меня ужасная нужда хорошо покушать.

«А у меня побыть на диете. Но я всегда могу заказать салат».

— Можем попробовать. Но никаких броских мест, пожалуйста. И я знаю, что ты таких мест не знаешь, следовательно, выбор за мной.

— Я кажусь тебе типом из броских мест? — спрашивает он иронично.

Мой взгляд достаточно красноречив.

— Хорошо, хорошо, выбор места за тобой, если хочешь, плати и если этого недостаточно, то можешь выбрать вино, — говорит он мне, поднимая руки в знак капитуляции.

— Никакого вина, только вода. Без обид, но вино делает тебя странным. И каждый платит за себя. Максимум, что мы можем сделать, поделить счет пополам, — разрешаю я ему.

— Великодушно с твоей стороны, — говорит он, поднимая бровь.

— Сейчас я ухожу, — прощаюсь с ним, показывая в направлении метро.

— Я бы предложил проводить тебя, но ты ясно дала понять, что провожающий тебе не нужен и что ты сама прекрасно дойдешь, и как видишь, я воздержался!

— Я ценю твое воздержание, — убеждаю его.

— Доброй ночи, — желает Йен мне.

— Я не желаю тебе доброй ночи, так как для тебя она только началась. Пока! — и сделав знак рукой, ухожу.

* * *

Вера и Лаура уже на стороже, когда я вхожу в дом.

— Итак? — спрашивают они меня в один голос.

— Итак, что? Мы не поубивали друг друга, если это то, что вы хотите узнать, — отвечаю я в оборонительном тоне.

Они освобождают для меня место на диване между ними.

— Ты не можешь сказать нам только это. Вот уже несколько часов, как мы представляем кровавадные сцены. Ты выплескиваешь свой напиток на него, он отвечает тебе швырянием орешков... Ну, это в общих чертах, — говорит мне Лаура, смеясь.

— Это был очень странный вечер, — признаюсь, немного замешкавшись на последнем слове. — Я, правда, не знаю, как по-другому его описать.

— В каком смысле странный? — сразу же спрашивает Вера.

— ...я тоже ожидала больше враждебности, это ясно, что она есть, но у нас получилось контролировать ее в какой-то мере. И мы много работали. Я бы сказала, что все прошло хорошо.

— Я рада. Итак, предлагаю девичник на завтрашний вечер, так мы отпразднуем то, что ты снова одна, потому что потерять Чарльза определенно лучше, чем найти его. И так же выпьем за восстановившийся мир с Давидом! — говорит нам с радостью Лаура.

У всех этих событий был хотя бы плюс: я не думала слишком много о Чарльзе, и у меня не хватало времени жалеть себя. В основном, я всегда «за», когда речь идет об отпраздновании чего-либо, но в этот раз должна отказаться.

— Завтра? — спрашиваю я. — Завтра вечером мне необходимо работать.

— С Йеном, — добавляет Вера. Она не спрашивает, а утверждает и точка. Обе хихикают.

— Да, с Йеном, но я знаю этот тон, моя дорогая... — угрожаю ей.

— Кто бы сказал, что наша подруга променяет нас на графа, — уколола меня Лаура.

— Думаю, его воспитывали особым образом... Посмотри, как сократился Город... — подхватывает Вера.

— Эй, вы обе, прекращайте! — говорю возмущенно.

Но они от души смеются.

— Я должна сказать, что это очень любопытный предмет, — смеется Лаура. — Ты видела газету на столике?

Вера берет ее в руки и начинает быстро переверачивать страницы.

— Вот и он! — выкрикивает триумфально подруга, показывая нам фото, где Йен с одной из красоток с длинными ногами и без мозгов.

— Хотя, — говорит она мне немного позже, — у него есть потенциал.

— Ах, нет же, дорогая, парень прекрасно улучшил потенциал, хотя это всего лишь предположение и антипатия, — поправляю ее в то время, пока мои глаза останавливаются на фото. Нужно опустить, что они правы.

— Говоришь, это вина заголовка, денег или, возможно, внешности? — спрашивает серьезно Лаура.

— Возможно, микс всех трех ингредиентов. Знаешь, если вырасти в определенном стиле, то приходится предположить, что тебе все можно.

— Очень жаль, — говорит немного спустя Вера.

— Уже, — подтверждает даже Лаура.

Я беру пульт дистанционного управления, чтобы переключить канал, потому что действительно устала говорить о Йене. Лучше подумать о чем-то другом.

ГЛАВА 6

Я сижу за столом в ресторане, где кишит куча народу. Ничего вычурного, самая обычная пиццерия в не особо фешенебельном квартале. Я уверена, что Йен возненавидит это место, и эта мысль доставляет удовольствие.

Воспользовавшись его опозданием, звоню маме.

— Привет, мам, — приветствую я, когда она отвечает.

— Дженни, дорогая, мы как раз о тебе говорили, — сообщает она мне торжественно.

Прекрасно.

— А о чем именно? — пытаюсь я узнать.

— Мы с твоим отцом как раз говорили о том, что очень надеемся увидеть Чарльза в эту субботу. Ему понравился суп? — спрашивает заботливо мама.

— Ну конечно, — вру бессовестно. — Кстати, по поводу субботы, в этот раз я вынуждена пропустить визит к вам.

— Как так? — спрашивает резко мама.

— Я буду в Шотландии по работе, — сообщаю я. У этой поездки есть хоть один положительный момент: она спасет меня от родителей.

— Правда, Дженнифер? Ты будешь работать даже в выходные? Ты же уже не девчонка. Ты убеждала нас, что подобное будет случаться только в первые годы, но ты столько лет проработала, а с этой историей о работе в выходные так и не покончено!

«Спасибо, мама, что подчеркнула мой возраст», — думаю я смиренно.

— Но ведь на самом-то деле такое почти никогда и не случается. Речь идет лишь об

исключении, — уточняю я, теряя терпение. Майкл может объехать весь свет и не появляться дома целыми месяцами, как мне даже нельзя пропустить ни одну еженедельную встречу.

— Это всегда исключение, — говорит она грубо.

Предпочитаю не отвечать. Рискую не удержаться и послать ее к черту.

— Но Чарльз все равно может прийти, — предлагает она мне с энтузиазмом в голосе.

— Он тоже занят... — нервно отвечаю я. Эта ложь приносит одни проблемы.

По правде говоря, Йен выбрал самый лучший момент, чтобы появиться в зале. Он направился ко мне и, подойдя к столу, наклонился, намереваясь поцеловать меня в щеку.

Какого черта он делает? Я успеваю во время уклониться, чтобы увидеть его насмешливый взгляд, которой он мне адресует.

— Добрый вечер, прости за опоздание, — говорит Йен, садясь напротив.

— Кто это там с тобой? — спрашивает моя мама — женщина с самым острым и отличным слухом на планете.

— Это официант, — отвечаю я не очень убедительно.

— Ты ужинаешь не дома? — спрашивает она подозрительно. — С кем? — настаивает новая Пуаро в юбке.

— С Верой и Лаурой, — вру я.

— Дашь им трубку? — спрашивает она, как будто это обычное дело.

— Зачем? — спрашиваю я взволнованно.

— Как это зачем? Затем, что я хочу с ними поздороваться. Что за вопросы ты мне задаешь, Дженнифер?.. Ты какая-то странная этим вечером.

Взглядом даю Йену знак заткнуться, потому что он может все испортить.

— Ну, так что, ты даешь им трубку?

— Я не могу, они пошли в туалет, — вру еще раз, закрывая глаза в отчаянии.

— Обе? — спрашивает она, не веря.

— Да, вместе. Это что, допрос с пристрастием? Я передам им привет от тебя. Спокойной ночи, мама! — и кладу трубку. Ну почему меня замучила совесть, и я позвонила матери?

Йен пытается сдержать смех, но ему это совсем не удается.

— Смейся, смейся. Я обожаю устраивать такие веселые спектакли, — говорю ему, угрожающе разламывая гриссино⁷ и засовывая его в рот. К черту диету, я и ни грамма не сброшу в такой период, и поэтому стоит питаться, как следует.

— Меня мучает одна мысль: зачем врать? — спрашивает он, стараясь расположить к себе.

— Потому что она начинает сильно действовать на нервы, когда настаивает на том факте, что я слишком много работаю, — объясняю я туманно.

— Ты должна была сказать ей, что ты со мной. Матери меня обожают, — отвечает Йен напыщенно, демонстрируя свою хорошо известную улыбку.

Я уставилась на него серьезно.

— Моя — нет.

— Поверь мне, все. У меня тридцать один год опыта за спиной, — настаивает парень кичливо.

— Поверь мне, моя — нет, — перечу я не менее кичливо.

Вижу, как огонек вызова зажегся в его голубых глазах.

— Может, проверим? — предлагает он.

Да, конечно, как будто в моей жизни не было уже достаточно катастроф.

— Я скажу «нет».

Что? Я новая жертва на алтаре напыщенности Йена?

— Я из тех, кто не сдаётся, — отвечает мне уверенно Йен. Как будто я это не поняла.

— Поверь мне, я говорю это для твоего же блага, — предупреждаю его, чувствуя себя даже очень великодушной.

Вот тут я ошибаюсь, так как ясно, что для него это становится настоящим вызовом. Я поняла это из его выражения лица, на котором вырисовывается упрямство. Я уже изучила его, вопреки моему желанию.

— Поспорим? — спрашивает он, опасно наклоняясь ко мне.

Боже, ты являешься свидетелем тому, что я, правда, сделала все, что было в моих силах, чтобы избежать нечто подобное.

«Знаешь, что я тебе скажу, Йен Сент Джон? Располагайся» — эта мысль так заставляет меня улыбаться, что мне не удается скрыть эмоции.

— Хорошо, — уступаю я, выбрасывая белый флаг. — В один из следующих выходных ты можешь случайно проходить мимо усадьбы моих родителей, скажем, в субботу после обеда.

— Я мог бы проходить и во время обеда. Пожилые синьоры обожают мои обходительные манеры.

Приходи, приходи, моя семья тебе покажет, где раки зимуют. Внезапно, эта идея стала такой заманчивой, что я решительно схватила еще один гриссино. Чтобы отпраздновать!

— Хорошо, если для тебя это так важно, — я стараюсь не выдать мимикой беду, в которую он вот-вот попадет. Сам, без всякой помощи, если быть честной.

— Отлично, — и в то время, как он это говорит, протягивает руку, чтобы «подписать» наш договор.

Быстро ее хватаю и наслаждаюсь ощущением тепла и решительности.

Я ощутила едва заметное чувство вины, но быстро прогнала из головы: этот человек заслуживает все, что моя чудная антимонархическая семейка может ему предложить.

ГЛАВА 7

Полет Лондон — Эдинбург прошел достаточно спокойно. Йен и я погружены в изучение наших собственных бумаг. Немного болтовни, очень мало обычных любезностей. Я бы сказала, замечательно просто.

Переезд в машине явно наиболее проблематичный, потому что мы ругаемся о том, кто же из нас двоих поведет машину (после изнурительных переговоров побеждаю я), изучать карту (побеждает он) и, в конце концов, разобраться, чья же вина в том, что мы потерялись. Того, кто вел машину или изучал карту?

Два часа спустя мы вошли во владения Беверли — огромная вила выполненная в странном вкусе. Впрочем, Беверли — сын какого-то маркиза, женившегося на дочери герцога, но, как оказалось, никто из них не получил в наследство старинные имения. Только виллы, подделанные под старину.

Сад необъятен и тщательно ухожен. Озеро перед домом достойно самой лучшей версии ВВС дома Мистера Дарси.⁸ Тем не менее, вилла небезупречна. И я буду деликатна.

Йен выходит из машины и встряхивает головой.

— Х-м-м-м... — бормочет в подтверждение своего впечатления.

У нас нет времени сказать что-то другое, потому что из ниоткуда появились как минимум пять домочадцев, которые радушно нас встречают. Ну, или хотя бы одного из нас.

И, конечно же, не обошлось без дворецкого, как и принято в лучших английских традициях. Кто-то должен сказать Беверли, что с этих времен прошли два века. Если бы моя мама была здесь, она бы получила инфаркт.

— Лорд Ланглей, — приветствуют все Йена с большим почтением. Я поражаюсь, как они еще не постелили красную дорожку, чтобы избежать угрожающего попадания пыли на его прекрасные итальянские мокасины.

— Мисс Перси, — обращаются ко мне с гораздо более сдержанной высокопарностью.

Дворецкий всего лишь бросил на меня взгляд. Ладно, я не аристократка, и что теперь?

Через несколько минут появляется и Беверли, благородный, из входной двери, со своим обычным взглядом, довольным и напыщенным.

— Йен, дорогой! Вы хорошо доехали? — спрашивает он заботливо, пока пожимает руку моему коллеге, не обращая внимания на всех остальных.

— Все хорошо, спасибо, Лорд Беверли.

— Учитывая, что ты официально занимаешься организацией моего имущества и моих связей, будет лучше, если ты будешь называть меня Чарльз, — говорит он ему с доверием. Но как же называют его те, с кем он выпивает?

Для статистики, тот факт, что его зовут, как моего бывшего, очень показателен. На моих губах появляется насмешливая улыбочка.

Беверли быстро отдает указания своей прислуге, и они выгружают наши чемоданы из машины, пока Йен идет ко мне.

— Тебя что-то насмешило? — спрашивает он тихо, чтобы никто не услышал. Я бросаю на него многозначительный взгляд.

— Я имею в виду, что-то кроме дома, прислуги и окружающей среды? — спрашивает Йен с едкой иронией.

Йен — невыносимый человек, но если все же мне придется найти в нем положительную сторону, то это ирония. У него очень прямой и язвительный способ перевести все в шутку, и я опущу, что практически всегда речь идет о вещах, которые заслуживают того, чтобы их высмеяли.

— Его зовут как моего бывшего, — шепчу ему. — Ты не находишь, что в мире слишком много Чарльзов? — невинно спрашиваю.

На лице Йена появляется хитренькое выражение. Возможно, он бы хотел добавить что-то другое, но сдерживается, потому что видит Беверли, возвращающегося к нам.

— Я покажу вам дорогу. Моя гувернантка покажет вам ваши комнаты.

И так мы входим в собор, я не знаю, как по-другому назвать этот дом. Тотальная шизофрения стилей и эпох, смешанных архитектором, у которого следовало бы отобрать диплом. Как это говорят, «honoris causa»⁹, чтобы строить, или хотя бы иметь разрешение на

такую степень.

Вестибюль на входе более чем величественный, намеренно смешной. Отсюда выходят две громадные лестницы в стиле неоклассиков, которые встречаются на первом этаже как раз перед статуей, которую я бы могла определить, как всего лишь интересную. Оказывается, я очень образованный человек.

Гувернантка — синьора шестидесяти лет с седыми волосами и ужасно противным взглядом — она останавливается и указывает нам на статую.

— Она была сделана недавно по портрету Мисс Элизабет, дочери Лорда Беверли, — говорит она с гордостью. М-да, теперь это все объясняет.

Я поворачиваюсь к Йену и вижу, что его лицо, мягко говоря, озадачено. Он не знает, что сказать; как-то необычно.

— Должно быть, Мисс Элизабет действительно прекрасна, — комментирую я, не зная, что еще придумать. Ясно, что я соврала, но эти люди ожидают, что я это сделаю.

— У вас нет ни малейшего представления, какая она. Хотя у вас будет возможность познакомиться с ней этим вечером за ужином, и посудите сами. Прекрасная девушка, — говорит она нам почти мечтательно.

Йен и я смотрим друг на друга взволнованно.

Гувернантка, иначе говоря, Мисс Ротемьер, вступает в почти скрытый коридор, за лестницей. Через несколько метров она останавливается перед дверью и показывает мне мою комнату.

— Мисс Перси, ваше гнездышко, — затем она поворачивается к Йену, — Лорд Ланглей, для вас мы подготовили комнату на первом этаже. Сюда, пожалуйста.

И с этой фразой она бросает меня без объяснений перед дверью, для того чтобы вернуться к лестнице.

На мгновение Йен ошеломлен, как и я, и не знает, либо оставить меня плакать в этом темном коридоре и бежать к гувернантке, либо подождать и посмотреть мою комнату, которая кажется мне ловушкой, как у жен Синеи Бороды.

— Иди с ней, — говорю я ему смиренно. — Если ты ее потеряешь, то погибнешь.

— Видимо, — отвечает он мне с беспокойством.

— До скорого, — прощаюсь с ним и хватаю ручку.

— Ладно, до скорого, — говорит Йен мне, решив позволить мне войти.

Моя первая мысль, когда я вошла, была, что Беверли сделал это все специально. Возможно, это часть наказания за час ожидания на прошлой неделе. Сейчас комната не кажется такой уж плохой, но простая, холодная, как больничная палата, и серая, даже в миллионах оттенков серого.

Эта сцена заставила меня улыбнуться, потому что я прирожденный солдат, и Беверли еще не знает, с кем имеет дело.

* * *

Несколько часов спустя я сижу на величественном диване в стиле конца эпохи правления Луиджи XVIII с намерением пить небольшими глоточками аперитив, ожидая прибытия такой долгожданной дочери Беверли, которая, между прочим, сильно опаздывает. Это даже слишком для такой редкой красоты.

То, что я держу в руках уже третий мартини, и если продолжу пить на пустой желудок, от ясности моего ума останется совсем немного.

Даже Йен, должно быть, думает о том же, потому что сидя возле меня на втором таком же ужасном диване, он смотрит на меня напряженным взглядом. Подняв одну бровь, пытаюсь объяснить ему, что не о чем беспокоится, но, как видимо, сообщение не попало по адресу. Беверли занимает нас монологом об охоте и своих трофеях. С того самого момента, как я резко возразила против охоты, пытаюсь сконцентрироваться на Йене, чтобы не слушать кровожадные детали. Я же все еще дочь защитников окружающей среды и мирных взглядов на природу!

Йен заметил мой тревожный взгляд и рассматривает меня напряженно, как струна скрипки. На самом деле, я ему не завидую: с одной стороны Беверли, с другой ненавистная Мисс Перси. Скорее всего, у него бывали выходные получше этих.

И, наконец, когда мы уже почти исчерпали все возможные темы и не способны «говорить о работе на пустой желудок», цитируя хозяина дома, входит звезда вечера, то есть Элизабет Беверли.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, почему Беверли так настаивал на том, чтобы Йен был в качестве консультанта.

На самом деле, речь не шла о доверии ко мне или моим способностям. В своем сердце Беверли прекрасно знает, что я знаю свою работу на отлично. Нет же, он поймал удобный случай заполучить Йена, потому что все, что он хотел — это иметь в будущем зятя-герцога.

На моем лице, впервые за много дней, расплылась самая настоящая, глубокая, чувственная улыбка. Ребята, похоже, я повеселюсь.

ГЛАВА 8

Элизабет — девушка довольно яркая. Признаю, что даже очень яркая. Воздушные, огненно-рыжие волосы (ненатурального цвета), голубые глаза, обрамленные таким количеством туши, что вечером, наверняка, у нее уходит, как минимум, два часа, чтобы смыть ее. Если, конечно, у нее это получается. Весь остальной макияж тоже слишком тяжелый, даже для званого вечера, которым данный определенно не является.

Но больше всего поражает ее наряд: на ней надето леопардовое развевающееся платье, которое оставляет открытыми километры подтянутых и самых загорелых ног. Полуголая, обутая в довольно впечатляющие босоножки. Я не могу назвать ее вид подходящим для благословенного шотландского мавзолея. Температура в этой комнате плюс-минус восемнадцать градусов. На улице максимум пять градусов.

Для справки: я в штанах, рубашке и черном, широком и теплом свитере.

В мгновение ока Йен побледнел. Это ему к лицу.

— Элизабет, дорогая, проходи и познакомься с нашими гостями. Позволь представить тебе Лорда Ланглей, — говорит ей отец. Теперь я наконец-то понимаю, за кем последнее слово в этой семье. За любимицей дочерью. Это очевидно.

Элизабет подходит к Йену, когда он поднялся с дивана, и, строя из себя звезду, пожимает ему руку.

Он отвечает нерешительно, а я тем временем злорадствую, глядя на них.

— Это честь для меня, Лорд Ланглей. Я много о вас слышала, — говорит она с ложной

скромностью. Ведь разве та, кто разodelась подобным образом, может быть застенчивой? Не будем шутить.

— Думаю, достаточно открыть любой номер желтой прессы, — комментирую, вставая в свою очередь и протягивая ей руку, — Дженнифер Перси, — говорю решительно, пока она дает мне свою. Возможно, я пожалала ее слишком сильно.

— Простите? — говорит она ошеломленно то ли от фразы, то ли от рукопожатия.

Йен фыркает в мою сторону.

— Дженни любит шутить, — произносит он, стиснув зубы и угрожающе бросая взгляд.

О, небеса, как будто это моя вина, что его фото в прессе похожи на какой-то балаган?

— Как, должно быть, хорошо находится в таких веселых и искренних отношениях со своей коллегой, — говорит она нам.

— О, Дженни — сама искренность, — утверждает Йен. Тон остр, как лезвие.

— Да и Йен не меньше, — говорю ей.

— О, ты даже не используешь его титул! — думает вслух ошеломленная Элизабет.

— Нет, — уверенно подтверждаю. Что я, по ее мнению, должна делать? Называть его «лорд» и кланяться когда он проходит рядом?

— Я никогда его не использую, — уверяет ее Йен. Теперь, кажется, что это он позволил, а не я так решила.

— Да, но я бы этого не делала, даже если бы ты его использовал, — отвечаю упрямо.

— Просто Дженни такая... как сказать... — запинается наш маленький лорд.

— Какая? — любопытно спрашиваю.

— Немного дерзкая, — говорит он мне, наконец, выставляя натянутую улыбку напоказ.

— Это совсем другое, — решительно отвечаю, в то время как Элизабет смотрит на нас с подозрением.

Беверли же равнодушен к нашей беседе.

— Что скажете о том, чтобы пройти к столу?

— Конечно, идем, — тут же отвечаю. Наконец-то нам подадут что-то кроме алкоголя.

Беверли подал мне руку, Йен сделал тоже самое для Элизабет.

И таким торжественным образом мы приходим прямо в столовую, где усаживаемся напротив буйства серебра и старинных блюд, которые блестят от света канделябра внушительных размеров. Я, правда, надеюсь, что Беверли укрепил потолок прежде, чем повесить туда нечто подобное. Оно, должно быть, весит несколько тонн. А мне еще слишком много нужно сделать, прежде чем умереть, лишившись чувств от избытка роскоши.

— Итак, Йен, — интересуется Беверли, — как твой дедушка?

— Вполне хорошо, возраст дает о себе знать, но он все еще человек, которого все боятся.

— Естественно, он же герцог, — отмечает Элизабет, ухмыляясь.

Клянусь, я не понимаю, что тут такого смешно.

— Действительно, — отвечаю ей, — он герцог, а не египетское божество.

На одно мгновение все смотрят на меня слегка растерянно. Отлично.

— О, нет, я думаю, моему дедушке не понравилось бы быть сравненным с мумиями, — утверждает Йен, смеясь над моим замечанием. Другие тоже расслабились после его шутки.

В это самое время на столе появляется ряд блюд, одно за другим. С большим трудом пытаюсь найти что-то подходящее для такой вегетарианки, как я.

Элизабет быстро замечает мою нерешительность по отношению к еде.

— Все в порядке, Мисс Перси? — спрашивает она, словно идеальная хозяйка.

— Абсолютно, я почти не голодна, — уверяю ее. Самое настоящее вранье; я умираю с голода, но это невежливо говорить хозяйке дома, что на столе нет ничего для тебя подходящего. — Однако прошу тебя, называй меня Дженни, так все делают, — говорю ей, улыбаясь, чтобы уйти от разговора о еде.

— С удовольствием, Дженни, — говорит она искренне довольная.

Я сбита с толку. Такая броская девушка — неуверенное и банальное создание. Никакого остроумия, никакой язвительной иронии. Даже хуже. Полное отсутствие иронии. Она точно уверена, что хочет такого циничного и беспощадного типа, как Йен?

— Чем ты занимаешься? — спрашиваю у нее, пытаясь поддержать беседу.

— Я пиар-агент! — восклицает она с гордостью.

— Правда? — бросаю многозначительный взгляд Йену. — В какой области?

— Ну, я занимаюсь организацией мероприятий и праздников, в общем, что-то вроде этого, — объясняет мне очень спешно, как будто она сама не в курсе.

«Другими словами, ты ничем не занимаешься», — думаю я коварно.

— А с такой работой у тебя много свободного времени? — спрашиваю с любопытством.

— Ну, естественно! У меня горы свободного времени, которое я, к счастью, посвящаю шопингу, — утверждает радостно.

О, небеса, это даже слишком легко, клянусь, никакого удовольствия.

— Как бы то ни было, я, конечно же, не буду работать всю жизнь: как только выйду замуж — прекращу, — спешит она уточнить. И бросает на Йена красноречивый взгляд.

— Ну, разумеется, а сколько тебе лет? — показываю себя заинтересованной, и в то же время хватаю булочку. Вот наконец-то что-то без мяса.

— Мне двадцать четыре года и я работаю вот уже целых девять месяцев! — вздыхает она так, как будто сыта уже этим по горло.

На мгновение Йен застыл, а его вилка повисла в воздухе. Голубые глаза ошеломленные.

— А ты, Дженни, как долго занимаешься вопросами имущества? — спрашивает она только, чтобы поддержать разговор, а не потому, что ей интересно, естественно.

— Девять лет, — отвечаю ей невозмутимо.

— Ничего себе! Девять лет — это много! Позволь мне спросить, сколько тебе лет? — спрашивает, обеспокоенная тем, что может как-то оскорбить меня.

— Конечно, ты можешь спросить. Мне тридцать три, — говорю ей открыто. Для меня не проблема раскрыть свой возраст.

— И ты никогда не была замужем? — спрашивает. Тон слегка тревожный.

Услышав эту фразу, Йену хотелось бы разразиться смехом, но чтобы не выдать себя, он начинает кашлять. Угрожающе бросаю ему взгляд и вижу, как он вытирает слезы.

— Нет, никогда, — утверждаю.

— Я надеюсь быть замужем в твоём возрасте. Или хотя бы в разводе, — проясняет девушка.

— У меня никогда не было отношений, подобных браку, — спокойно ей говорю.

Элизабет явно потрясена таким положением дел настолько, что ее отец тут же побеспокоился о том, чтобы подбодрить ее.

— Но это очевидно, что ты будешь замужем, — говорит ей, возвращая лишь часть ее недавней пустой улыбки.

Контакт с незамужней тридцатитрехлетней карьеристкой, наверно, сильно ее обеспокоил. Бедняжка. Но вскоре она вспоминает о своей миссии и вновь начинает бросать соблазнительные взгляды в сторону своего графа, будущего маркиза и герцога. Ведь это ее цель, это всем понятно.

Йен пытается вести себя, как ни в чем не бывало, но речь идет о таком очевидном желании, что он и вправду не сможет сказать, что ничего не понял.

Ужин проходит спокойно и без дальнейших напряженных ситуаций до тех пор, пока нам ничего не остается, кроме как перейти к деловым вопросам. Или, по крайней мере, мы с Йеном пытаемся, потому что Беверли, на самом деле, не очень-то собирается это делать.

— Эти выходные должны послужить нам, прежде всего, для того, чтобы узнать друг друга, — говорит он, пока мы возвращаемся в гостиную. — Делами мы займемся по возвращению в Лондон.

Что? А какого черта мы приехали в эту холодную и дальнюю часть Шотландии? Бросаю обеспокоенный взгляд Йену, который, очевидно, подумал то же, что и я.

— Я вас оставлю, молодежь, вам есть о чем побеседовать, — говорит он нам, прощаясь. И в тот момент, как он уходит, бросает мне красноречивый взгляд. Ясное дело, он хочет, чтобы мы оставили голубков наедине.

Йен тоже это понял, потому что внезапно хватает меня за руку, пока мы сидим на диване, и наклоняется ко мне.

— Брось меня здесь одного, и ты заплатишь, — шепчет мне угрожающе, а в глазах паника.

На секунду я почти захотела остаться, чтобы ему помочь. К несчастью для него, этого «почти» не достаточно, чтобы меня удержать.

Я освобождаюсь от его хватки и решительно встаю. Потом приближаюсь к нему и под предлогом поцеловать его в щеку, шепчу:

— Я бы тебе советовала не угрожать мне в следующий раз, напротив, попробуй умолять. Авось подействует.

И с ехидной ухмылкой направляюсь в свою грустную комнату.

* * *

Я сижу в одиночестве за огромным обеденным столом в желании насладиться моим завтраком. Но единственное, что я могу есть, — это хлеб и масло: яичница с беконом и сосиски с чечевицей, и лучше о них не говорить. Тут есть маффины, но они соленые и с жареной ветчиной вместо привычной черники. Жаль, я с удовольствием съела бы простое яйцо.

Я настолько погружена в свои размышления, что и не слышу, как Йен тайком входит в комнату. Он касается моего плеча, чтобы поздороваться, заставляя меня подпрыгнуть от испуга.

— Эй, я не хотел тебя напугать, — говорит он, садясь рядом.

— Я задумалась, — оправдываю себя, глядя на его уставшее лицо. — Плохо спалось? —

спрашиваю у него.

— Скажем..., — подтверждает, потягиваясь.

— А я-то думала, ты нашел себе компанию, — подкалываю его иронично.

— Я тебя умоляю. И для справки, ты мне за это заплатишь, — говорит, кладя себе яичницу.

Смотрю на него совершенно невинно.

— Ты о чем? Я тебя совсем не понимаю...

— Да брось. Мне с трудом удалось освободиться от нее. А потом я боялся, что она залезет ко мне в кровать. Естественно, в моей комнате нет замка, и поэтому я всю ночь спал, прислушиваясь. Скажем так, это был не очень спокойный сон, — жалуется он, вздрагивая от одной только мысли о приеме гостей.

— Не так уж плохо, что значит одна бессонная ночь для такого, как ты...

Он бросает на меня взгляд, полный раздражения, затем смотрит на мою полупустую тарелку.

— Ты не хочешь объяснить, почему ты ничего не ешь с момента нашего приезда? — спрашивает серьезно.

— Потому что я вегетарианка, а здесь говорят только об охоте и едят мясо, — отвечаю ему сухо.

— А, — говорит удивленно, — я этого не понял.

— Это не твоя вина, смекалка никогда не была сильной стороной вас, мужчин.

Мы спокойно кушаем, вставляя комментарии о том, как приятна наша шотландская компания, как вдруг звонит мой телефон.

Достаю его из кармана и вижу, что это Вера.

— Привет, дорогая, — приветствую ее, — как там в Лондоне?

— Где, ты сказала, ты находишься? — спрашивает она вся взволнованная.

— Где-то в Шотландии, а что?

— Очевидно, ты еще не видела сегодняшней выпуск «Sun», — восклицает.

— Х-м-м, нет, к тому же я никогда не читаю подобные газетенки, — напоминаю ей. Только финансовые газеты, я думала, это все знают.

— К твоему счастью мы их читаем, — сообщает мне Вера.

Я кладу кусок хлеба на блюде, мне это немного поднадоело.

— Я бы хотела продолжить разговор ни о чем, но знаешь, не могла бы ты подойти к сути?

— На странице сплетен твои фотографии! — восклицает.

Ну, даааааа, конееееечно.

— Сколько ты вчера выпила? — спрашиваю у нее обеспокоенно. Обычно у Веры всегда получается прийти в себя на утро воскресенья, но сегодня, видимо, исключение.

— Я ничего не пила! — кричит обиженно. — Я осталась дома, у меня болел живот.

В таком случае, это что-то странное.

— Ну, конечно, это не могу быть я. Должно быть, это кто-то очень на меня похожий, — уверенно ей говорю.

— Дженнифер, поверь мне, это ты. Тебя сфотографировали с Йеном.

Как только она это произносит, поднимаю глаза на только что упомянутый субъект. Он в свою очередь вопросительно на меня пялится.

— Окей, я найду газету и перезвоню, — отвечаю ей, чувствуя, как страх меня одолевает.

— Хорошо, только не волнуйся, — умоляет Вера. А в результате заставляет меня волноваться еще больше.

Йен смотрит на меня обеспокоенно.

— Плохие новости? — спрашивает.

— Я не знаю, моя подруга говорит, что мы с тобой попали на страницу сплетен в «Sun». Но это очевидно, что она, должно быть, ошиблась.

— Да, очевидно...

Но кто знает, почему в тот момент, когда он это говорит, то не кажется особо убежденным. В спешке поднимаюсь из-за стола в поисках экономки. Я нашла ее в вестибюле вместе с Элизабет. У бедняжки довольно потрясенное выражение лица, а в руках — газета. О, господи!

— Доброе утро, — говорю обеим.

Экономка бурчит что-то вроде ответа, а Элизабет смотрит на меня растерянно.

— Доброе утро, — произносит еле слышным голосом.

— Позавтракаешь с нами? Йен там ждет тебя.

Она не клюет. Значит дело серьезное.

Она спускается с лестницы и протягивает газету экономке. Сейчас мне предстоит вырвать ее из лап ротвейлера, который смотрит на меня так, будто хочет укусить. Что-то мне подсказывает, что это будет нелегко.

Внезапно Йен появляется возле двери.

— О, газета! Как раз та, которую я искал, — говорит он хитренько.

И синьоре ничего не остается, как отдать ему ее. Несмотря на то, что она раздосадована и никак это не скрывает. Йен хватает воскресный выпуск и поднимается по лестнице прямо в свою комнату. Я следую за ним, не обращая внимание на кислые мины тех двух.

Я быстро догнала его и выхватила газету.

— Если позволишь, я бы хотела взглянуть, — говорю ему взволнованно.

— Не позволю, я первым хочу взглянуть, — говорит он, отбирая у меня газету.

Ругаясь, мы подходим прямо к его комнате. Йен входит первым, я за ним.

— А я-то думал, что не должен бояться подобных нападений с Вашей стороны, Мисс Перси, — подшучивает надо мной.

Я вырываю у него из рук газету.

— Давай без глупостей!

Йен странно улыбается, пока пытается защититься от моих ударов.

— Ну же, давай найдем эти обвиняющие страницы, — говорит мне и садится за стол. Его комната на деле оказалась роскошными апартаментами, это что-то ошеломляющее. Стол, за которым он уселся, настоящий экземпляр эпохи Луиджи XVI.

— Где тут раздел сплетен? — спрашивает, пока начинает листать газету.

— А я откуда знаю? — отвечаю. Хочу отметить, что это совсем не мое чтение!

Йен фыркнул.

— В теории ты экземпляр женского пола. Что ты за женщина, которая не читает сплетни? — обвиняет меня.

— Я женщина, не читающая сплетни, это очевидно. Они существуют, знаешь?

— Я поражен, — отвечает мне всего-то.

— Да, представляю.

Вскоре мы находим желаемую страницу, и вот мы, там, немного размытые, но определенно мы. Заголовок гласит: «*Новая пассия наследника герцога Ревингтона*», а на фото мы прощаемся на выходе из ресторана. Я хватаюсь за его руку, а он держит мою кисть.

— О, боже... — говорю тяжело вздыхая.

Йен предпочитает не комментировать.

Тогда я начинаю читать текст:

— «*Таинственная незнакомка, которая очевидно не принадлежит к привычному кругу подруг нашего графа...*» — говорю вслух. — Упаси, Бог, — комментирую и продолжаю, — «*...странно, но она неписанная красавица, но очевидно, что молодой аристократ очень ею дорожит...*».

И тут я разразилась смехом. Очень звонким и не очень приличным.

— Что? — восклицает яростно Йен.

— Тут пишут, что ты смотрел на меня мечтательным взглядом, — и начинаю смеяться до упаду. Думаю, обычно, в его присутствии, девушки никогда не позволяют себе прибегнуть к таким неуклюжим манерам.

Йен продолжает читать статью, пытаюсь не отвлекаться.

— В любом случае, тут ничего компрометирующего, — выносит приговор, дочитав до конца.

— Это ясно, единственное компрометирующее событие, на котором они могли бы присутствовать, — это наша ссора, — напоминаю ему, пытаюсь вновь стать серьезной.

— Никогда не думал, что скажу это, но к счастью... — соглашается загадочно.

— Хотя я бы предпочла не попадать в газету. Знаешь, в отличие от девиц, с которыми ты обычно общаешься, у меня карьера и доверие, которые нужно защищать, — я чувствую, что должна это подчеркнуть.

— Я с ними не общаюсь, — защищается Йен, — речь идет всего об одном ужине время от времени. Я холостяк в душе...

Поднимаю руку, чтобы перебить его.

— Мне абсолютно все равно, с кем ты встречаешься и что ты делаешь. Твое дело. Мне жаль только, что чертова встреча по работе с тобой становится новостью.

— Понимаешь теперь, с чем я сталкиваюсь каждый раз? — нападает на меня.

Смотрю на него серьезно.

— Понимаешь, что ты сам втягиваешь себя в подобные ситуации? Тщетно кричать: «*Волк! Волк!*», после пары раз тебе уже никто не верит.

— Конечно, мисс безупречные свидания и мисс серьезное сожителство, — говорит, давя на больное место.

— Я никогда ни с кем не жила, — уточняю.

— Вот именно! — говорит, скрещивая руки на груди.

— Как бы то ни было, в этот раз не случилось ничего серьезного. Всего лишь воскресная газетенка, — говорю вслух, чтобы убедить себя.

— «*Sun*» — газетенка? Эта цветная фотография занимает полстраницы, если ты не заметила, — настаивает, показывая ее мне снова. На чьей он стороне?

— Закрой эту проклятую газету, — говорю немного раздраженно, — может, ты ее

вообще выбросишь?

Я вырвала ее у Йена, хорошенько скрутила в комочек и бросила в корзину. У меня даже вышло попасть в центр.

— Хотя кое-что положительное в этом есть, — говорит серьезно.

— Да ну?

— Элизабет, возможно, поверила в это и, наверное, оставит меня в покое, — это предположение его озаряет, черт возьми.

— Конечно, обидеть дочку нашего клиента — гениальный шаг... Кто знает, почему я об этом раньше не подумала, — говорю цинично. Элизабет была невыносимой, но Йен, во чтобы то ни стало, не должен узнать, что я думаю также.

— В точку! Я должен был раньше об этом подумать! — восклицает синьоришка, не обращая внимания на мою очевидную иронию.

— Да брось... — говорю, пытаюсь вернуть его в реальность. Я встаю со стула, собираюсь уйти.

— А теперь, когда мы с этим разобрались, я бы с удовольствием поговорила о работе с Беверли. Мы уже потеряли слишком много времени, — произношу торжествующе.

Йен решает пойти за мной.

— Я никогда не думал, что скажу это, но я с тобой согласен.

И произнося это, открывает дверь.

* * *

Через несколько часов Беверли прощается с нами довольный, а мы залезаем в машину, готовые сначала добраться до Эдинбурга, а потом до Лондона. Нам странно удалось проработать около двух часов, прежде чем в который раз быть втянутыми в пустые светские беседы, которые ловко вела Элизабет.

Беверли остался доволен нашими предложениями, и, возможно, по прибытию мы наметим убедительный план действий.

Я собираюсь сесть в машину и вдруг слышу, как Элизабет грустно обращается к своему отцу:

— Я не могла в это поверить. Почему, папочка? Она же такая старая!

Э-м-м, старая? Для кого?

ГЛАВА 9

Понятно, что все в нашем офисе прочли воскресную газету, даже если никто не осмеливается сказать это в открытую. Никто... кроме Джорджа, который славится своей бесстыжей мордой.

Итак, в понедельник утром, в то время как мы были закрыты в моем офисе, работая над одним делом, он неожиданно выдает фразу:

— Со всем этим у меня еще не было возможности сказать тебе. Я очень доволен, что ты и Йен все выяснили... — говорит он мне не в силах скрыть небольшую ухмылку.

Его тон должен был быть серьезен, но у него это совсем не получилось. Я бросаю на

него угрожающий взгляд.

— Мы совсем ничегошеньки не выяснили, — уточняю, пытаюсь не отвлекаться.

— А фотографии? — настойчиво спрашивает он, раздражаясь в этот раз звонким смехом. Возможно, он вспомнил о нашей гигантской фотографии.

— Смейся, смейся, — говорю ему, тяжело дыша. — Действительно, быть таким жестоким со своим шефом...

— Прости, но увидев такую статью... Я почти обжегся кофе вчера утром! — говорит он мне так, будто это моя вина.

— Без труда поверю в это, — искренне говорю ему. — Итак, что же говорят о фото? — спрашиваю, решив изменить тактику. Если и есть кто-то, кто держит руку на пульсе в этой ситуации, так это Джордж, и очень ценно знать, как на самом деле обстоят дела.

Он расслабляется на своем стуле.

— Ты волнуешься! — говорит он мне, странно улыбаясь.

— Нет, дорогой, я всего лишь немного сержусь. Это же смешно, еще и потому, что это Колин заставил нас работать за пределами офиса, чтобы не беспокоить ваши души нашей руганью. Кстати, мы вам мешали?

— Даже не представляешь насколько, — подтверждает он со своей обычной иронией. — Только работа? — спрашивает он, заметно разочарованный.

— Джордж! — оскорблено вскрикиваю. — Ну, конечно же! Какого черта, ты хочешь, чтобы я делала с кем-то вроде Святого Джона?

Джордж начинает улыбаться мне, но эта улыбка мне совсем не нравится.

— Хорошо, хорошо! — говорит он, поднимая руки. — Не сердись. Я должен был спросить у тебя. Потому что, моя дорогая, это будет тема месяца в этих стенах. Если не учитывать, что сейчас ты одна, он один... Ну, ты знаешь, как это все происходит, — он пытается внушить.

— На самом деле, нет ничего лучше, чем сплетничать о ком-то в этом проклятом офисе? — Я отдаю себе отчет, что должна была насмешить его и притвориться, что у меня нет никакого интереса, но по каким-то причинам у меня этого не вышло.

— Нет, этот месяц был слишком гладкий, а вы двое создали новость, — сообщает он мне.

К этому я тоже пришла.

— Конечно же, мы создаем новости вот уже больше пяти лет, но в противоположном смысле, а не в том, что вы имеете в виду. Мы могли бы поубивать друг друга в порыве соперничества или ссор! — жалуясь я, жестикулируя, наверное, слишком сильно и нервно.

— Да, но где много ссор, там и много страсти... — невозмутимо нравоучает Джордж, который, кажется, сегодня проснулся убежденным в том, что он психолог, а не экономист.

Взгляд, который я обращаю на него, мог бы заморозить пингвинов Южного Полюса.

Мой заместитель улавливает, что пора сменить обстановку.

— Жаль, — говорит он мне, поднимаясь. — Секретари очень рассчитывали на какое-либо движение, если ты понимаешь, о чем я... — И он делает жест, не слишком изысканный жест.

Смотрю на него шокировано.

— Если бы ты не был таким толковым, Джордж, я бы уже искала другого зама. Ты самый настоящий сплетник!

Он смеется, ни капли не испугавшись моей маленькой угрозы.

— Но именно это и есть мой шарм! — возражает убежденно.

— Шарм? Если бы!

Джордж уже собирался уходить, как в дверях встретился с Йеном. Они приветствуют друг друга немного расстроено. Затем Джордж выходит, подмигнув мне.

— Что сегодня происходит со всеми? — жалуясь я Йену, который стоит возле моего рабочего стола.

— Все хорошо? — спрашивает он меня. Наверное, я похожа на сумасшедшую с растрепанными волосам и покрасневшим лицом.

— Да, спасибо, почему ты спрашиваешь? — Я бы хотела, чтобы мой тон был более профессиональным, надеюсь, что он не заметил моего странного волнения.

Отрицать, отрицать, всегда отрицать. Но учитывая то, что Йен никогда меня не спрашивал, как у меня дела с тех пор, как он меня знает, это выбивает из колеи.

— Я не могу у тебя это спросить? — спрашивает ошарашено.

— Не то, чтобы ты не можешь. Ты никогда этого не делал. Почему ты решил начать сейчас? — говорю ему, немного злясь.

Йен мудро решил сильно не заикливаться на моем настроении.

— Лучше поздно, чем никогда, не находишь?

— Нет, с тобой не нахожу. Почему ты спрашиваешь у меня сейчас? — повторяю ему мое подозрение.

По его взгляду понимаю, что он в затруднении. Определенно в затруднении.

— Я могу предложить тебе кофе? Мне нужно кое о чем тебя спросить, — швырнул он мне, как будто это в порядке вещей.

Все в его тоне не обещало ничего хорошего.

— Йен, я тебя прошу, у меня очень трудный день. Понимаешь? — умоляю его, понимая, что рискую показаться действительно сумасшедшей.

— Конечно же, понимаю, — говорит он мне с лицом того, кому сложно понять мотивы моих странностей.

— Итак, пожалуйста, убери с лица это почти виноватое выражение, так как это тебе не свойственно, на самом деле, — умоляю его.

Йен смотрит на меня почти обиженно, и против своей воли я кладу ручку на стол и поднимаюсь со стула.

— Хорошо, хорошо, кофе, но из кофе-машины. После этой истории с газетой я с тобой не пойду больше никуда, даже в «Старбакс».

Пока мы идем по коридору, не могу не отметить, что все головы поворачиваются за нами. Холл, обычно кишачий голосами и людьми, — сейчас в полнейшей тишине. Отлично, именно это мне сегодня и нужно было.

Йен и я подходим к кофе-машине, куда он вставляет монеты и выбирает два наших кофе, даже не спросив, какой я буду. На самом деле, тот факт, что он уже знает, какой я пью, беспокоит меня еще больше, если это возможно.

— Давай, я вся во внимании, — говорю ему, держа в руках мой дымящийся стаканчик. — Как и все в этом офисе, — подмечаю ему язвительно.

— На самом деле, именно это и есть тема. Я бы хотел поговорить с тобой с глазу на

глаз, — шепчет он, снизив тон голоса.

За нами слышится грохот. Думаю, что секретарь Колина только что упала в обморок.

— Не думаю, что это хорошая идея, — отвечаю сухо. Я вижу и другие вытянутые уши, и не только в переносном, но и в прямом значении.

— Я бы мог поговорить с тобой здесь, но об этом узнает весь Лондон, — настаивает Йен. Он выступает вперед и говорит мне вкрадчивым голосом. — Давай, Перси, я бросаю тебе вызов принять мое приглашение.

Ублюдок, он знает, что никогда я не противостою вызову.

На мгновение я задумалась. Что же хуже? Дать материал змеям офиса для сплетен, либо встретится с синьоришкой где-то за пределами офиса?

— Я бы могла рассмотреть предложение, но в этот раз никаких модных мест, — уточняю определенно.

Кажется, он согласен.

— Естественно. Выбираешь ты; неизвестное место, одно из тех, которые знаешь только ты.

Идея, которую он мне подкидывает, ни капли его не задевает. Да ладно!

— Хорошо, у меня есть на примете один паб, который как раз подходит для нашего случая, — говорю ему осторожно.

Сообщаю адрес и специфику области. Нужно отдать ему должное, Йен даже бровью не повел, слушая о нецентральной и неизвестной части города.

— Ок, — говорит он мне, пожимая плечами. — Я буду там в восемь.

И так он оставляет меня здесь одну и возвращается в свой офис, пока все остальные любопытные лица оборачиваются в его направлении.

* * *

Сидя за стойкой бара и попивая виски, пытаюсь расслабиться. Чувствую, что этим вечером мне понадобится вся возможная и невозможная поддержка.

Я уставшая, под действием стресса, и, по правде говоря, последний человек, с которым я бы хотела встретиться, чтобы выпить, был бы Йен. Думаю, в конце концов, я бы предпочла видеть маму, что еще сказать.

Пол, бармен, развлекает меня своими обычными историями, пытаюсь отвлечь от явно мрачного настроения.

— С чего это такая недовольная физиономия? — спрашивает меня, не удержавшись от любопытства.

Пол очень хорошо знает Веру, Лауру и меня. Мы живем в двух шагах от его паба и приходим сюда часто. Речь идет о темном месте, неизвестном для всех модных людей и, следовательно, очень подходящем для того, чтобы расслабиться. Идеально для нас троих.

— Стресс, стресс и еще раз стресс, — говорю ему смиренно, мечтательно рассматривая уже наполовину пустой бокал в руке.

— Короче говоря, держи еще алкоголь, — говорит он мне, наполняя его. Я действительно выгляжу настолько несчастно?

— Спасибо, — поднимаю бокал за его здоровье, пока спускаю еще одну каплю янтарного алкоголя по горлу.

— Подруги подойдут позже? — спрашивает он, пытаясь придать небрежность вопросу.

— Х-м-м. Нет, к сожалению.

Полу всегда нравилась Вера, но он все еще не решался пригласить ее прогуляться вместе.

— Этим вечером я должна встретиться с коллегой. Это вроде рабочей встречи, — объясняю ему, пытаясь оправдать отсутствие объекта его обожания.

Пол посмотрел на меня хитро.

— Х-м-м, дорогая, если твоя «встреча» это тот, кто только что вошел, я не понимаю, почему у тебя такое несчастное лицо.

Я поворачиваюсь ко входу и вижу, как Йен переступает порог. Он осматривается вокруг в попытках обнаружить меня, но, должно быть, темнота создает ему трудности.

— Это он, — подтверждаю и покорно вздыхаю. Я надеялась, что Йен потеряется и не придет сюда.

Мне становится плохо.

— Черт возьми, Дженни, — вскрикивает Пол, даже не окончив фразу, потому что обоим понятен скрытый смысл.

— Да... — всего лишь подтверждаю. Я понимаю его замешательство, как его можно обвинить? Йен надел свой его обычный офисный костюм, без галстука, а в руках держит пальто, которое возможно стоит больше пяти зарплат обычного лондонского бармена. И это заметно.

«Слава богу, что он не хотел привлечь к себе внимание», — думаю довольно сухо.

В конце концов, он меня замечает, делает знак рукой и направляется в мою сторону.

— Добрый вечер, Дженни, — немного спустя, приветствует он меня. Мне кажется, Йен немного напряженный, не совсем в своей тарелке в такой среде.

— Есть что-то доброе в этом вечере? — отвечаю ему, плюя на то, что могу прослыть невежливой.

— Присядем за стол? — пытается предложить мне, смотря в сторону Пола. Ясно, что он предпочел бы не иметь свидетелей.

— Ну, если ты так настаиваешь, — говорю ему, поднимаясь со стула с бокалом в руке. Йен в спешке заказывает пиво и следует за мной к столику.

— Давай, я жутко устала и хочу попасть домой как можно скорее. Если ты не против, перейдем к сути дела, — говорю ему без прелюдий.

— Конечно же, — соглашается он, — но сначала небольшое любопытство: в этом районе безопасно парковаться?

Я смотрю на него тревожно.

— А что такое? На какой, к черту, машине ты приехал сюда? — спрашиваю я со смесью раздражения и нервозности.

— На Порше, — я слышу, как он отвечает виновато.

— Йен! — упрекаю его, ударяя руками по столу. — Это так глупо!

В его взгляде улавливаю какое-то раздражение.

— Давай разберемся, на какой машине я должен был приехать? На Бентли моего

дедушки? Я владею Порше, и я езжу на Порше! — объявляет он разъяренно. Классический пример мужчины: спорь с ним о чем угодно, но не задевай его машину.

— Никогда не слышал об общественном транспорте, маленький лорд? Хотя раз в жизни пользовался хоть одним видом?

— Ну, естественно! Только я не был уверен, что доберусь в эту глухомань без машины и навигатора, моя дорогая «Я-знаю-все»! — защищается он.

— Прошу меня простить, что мы не возле Риджентс-парка... — подливаю масла в огонь.

На секунду между нами вновь возникла обычная борьба. Казалась, что это молчание никогда не закончится.

— Окей, мы сошли с рельсов, — говорит, в конце концов, Йен, нервно проводя рукой по черным волосам.

— Как обычно. И учитывая, что полемика обречена затянуться надолго, будет лучше, если я закажу что-нибудь поесть, — говорю ему смиренно, делая знак Полу, который сразу же заметил меня и кивнул.

— Есть здесь? Ты уверена? — спрашивает Йен, осторожно обводя взглядом заведение.

— На все сто. Я ем, ты рассказываешь. Итак, ты говорил... — подгоняю его продолжать.

— Я бы тоже хотел поесть, — отвечает он, обрывая мою фразу. Он произносит ее так, как будто это решение невероятно смелое.

Я ударяю руками по столу.

— О, Боже, этот ад рано или поздно закончится? — жалуюсь. Итак, я делаю новый знак Полу, указывая на человека передо мной. Вижу, как наш бармен посмеивается и кивает в знак согласия.

Я посмеюсь, когда он попытается пригласить Веру. Думаю, это будет мстительно.

— Итак, могу ли я вежливо поинтересоваться мотивами, которые привели нас сюда?

Я слишком сильно повысила голос, но это неважно. Я раздражена, в случае если Йен еще это не понял.

— Причина, по которой мы здесь это то, что ты не хочешь быть увиденной в месте VIP в моем сопровождении, — отвечает самоуверенно никчемный граф, хлопая своими длинными ресницами, тем самым строя из себя звезду. Клянусь, если он это не прекратит, я убью его.

— Господи, прошу тебя, дай мне сил, — бормочу, доведенная до раздражения.

На лице Йена веселье. Как мне кажется, я играю именно так, как он хочет..

— Хорошо, вернемся к нам, — повторяю еще раз, нервно убирая волосы с лица.

— Итак, речь пойдет о статье... — начинает Йен.

— О нет, только не о статье! — перебиваю его, вскрикнув от раздражения и еще раз стукнув руками по столу.

— Ты меня, конечно, извини, но как я закончу, если даже не могу начать? — спрашивает он, осознавая, что в его словах есть логика.

Я отдаю себе отчет, что мы вновь пришли к мертвой точке, когда приходит Пол с нашим ужином.

— Для вас, — говорит он нам и подает мне мое обычное блюдо из зелени, жаренной на гриле и бифштекс с картофелем для Йена, который сразу же пробует и кивает головой, удивленно и удовлетворенно. Хватит и секунды, чтобы понять, что Йен — тот тип хищников,

которые любят бифштекс слабой прожарки. Пол легко угадал его вкус.

— Действительно хорошо, — бормочет он, жуя. Спрятать свое удивление у него не вышло.

— Я рада, что твои королевские вкусовые рецепторы одобрили наш скромный ужин.

— Одобрили, одобрили, даже если не знаю, как я выживу без столового серебра, — шутит он надо мной. Единственный раз я решаю проигнорировать его провокацию и сделать вид, что ничего не заметила; этот вечер определенно слишком затянулся. Лучше не ухудшать положение.

— Однако не хочу повторяться, но, может, мы вернемся к тому моменту, почему мы здесь этим вечером? То есть, не учитывая, прекрасную компанию...

Йен смотрит на меня, смеясь.

— Можем. Я немного развлекся.

Я смотрю на него в замешательстве.

— Йен, занимайся своей жизнью. Я понимаю, что высшее общество достаточно скучное, но я бы занялась чем-то другим вместо того, чтобы развлекать тебя вне рабочего времени. Мне не так много платят, чтобы выносить тебя все эти часы, — заставляю его заметить.

Он бросает на меня очень непонятный взгляд; мне сложно разобрать его значение.

— Окей, возвращаясь к нам, я должен признать, что благодаря известной статье я заметил одну очень любопытную вещь: моя фотография с обычной девушкой умерила пыл многих девушек... Предстать с обычной кралеи не слишком правдоподобно, а вот с девушкой не особо привлекательной... это просто гениально! Все остальные теперь твердо уверены, что если я общаюсь с тобой, то все достаточно серьезно, — так он объясняет мне свое перекрученное умозаключение.

Моя вилка от удивления повисла в воздухе на половине пути с нанизанным перцем на гриле, который начал скользить, чтобы затем упасть в мою тарелку. Если только я испачкалась, клянусь, я оторву ему голову.

— Что, прости? — спрашиваю, надеясь, что я что-то не так поняла.

Но Йен вдохновлен на бесполезные разговоры.

— В последнее время это стало невыносимо. Все эти девушки меня буквально мучают... — непреклонно продолжает он, небрежно относясь к моему выражению лица. Для справки, обычно я считаю, что у меня достаточно красноречивая мимика.

— Бедняжка, это так невыносимо... — бормочу с отвращением.

— Вот именно, и понятное дело, это не моя вина. Это все из-за этого глупого титула, — подводит он итог.

«*Не только этот глупый титул*», — размышляю. Интересно, а он давно видел себя в зеркале? Ясно, что в тот день, в который я ему позволю думать нечто подобное, будет днем высадки марсиан на этой планете, но факт остается фактом: он противно, неприятно, определенно привлекательный тип.

— И, следовательно? — спрашиваю, но почти боюсь раскаяться.

— И, следовательно, ты была бы действительно идеальной кандидатурой! — вскрикивает уверенно.

На мгновение я хотя бы надеялась, что эпилог может быть другой.

Наверное, я плохо поняла. Это же понятно, что он не может просить меня о том, о чем я

думаю.

— Ты начал принимать наркотики, да, Йен? — спрашиваю серьезно. Других объяснений быть не может. Либо это, либо временное помутнение рассудка. У него все с головой в порядке? Он понимает, кого он просит быть его девушкой?

Он смеется, пока ест картофелину, покрытую кетчупом.

— Единственное вещество, которое могло отравить меня — это лондонский смог, — допускает он.

— Определенно, он вреден, но не думаю, что затуманивает умственные способности. Почему моя идея кажется тебе такой безрассудной? — он говорит это, надеясь заполучить симпатию?

Окей, мой желудок определенно сыт.

Кладу вилку на тарелку и смотрю на него серьезно.

— Итак, теперь попробуй повторить, потому что я уверена, что ты никогда бы меня об этом не попросил и не сказал бы, — хитрец мне улыбается такой невинной улыбкой, что я почти влипла. Я сказала «почти», я не вчера родилась.

— Ну, правда, насколько поразительно было бы с этим согласиться, но ты единственная женщина, которую я знаю, что могла бы быть в липовых отношениях со мной, не желая превратить их в настоящие. Если еще и не учитывать, что нас уже сфоткали вместе... — я хватаю бокал виски, который стоит передо мной, и делаю решительный глоток.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Э-э-э-э? — единственное, что мне удается сказать; я немного отупела от алкоголя.

— Да и потом, ты абсолютно не та обычная краля, для которой это было бы действительно слишком хитро.

Я начинаю быть довольно раздраженной.

— Это последнее я мог опустить, да? — спрашивает он, интуитивно чувствуя причину моего изменившегося лица.

— Возможно... — подтверждаю, шипя сквозь зубы.

— В любом случае, это было бы идеально! — повторяет он, не особо учитывая утверждение, сказанное выше

Окей, игра прекрасна, пока длится недолго. Но это уже переходит все границы.

— Я действительно ничего не выигрываю от твоего предложения, — подмечаю, очень стараясь быть спокойной. — И потом, те, кто меня знают, прекрасно понимают, что у меня вкус намного лучше...

Это не совсем правда, но фраза звучала так хорошо, что я не выдержала. На мгновение на лице Йена проскользнуло обескураживающее выражение, прежде чем вернулось нейтральное. Это длилось не больше пяти секунд, но они были бесценны.

— Дженни, подумай, ты можешь быть под боком у самого желанного холостяка города. И это поднимет немного твои позиции...

Ну, конечно же, как будто мне это нужно.

— Я уверен, что у меня получится понравиться даже твоим друзьям и твоей семье. Когда я хочу, чтобы люди меня любили, у меня это получается, — продолжает болтать кретин.

Я останавливаю его взглядом убийцы.

— Я считала тебя достаточно умным человеком, — решительно говорю ему, пытаюсь

пережить мысль, что только что сделала ему почти комплимент. — Следовательно, скажи мне, ты действительно думаешь, что я помогу тебе? Что. Я. Помогу. Тебе? — отчеканиваю медленно вопрос, как если бы говорила с ребенком. Мой тон недоверчивый.

— Почему нет? — наконец решается спросить он, как будто ничего не случилось.

— Йен, не провоцируй меня! — предупреждаю его, надеясь больше ничего не объяснять. Я могла бы не отвечать за свои действия.

Я хочу сказать, он ведет себя так, словно ничего не случилось, после того как превратил мою жизнь в ад на годы, и тем не менее он ждет, что я ему помогу? Что я буду в обществе с ним?

— Что тебе терять? — настаивает он, пытаюсь сменить тактику. Но ему не везет, к его несчастью, я знаю все его фокусы. Думаю, я в совершенстве овладела предметом.

— Лицо, чувство собственного достоинства, честь. Хочешь, чтобы я продолжила список? Если я начну перечислять, здесь мы останемся до полуночи, — мой готовый ответ.

— Тяжелая игра, — подытоживает он после маленькой паузы раздумий.

Я выдвигаюсь вперед и сцепляю свой взгляд с его.

— И здесь осел упал: я не играю, в отличие от тебя.

На несколько секунд мы изучаем друг друга. Никто не хочет отвести взгляд первым, потому что никто не хочет проиграть. Обычная, старая, скучная история.

— Окей, чего ты хочешь? — внезапно спрашивает он меня. Йен, должно быть, плевался пеной, только подумав о попытке заморозить меня своими бездонными голубыми глазами. Хуже для него: еще несколько минут и возможно я бы сдалась. В глубине души я все же человек!

— Я бы хотела, чтобы ты держался подальше от моей жизни. Говоришь, это можно устроить? — пытаюсь подсказать ему.

Он закатывает глаза, взбешенный моим нежеланием к сотрудничеству.

— Я имел в виду, что-то более реализуемое. И если можешь избежать сарказма, я буду тебе очень признателен.

— Я и сарказм? За кого ты меня принимаешь? — спрашиваю его, делая вид, что не понимаю о чем он.

— Не притворяйся, что не понимаешь, и не пытайся поменять тему. Что ты хочешь взамен этой маленькой услуги? — он настаивает еще раз.

Конечно же, маленькой, как же иначе.

— Если ты думаешь, что я могу согласиться на такое предложение, ты действительно дурак, — говорю ему четко и сильно.

Перед лицом оскорбления он не смутился.

— Я готов торговаться. Уверен, мы сможем прийти к удовлетворяющему нас обоим решению.

— Я сомневаюсь...

— Давай, подумай. Должно же быть хоть что-то. Что-то, как например, мое неприятие по отношению к нашему общему делу. Я бы мог быть очень упрямым, если только мне представится случай... — скрытно угрожает он мне.

— Давай проясним: не путайся под ногами. Дело Беверли мое, и я его хочу вести, так как посчитаю нужным. Твое присутствие стало необходимым по случаю обстоятельств, но мы попробуем свести его до минимума. Не хочу твоих советов и мнения, и прежде всего не хочу сравнивать тебя с собой, — говорю ему на одном дыхании. Слова высказывали так

быстро из моего рта, что у меня не было времени их остановить.

— Видишь? Все-таки есть что-то, чего бы ты сама хотела. Ты хочешь иметь возможность работать без моего вмешательства. И я буду очень счастлив предоставить тебе такую возможность взамен маленькой, крошечной, незначительной услуги.

Предпочитаю ничего не добавлять. Я боюсь, что все закончится тем, что я повешусь.

Йен внимательно на меня смотрит и долго думает, прежде чем сказать:

— Я знаю, у нас были некоторые разногласия в прошлом, но я думал, что то, что говорят о тебе, правда, — на мгновение его обычный тон исчезает, и Йен наоборот становится серьезным.

— То есть?

— Говорят, что ты «также» милый человек, который пытается помогать другим.

— Я хорошо расслышала твое «также»? — подмечаю я, не зная за что ухватиться. Есть надоедливая часть меня, которая необъяснимо толкает меня согласиться. Не решаюсь даже рассмотреть это «почему».

— Да, но я сказал все же «милый». И я говорил о тебе. Я бы хотел, чтобы ты собрала все мои добрые намерения в словах, которые я сказал.

Поднимаю глаза, чтобы посмотреть на него, и вижу, что он посылает мне одну из тех улыбок, от которых люди обычно сдаются. Я уже видела, как он это делает миллион раз, но только с другими. Обнаружить себя получателем такого жеста, как получить удар ниже пояса.

— Я прошу тебя... — осмелился он убедительно сказать мне, опасно понизив голос.

Хлопаю глазами, не веря и пытаюсь убрать тот жар, который окутывает меня. Я должна прервать эту сцену, будь что будет.

— Окей, — чувствую, как с губ соскользнули слова почти против моей воли.

Окей? Я серьезно сказала «окей»? Может, я сошла с ума? Во мне поднимается паника, и от этого я начала забывать, как дышать.

Йен удовлетворено воодушевился и даже схватил меня за руку.

— Я буду тебе действительно очень, очень благодарен! — говорит мне, пытаюсь отправить меня в полный нокаут.

— Закончим с любезностями, их было достаточно! — Выдергиваю руку и освобождаюсь от его хватки. Жест немного резкий, но без сомнения эффективный.

— Итак, это «да» точно? — спрашивает он торжественно. Как если бы ему нужно было услышать это снова. К сожалению, я сказала «да».

— У меня был выбор? — спрашиваю с энтузиазмом приговоренного к смерти, который готовится подняться на эшафот.

— Конечно же, нет! — выкрикивает он полностью удовлетворенный. — Ты же прекрасно знаешь, что я бы не дал тебе передышки. Я способен упорствовать до смерти.

— Прекрасно это себе представляю, — вздыхаю.

— Ты не пожалеешь об этом, — говорит он мне все же.

— Невозможно, я уже пожалела, а прошло всего тридцать секунд с того момента, как я решила помочь тебе. Но я помогу тебе необходимым минимумом, это понятно! И никаких фото в журналах! — предупреждаю его раньше, чем другие странные идеи могут прийти ему в голову.

— Но фото в журнале необходимы! — подмечает он.

— Хорошо, итак мало фото в журналах.

— Необходимый минимум, — соглашается он, уже улыбаясь.

— И никаких имен в печати, — спешу добавить.

— Но они все равно его узнают...

— В моем случае, не узнают, — подытоживаю с убеждением.

Йен смотрит на меня, смеясь.

— Мало, очень мало встреч... — настаиваю.

— Конечно, — подтверждает он торжественно. Но эта энная удовлетворенная улыбка угрожающе появилась на его лице.

— И взамен ты держишься как можно дальше от моих проектов с Беверли, даешь мне полную свободу, — напоминаю ему.

Вижу, что он хотел бы продолжить обсуждение условий сделки, но решил отступить.

— Естественно, как и договаривались, — обещает он, положив руку на сердце.

— Хорошо, думаю на этом мы можем закончить вечер, — говорю ему, отодвигая мое блюдо, счастлива от того, что могу уйти.

— Ты больше не голодна? — удивленно спрашивает он меня, смотря на изобилие зелени в порции.

— Кто знает как так, но голод прошел. Будет лучше, если я пойду домой, — говорю поднимаясь.

— Я провожу тебя, — отвечает с готовностью. — Это не район для длинных прогулок.

Чувствую, что я должна уточнить некоторые мелочи.

— Это мой район и, для справки, с тобой ничего не произойдет, если пройдешься пешком пятьдесят метров.

— Все же я настаиваю.

Ненавижу. Заметно фыркаю, потому что он должен уяснить, что его компания не самая желанная.

— Подожди, я только схожу заплачу, — говорит он мне, отдаляясь.

Чувствую ужасною необъятность от идеи, что он оплачивает даже счет за мой ужин, но в то же время это он — повод, из-за которого у меня все пошло наперекосяк, поэтому пусть катится к дьяволу и платит, если так хочет.

Боковым зрением вижу, как он отдает банкноты Полу. Слава богу, он не вытащил свою платиновую карту. Это было бы неудобно.

— Я готов. Пойдем, — вернувшись, говорит мне.

Поднимаю руку, чтобы попрощаться с Полом, который удовлетворенно ухмыляется. *«Хорошо смеется тот, кто смеется последним»*, — думаю про себя.

— Можешь оставить машину здесь, идти всего два квартала, — объясняю ему. Сейчас я уже покорившаяся необходимости выносить его общество еще на несколько минут.

— Хорошо, прогулка именно то, что нам необходимо.

— Нам нужно установить некоторые правила, — возвращаюсь к теме.

— Окей, — отвечает он мне, застегивая свое дорожное пальто. Только посмотрите, вот он, дух сотрудничества, сейчас как раз, когда речь идет о том, что его интересует!

— Я уверена, что ко мне придут и другие мысли в голову, но на данный момент,

полное равнодушие к работе между нами, — я его осведомляю.

— Если ты так настаиваешь, — говорит он мне не очень убежденно.

— Конечно же, настаиваю. Будет лучше не заставлять говорить налоговому отделу о моей личной жизни. Даже если это и притворство, — возбужденно добавляю.

Он соглашается знаком одобрения.

— И как говорила — очень мало встреч. Только необходимые...

Через несколько минут мы перед моим домом.

— Хорошо, мы добрались до места назначения. Я живу здесь, — показываю ему на дверь и вытаскиваю ключи из сумочки.

— У тебя есть вечернее платье? — спрашивает он меня.

— Конечно же, есть! — за кого он меня принимает?

— Прекрасно, потому что в пятницу я должен участвовать на вечере благотворительности, на котором будет самая настойчивая из всех девушек. Одна из тех, которая должна отвернуться от меня.

— Ладно, пятница, вечер, — подтверждаю, кивая ему. Голос не самый радостный, но уже смирившийся. И затем, зуб долой, долой боль.

— Хорошо, значит спокойной ночи, — говорит Йен мне, и очень странно смотрит на меня. О, Боже, ну а сейчас чего он хочет?

— Спокойной ночи, — говорю с сомневающимся выражением.

Вижу, что Йен приближается ко мне, и инстинктивно отступаю.

— Я могу попрощаться с тобой? — спрашивает он, заметив мой отход.

— Разве ты еще этого не сделал? — спрашиваю.

— Я только хотел поцеловать тебя в щеку, ты же делала это в Шотландии. Я думал, ты позволишь, — объясняет он.

— Это было только потому, что мне надо было поговорить с тобой, чтобы Элизабет не услышала, — напоминаю ему.

Но он продолжает приближаться, а я отдаляться, пока плечами не упираюсь во входную дверь. Никаких путей бегству. Я чувствую его нависшего надо мной и его быстрый поцелуй в щеку. В ноздрях остался запах его духов, и внезапно я почувствовала себя пьяной. Надеюсь это из-за недавнего виски.

— Спасибо за все. И спокойной ночи, — говорит он мне, прощаясь и в спешке исчезая из поля моего зрения.

Поднимаюсь по лестнице в квартиру и, войдя, нахожу Веру, как всегда развалившуюся на диване с книгой.

— Привет, красотка, — говорит она мне как обычно, даже не видя меня.

— Хьюстон, у нас проблема, — выкрикиваю, даже не поздоровавшись.

Она вопросительно смотрит на меня.

— Вера, где, к черту, я могу найти вечернее платье?

ГЛАВА 10

— Ну же, Дженни, выходи из этой проклятой ванны! — говорит Лаура за дверью.

— Нет! — зло отвечаю ей. — Я закроюсь изнутри и выброшу ключ!

— Конечно для той, кто должна пойти на свидание, она ведет себя довольно странно, не находишь? — слышу, как она спрашивает у Веры.

— Она напряжена, вот и все, — отвечает ей другая с уверенностью.

— Да, но стыдиться своего внешнего вида? Перед нами? Её должна увидеть половина Лондона, думаешь, она справится? — спрашивает обеспокоенно Лаура.

«*Это очевидно, что я с этим не справлюсь*», — говорю себе в сотый раз, глядя в зеркало. Мой вид и, правда, меня тревожит: передо мной прекрасная незнакомка. Я знала, что мне не следовало отдавать себя в руки моих подруг.

— Не смей ничего менять! — кричит Вера. — Мы пережили муки ада, чтобы сделать тебя такой!

О, да, меня как раз раздели в пух и прах. По правде говоря, единственная положительная нотка моего образа — это то, что если меня сфотографируют, и кто-то из моих друзей или знакомых вдруг увидит фото, то никому, уверяю, никому, даже в голову не сможет прийти, что это я.

«*Настоящая благодать*», — думаю об этом сейчас.

На мне соблазнительное, покрытое кружевом, короткое, облегающее, черное платье без рукавов, которое мне любезно одолжила Вера. Я пытаюсь оттянуть край, но вместо этого он упрямо подскакивает все выше и выше.

Естественно, мой рост — метр семьдесят, а Вера на несколько сантиметров ниже! И сейчас эту разницу видно по моим голым ногам.

Они заставили меня надеть черные босоножки на сногшибательных каблуках, которые я купила давно и мудро ни разу не надела. Хочется сказать: «*Значит, был мотив, раз я забросила их вглубь шкафа, не так ли?*»

В руках у меня черная, простая, но очень «стильная» сумочка, ее мне любезно одолжила Лаура. В нее поместилась половина вещей, которые мне могли бы понадобиться, на что жаловаться?

Однако настоящая проблема — это очень подчеркивающий макияж и завитые волосы. Мои волосы, еще более вьющиеся, чем обычно, почти закрывают мне обзор.

Это не я.

Я почти готова расплакаться от отчаяния, как вдруг слышу звонок домофона. Через мгновение меня зовет Вера:

— Выходи, твой кавалер вот-вот появится!

— Нет надежды прогнать его? — спрашиваю подавленная.

— Красотка, я уже тебе высказала свою точку зрения: ты никогда не должна была соглашаться на подобное безумство. Теперь страдай от последствий. Вперед, выходи! — обрушилась на меня угрожающе.

Смирившись, заставляю себя открыть дверь.

— Он поднимается! — утверждает Лаура.

Через пару секунд входная дверь дребезжит от его стука. Мои подруги бросают мне ободряющий взгляд.

— Окей, я открываю, — печально подхожу к двери.

«*Но, возможно, лучше б я этого не делала*», — думаю про себя, глядя на то, как выглядит Йен, ошеломленно мне улыбающийся.

— Не смей ничего говорить, — предупреждаю его, впуская в квартиру.

Сказать, что он великолепен, ничего не сказать. На нем смокинг, который сшили,

кажется, специально для него, черные, блестящие, естественно, очень дорогие ботинки. А на голове, как всегда, стильный беспорядок.

— Боже упаси! Я ничегошеньки не скажу, — бросает он, входя в прихожую. За ним потянулся шлейф из его парфюма, который так щекочет мой нос.

У Веры и Лауры вот-вот случится сердечный приступ. Я могу их понять, правда, ведь если бы я не привыкла видеть его каждый день и не обладала бы иммунитетом к его шарму, меня бы тоже хватил удар.

— Привет! — неуклюже приветствуют его.

Он отвечает улыбкой и рукопожатием обеим. Признаю, когда он хочет, то знает, как произвести впечатление.

Бросаю взгляд на Веру, тараторящую что-то о том, как они подготовили меня должным образом.

— Тогда я должен благодарить вас. Она прекрасна, спасибо. Только ей ничего не говорите, — говорит Йен, смеясь и подмигивая.

«Смейся, смейся», — думаю, злая на саму себя за то, что согласилась на этот балаган.

— Она прекрасна, но немного в плохом настроении, — предупреждает его Вера, как будто меня даже и нет в комнате.

Йен оборачивается, чтобы взглянуть на мое выражение лица.

— К этому я уже абсолютно привык.

Окей, сейчас уже совсем перебор.

— Я бы хотела тебе напомнить, что меня так вырядили, чтобы оказать тебе услугу! Так мы идем или нет? — спрашиваю раздраженно.

— Ну, естественно, — говорит невозмутимо и подает мне руку.

Смотрю сначала на него, потом на руку и, игнорируя обоих, выхожу, прощаясь с девочками.

Вскоре мы уже на улице. Его черный Порше припаркован перед нами.

— Прощу, синьора, — говорит мне, открывая дверцу.

Поднимаю глаза к небу, но решаюсь сесть, стараясь хоть как-то прикрыть мои слишком открытые ноги. Эти, так называемые, спортивные машины такие неудобные!

Йен делает вид, что не замечает, что мне неудобно, и трогается с места. Всю поездку вплоть до банкета никто из нас не осмеливается сказать и слово. Иногда вижу, как он краем глаза посматривает на меня и посмеивается.

К счастью, этим вечером на лондонских дорогах нет пробок, и после двадцатиминутного прослушивания радио с помехами мы добрались до пункта назначения.

— «Шоу-тайм», — говорит Йен и выходит из машины. Мне ничего не остается, как последовать за ним.

В этот раз, когда он подает мне руку, я вынуждена ее принять и улыбнуться через силу. Мы прошли около десяти метров, и нас сфотографировали, по крайней мере, десять раз. Отлично.

Как только мы зашли внутрь здания, я с облегчением выдохнула.

— Расслабься, — подсказывает Йен, сопровождая меня к бару. — Может алкоголь поможет тебе чувствовать себя лучше?

— Я надеюсь, потому что, правда, очень нервничаю, — нехотя признаю.

— Это нормально, эти люди обожают внушать робость другим.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты — «эти люди», — подмечаю с раздражением.

— Я искренне надеюсь, что ты ошибаешься, — отвечает мне, протягивая бокал белого вина.

Но не успели мы и начать пить, как вижу толпы девушек, направляющихся в нашу сторону. Они кажутся обезумевшим стадом, которое бежит к еде.

Краем глаза Йен их замечает и с готовностью хватает меня за талию, пытаюсь создать себе защиту из моего присутствия. Я что ему — живой щит?

— Лорд Ланглей! — слышу кокетливый голос.

— Йен! — говорит другой, который позволяет себе больше фамильярности.

— Добрый вечер, синьоры, — приветствует всех Йен, как ни в чем ни бывало, — могу я представить вам мою подругу Дженнифер?

Внезапно кавалькада валькирий замирает и жаждущие крови девушки начинают смотреть на меня оценивающим взглядом. Я слышу, как одна из девиц шепчет обеспокоенно:

— Эта та с фотографии.

И потом в группе наступает гробовая тишина.

Йен протискивается между ними, не убирая руку с моей талии.

— Прошу простить меня, я бы хотел представить кое-кого Дженнифер, — говорит, взглядом приглашая меня последовать за ним.

— Легче ожидаемого, — шепчет мне на ухо через пару метров.

Я все еще немного ошеломлена.

— Святые небеса, всегда так? — спрашиваю, потрясенная. Можно и не удивляться, что это это человека настолько гипертрофированное! На него буквально нападают юные и привлекательные девушки, готовые на все!

Йен усмехается.

— Я бы сказал «да».

— Я тебе ничуть не завидую. Эта была действительно впечатляющая группка отчаянных женщин...

— Не отчаянных, а женщин с определенной целью, — обращает внимание Йен. — Ну же, идем, я представлю тебя некоторым людям.

Весь вечер я не делаю ничего другого, как пожимаю руки и обмениваюсь любезностями. Если бы моя мать увидела бы меня сейчас, раздетую вот так и окруженную так называемым «высоким обществом», то перестала со мной здороваться. И правильно сделала бы. Я тоже готова отвернуться от себя.

Внесем ясность: я привыкла к этим людям. Встречаю их каждый день на работе, они и, собственно, их общество — это мои клиенты. До того, как я оказалась здесь, не было ничего странного. Но когда я встречаюсь с такими людьми, то делаю это в благоприятной для меня обстановке, и обсуждаем мы только технические вопросы и работу. Но эти беседы вокруг да около и разговоры о погоде меня нервируют. Все на меня смотрят и разглядывают не так, как обычно. Я привыкла, что мне дают оценку за мою работу, а не за внешний вид.

Не без некого восхищения, я вынуждена признать, что Йен определенно знает, как себя вести. Он вежлив со всеми, все время улыбается, но в тоже время недоступен и держит

дистанцию. Если позволишь много этим людям, в конце концов, они тебя раздавят, я то знаю.

— А вот тот, кого я, наоборот, очень рад видеть, — говорит мне, наконец, указывая мне на молодого блондина, который направляется к нам. Оба приветствуют друг друга тепло.

— Дженни, позволь представить тебе единственного человека из всех присутствующих, у которого все в порядке с головой. Другими словами, моего друга Джереми, — говорит мне довольно Йен.

— Очень приятно, Дженнифер, — представляюсь, улыбаясь. Увидев, что Йен спокоен, я тоже себя чувствую менее напряженной.

Джереми обменялся со мной улыбкой и пожатием руки. У него та внешность, которую многие посчитали бы «внушающей доверие»: темный блонд и светлые глаза, я бы сказала, успокаивающего цвета. Не такие, как у Йена, которые пронзают тебя насквозь.

— По правде говоря, это мне очень приятно, — говорит он мне галантно. — Ну что, вы веселитесь? — спрашивает затем иронично.

— О, безгранично, — отвечаю с хитринкой в голосе.

Джереми поднимает взгляд и долго пристально смотрит на меня.

— Х-м-м, на самом деле ты совсем не то, что я ожидал.

Надеюсь, это хорошо.

— И ты понимаешь это всего лишь после одного предложения? — подшучиваю над ним.

— Мой Бог, вообще-то мне хватает даже меньше, — говорит, подтверждая мои подозрения об обычных девушках Йена.

— Ты прав, лучше, чтобы девушки Сент Джона не открывали рот, — комментирую сказанное.

И тут Джереми раздражается таким громким смехом, что некоторые головы даже поворачиваются в нашу сторону. Йен смотрит на нас немного обиженно.

— Ты не можешь злиться, мой дорогой! Это ты их выбираешь, — подмечаю несколько язвительно.

Он поднимает бровь, обычно выражая так недоумение, в знак предупреждения и упрека.

— Мне жаль, но она чертовски права, — подтверждает Джереми. — Но я сказал бы, что сегодня ты отыгрался по-крупному. Где ты откопал Дженнифер?

Пока Йен отвечает, его лицо не выражает абсолютно ничего.

— Дженни — адвокат по налоговому консалтингу. Она — моя коллега, — объясняет он ему, раскрывая лишь основное.

— А, мозговитая. Какой необычный выбор для тебя, — вставляет свой комментарий Джереми, разглядывая нас довольно заинтересованно.

Единственный веселый момент вечера был прерван очень блондинистой девушкой, которая появилась на сцене обмотанная огненно красным, по правде говоря, коротким платьем и на сногшибательных каблуках. О таком говорится: «Невозможно не заметить».

— Наконец-то я тебя нашла! — обращается рассерженная к Йену и тянется, чтобы поцеловать его в щеку. Он не уклонился, но внезапно стал холодным, как лед.

— Я тебя целый час ищу! Правда, Йен, ты, что не мог заехать за мной? — ее тон совсем дерзок.

Понятно, что эта синьорина не очень-то привыкла слышать отказ на свои запросы.

Он ей кисло улыбается.

— Как я тебе уже говорил, этим вечером у меня есть компания. Кстати, Кэти, это моя подруга Дженнифер. Дженни, это Катерина.

Мы с Кэти бросаем друг на друга очень красноречивые взгляды. Наша антипатия взаимная и моментальная, и никто из двоих не собирается что-либо сделать, чтобы ее скрыть.

— Приятно познакомиться, — лгу, не протягивая даже руку в знак приветствия. Кэти не смущается и продолжает атаковать Йена, как будто меня не существует.

— Чтобы я тебя простила, можешь пригласить меня на танец, — пытается она подсказать ему, указывая на танцплощадку.

— Мне жаль, но я не могу, — всем очевидно, что ему совсем не жаль. — Я должен познакомить Дженни с некоторыми людьми, а потом я обещал ей танец.

Очень разукрашенное лицо Кэти явно искажается. Ясно, что для этой девушки вечер принимает неожиданный поворот.

— Хорошо. Ну же, Джереми, учитывая то, что твой друг так занят, этим вечером честь выпадает тебе. Пригласи меня на танец, — приказывает ему категорически.

Итак, говоря, она утаскивает за собой беднягу, который покорно с нами прощается. Вот он еще один, кто не смог вставить и слово.

— Тем не менее, — комментирую, глядя в их направление. — Это о ней ты говорил, та, которая тебе доставляет много хлопот?

Я искренне надеюсь, что это она. Я бы не смогла выдержать еще одну такую же.

— Это именно она, — подтверждает Йен задумчиво.

— Она кажется решительной, — комментирую вслух. Эвфемизм¹⁰ вечера.

— И я не верю, что ее смутит одно мое присутствие. Она не такая, как другие.

— Для нее нам понадобится чуть больше притворства, — признает Йен, массируя себе челюсть.

— И?

— Пойдем, потанцуем, — предлагает, волоча меня на танцпол. К моей большой удаче, здесь танцуют только медленные танцы.

— Нам обязательно это делать? Последний медленный танец я танцевала пятнадцать лет назад. И если я столько времени не танцевала, значит, есть на то причина, не думаешь? — умоляю его.

Но Йену, кажется, плевать на мои жалобы и он прижимает меня к себе. Внезапно я чувствую, что оказалась в центре внимания всего зала.

— Ты переигрываешь, — подмечаю ему, пытаюсь восстановить минимальное пространство между нами. — Ты должен дать мне дышать.

Мне удастся отодвинуться всего на пару сантиметров, большего мне не даровали.

Кэти и Джереми танцуют рядом; она не сводит с нас глаз, непрерывно бросая очень раздраженные взгляды.

Затем Йен наклоняется к моему уху и шепчет:

— А теперь контрольный удар.

— Что ты хочешь сказать? — успеваю спросить, но вместо ответа вижу, как его неясное

лицо все ближе приближается к моему. Он ведь не думает о...

В одно мгновение его губы оказались на моих, и в первые секунды я буквально окаменела.

«Это всего лишь фальшивый поцелуй», — повторяю про себя. «Это не настоящий поцелуй, это не настоящий поцелуй, это не по-настоящему...»

«Но он должен быть правдоподобным», — внезапно вспоминаю.

Итак, когда Йен слегка приоткрывает рот, я делаю тоже самое. И когда он меня обнимает, я позволяю ему это делать. Ведь какие еще альтернативы у меня есть в зале, полном людей, которые следят за нами с того самого момента, как мы переступили порог?

Настоящая проблема — это то, что я чувствую, как мои колени подкашиваются, и даже сердце стучит быстрее. И это не учитывая того, что я бы хотела открыть рот чуть больше... В общем, это все очень странно!

«Еще мгновение и я отодвинусь», — говорю решительно сама себе.

И когда я чувствую, как язык Йена касается моего, я отодвигаюсь, как обожженная огнем. Окей, это слишком, слишком.

Я смотрю на него в растерянности. Йен тоже выглядит потрясенным. Отлично, я не одна такая. Затем секунды большого смущения.

— Я бы сказал, что на сегодня хватит, — говорит мне, а его щеки слегка покрыты пунцом.

— Определенно, — подтверждаю в свою очередь, ощущая, как мое лицо пылает.

Недалеко от нас Кэти едва не лишилась чувств. Она — не единственная.

— Ладно, сейчас сворачиваемся, — предлагает, держа меня за руку.

Киваю в знак согласия, в то время как позволяю ему вывести меня из зала. Мы стараемся не обращать внимание на любопытные взгляды и голоса, кишящие вокруг нас.

Без большого успеха мы уклоняемся от ряда разочарованных фотографов и в спешке садимся в машину, которую Йен припарковал рядом. Стараясь не поднимать взгляд, я быстро влезая в салон.

— Сматываемся? — спрашивает он.

— Мигом.

ГЛАВА 11

Этой ночью я действительно плохо спала. Все из-за этого лондонского общества и торжественного вечера. Не учитывая еще и тот факт, что я потратила час на снятие макияжа перед тем, как лечь спать. И предстоящий день не обещает ничего лучшего.

Лаура и Вера беспокойно смотрят на мое потерянное выражение лица перед чашкой.

— Итак, ты выполнила свой долг вчера вечером? — спрашивает Вера, кладя в рот вкуснейший бисквит.

— Более-менее, — сонно подтверждаю. Я слишком устала для утренних разговоров.

— Как бы то ни было, я должна у тебя спросить: как ты переносишь такого типа? — наконец спрашивает моя подруга. — Потому что клянусь, я не знаю, чтобы я ему сделала...

Правда в том, что этот неожиданный поцелуй очень-то меня смутил. Вчера вечером я так разнервничалась, что, оказавшись перед входом в мой дом, я буквально выбежала из машины, едва попрощавшись с ним. Какой позор. Но, в сущности, для мужчины, который

возможно целует, кто знает, сколько девушек каждый месяц, одной больше или одной меньше не составит большой разницы.

Отчаявшись, кладу голову на стол.

— Итак, ты собираешься рассказать нам все, прежде чем мы откроем журнал, либо мы должны узнать подробности от прессы? — угрожающе спрашивает меня Лаура, вытаскивая сегодняшнюю газету.

— Открой ее, — недовольно ворчу, со склоненной на стол головой. У меня, правда, нет никакого желания рассказывать о моем вечере.

Лаура раскладывает ее перед собой и Верой. В рубрике «мировые события» появилась наша фотография, а за ней еще одна, гораздо меньше, с прошлой недели и с ремарками.

— Вчера прошел вечер по сбору средств для исследований рака, — читает Вера. — И граф Ланглей прибыл весьма элегантный в обществе той же девушки, с которой его сфотографировали на прошлой неделе, на выходе из известного лондонского паба. Личность девушки все еще остается неизвестной, но некоторые свидетели рассказали нам, что наследник герцога Ревингтона весь вечер не отходил от своей спутницы и даже поцеловал ее во время медленного танца.

— Что?! — выкрикивает Лаура. — Он тебя поцеловал?

Поднимаю взгляд и вижу их растерянное выражение лиц.

— Поцелуй — часть спектакля, — отвечаю измученным голосом.

— Какая часть спектакля?! Он тебя поцеловал! — возражает уверенно Вера.

— Итак, — спрашивает Лаура, пытаясь добраться до сути. — Как это произошло?

— Я не знаю, правда... — искренне отвечаю. — Я этого не ожидала. И потом, это не был именно поцелуй-поцелуй...

— А что же такое поцелуй-поцелуй? — спрашивает Вера сердито.

— Ну, это должен быть поцелуй с языком... — объясняю.

— Дженнифер! — перебивает меня Лаура. — Это на тебя не похоже! Единственная вещь, о которой ты думаешь — это его язык?

— Конечно же, нет! — сразу же возражаю, но, на самом деле, я действительно много думала о его языке в последние десять-двенадцать часов, и это не хорошо. Мне нужно начать думать о чем-то другом! Я молодая, тихая, спокойная женщина... и, должна сказать, немного сдержана в сексуальном плане. Что совсем не странно, если подумать что я была вместе с профессором философии, который был выше неких порывов, таких банальных. Но, какого же черта я ждала так долго, чтобы бросить его? А штука самая угнетающая, это то, что, если хорошо подумать об этом, именно он бросил меня... Нелепо.

— Окей, помимо всего, как это было? — все еще настаивает Лаура.

И на этом мне нечего больше придумать, или по крайней мере, у меня нет сил врать.

— Целуется он чертовски хорошо. Больше я ничего не скажу! — спешу добавить взволнованно.

— Раньше я не призналась тебе в этом, потому что не хотела делать поспешные выводы, но сейчас, видя тебя такой нервной, я чувствую, что должна высказаться: тебе же не нравится этот парень? — спрашивает в упор Вера, поднимая взгляд от газеты.

— Что? Нет! — пытаюсь убедить ее, пока мое лицо превращается в маску ужаса.

— На самом деле это странно, — раздумывает Лаура. — Говоришь, что ужасно его ненавидишь, но затем соглашаешься притворяться его девушкой. Ты не находишь, что здесь что-то не вяжется?

Этот довод вывел меня из моего коматозного состояния. И заставил поднять голову и выпрямиться на стуле.

— Да что не вяжется и не вяжется! У нас договор, который очень выгоден для меня. Я хочу сказать, что я показываюсь с ним на публике всего пару раз, а взамен он держится как можно дальше от офиса. Искренне говоря, это мне кажется очень, очень здравомыслимым! И именно потому я не могу терпеть то, что согласилась на что-то подобное, — утверждаю в пустой надежде убедить кого-то. Хотя бы саму себя, большего не прошу.

Вера смотрит на меня почти с жалостью:

— Если это говоришь ты...

Вновь берусь за свой кофе. Возможно, этим утром разумнее было бы отдать предпочтение ромашке.

— Итак, ты обедаешь сегодня со своими? — спрашивает она меня еще раз, великодушно решая сменить тему разговора.

— К сожалению, — грустно подтверждаю.

— А если твои видели газету? — отваживается внезапно Лаура, указывая на фото в ежедневнике.

На секунду пытаюсь представить эту сцену, но, к счастью, эта идея быстро вылетела из головы.

— Невозможно, последний раз, когда такая общественно бесполезная газета, как эта, попала в дом моих родителей, мы были в разгаре Второй Мировой Войны. И думаю, что они это позволили только потому, что искали зашифрованные послания.

* * *

— Ты хорошо себя чувствуешь, Дженни? — спрашивает меня в сотый раз мама.

Что я могу поделаться, я буквально обливаюсь холодным потом уже около двух часов. Иначе говоря, с того момента как я вошла и увидела пару самых общественно бесполезных журналов в мире, лежащих на столе в столовой моих родителей.

Если это проклятый кошмар, то я хочу проснуться! Сейчас!

— Все хорошо, мама, — убеждаю ее в сотый раз. И в сотый раз у меня это не выходит. Она смотрит на меня с сомнением, не скрывая свою досаду, что до сих пор не смогла узнать причину такой моей жажды.

Майкл смотрит на меня скучающим видом с другого конца стола. Ханна, наоборот, посылает мне несмелые улыбки. В такие моменты я даже готова забыть, что она происходит родом из народа маниакально одержимого борьбой с инфляцией, даже если это повредит росту целого европейского региона!

— Дорогая, ты уверена, что между тобой и Чарльзом все хорошо? — спрашивает мама. — Уже сто лет его не видели, у вас случайно не наступил кризис в отношениях?

Тон из тех, которые приберегают для похорон, либо для нового взрыва мятежей по всему миру.

Вот он, верный момент, поданный на серебряном блюде.

— Да, на самом деле, мы взяли небольшой перерыв, чтобы подумать. Мы оба очень заняты работой сейчас.

После моих слов все перестали есть и начали разглядывать меня. Кажется, прошла целая вечность в глухом молчании, которое бессмысленно, знаю, но что я могу сделать?

— Но ничего серьезного... — спешу добавить едва слышным голосом.

Стейси должна вставить свои пять копеек, как обычно.

— Но, конечно же, это серьезно! Чарльз — идеальный мужчина для тебя! Ты не должна его упустить! — излагает она с пылкостью свое мнение.

Если он ей настолько нравится, то пусть сама за него выходит замуж...

Решаю не отвечать и продолжаю есть салат из пшеницы. Даже еще хуже, чем последний суп, для справки.

Майкл продолжает злобно на меня смотреть.

— Что-то не так? — спрашиваю его в этот раз.

Вижу, что он не решается это сделать.

— Нет, почему же? — отвечает он мне, но очевидно, что явно его что-то очень сильно беспокоит.

После обеда мы помогаем нашим родителям убрать со стола и вымыть посуду. Затем я и Ханна вытираем бокалы.

— Не знаешь, что с Майклом? — спрашиваю ее взволнованно.

По ее выражению понимаю, есть что-то, из-за чего стоит волноваться.

— Ох, Дженни, это все моя вина! — вскрикивает она покорно.

— О чем ты? — спрашиваю ее, пытаюсь не казаться слишком обеспокоенной.

— О твоих фотографиях в газете! Я всегда читаю секцию о мировых событиях, нам, немцам, ужасно нравятся новости о королевской семье... — уточняет она. — Ты же знаешь, у нас таких нет.

— И ты натолкнулась на мое фото, — подвожу итог вместо нее.

— Да, и Майкл увидел его прежде, чем я успела перевернуть страницу. Ты даже не представляешь, как мне жаль.

— Ничего страшного, — убеждаю ее, пытаюсь понять, что делать дальше. Черт возьми, этого еще не хватало.

— Это что-то серьезное? — спрашивает меня заботливо Ханна.

Я смотрю на нее, не совсем хорошо поняв смысл вопроса, но затем зажглась лампочка.

— Конечно же, нет! — сразу же отвечаю ей. — Я была с самым желанным холостяком этой «благословенной» страны. Это же ясно, что ничего серьезного, — по крайней мере, это правда.

Ханна ставит бокал на стол и смотрит на меня своими прекрасными зелеными глазами.

— Я знаю, что твоя семья не чтит знатных и богатых, но мне можешь сказать. Если он тебе действительно нравится, и если захочешь поговорить с кем-то, я всегда готова тебя выслушать.

Майкл никогда об этом не узнает. Я тебе это обещаю.

И сейчас я понимаю, почему мой брат так сильно любит эту девушку, я почти расплакалась от того, какая она милая.

— Спасибо тебе, но действительно ничего серьезного.

Она собралась добавить еще что то, но передумала.

— Окей, но если передумаешь, Майкл и я будем в Лондоне еще несколько дней, прежде чем уехать.

— Спасибо тебе, Ханна, — заверяю я ее.

И затем, как только представится возможность, я потихоньку смоюсь. В случае, если кому-то придет в голову по ошибке открыть эту газету.

ГЛАВА 12

Телефон в офисе звонит угрожающе. Этого только не хватало, мне нужно закончить чтение доклада о недавних нововведениях в финансовом поле. В момент экономического кризиса новшества изобретаются за секунду. Политики состряпывают их дома, стоя под душем, прогуливаясь с собакой... и, следовательно, не стоит удивляться, что даже законы появляются случайно.

— Да? — отвечаю раздраженно, так как хочу, чтобы было ясно, что я очень занята.

— Дженни, возле входа твой брат, — сообщает мне секретарша с ресепшена, ни как не впечатленная моим тоном.

— Кто? — спрашиваю удивленно. За все девять лет, что я здесь работаю, никто из моей семьи никогда не приходил ко мне. Я думала, они избегают это место и вычеркнули его на карте.

— Твой брат Майкл. Я могу позволить ему подняться? — спрашивает так, как будто говорит с идиоткой.

— Конечно, жду его у лифта. Большое спасибо, Эмили.

Пытаюсь быстро выйти из состояния удивления и в спешке направляюсь к холлу. Через несколько мгновений вот он здесь, мой братец, во всем своем блеске.

— Привет, Майкл! — удивленно приветствую его, потому что я действительно не ожидала этого визита.

— Привет, Дженни! — говорит он в ответ, выходя из лифта и целуя меня в щеки. Вижу несколько любопытных взглядов, адресованных нам. Как кажется, в последнее время я предоставляю немало информации для офисных сплетен.

— Каким ветром тебя занесло? — прямо спрашиваю, учитывая то, что мой брат хорошо меня знает и знает, что со мной притворяться не стоит.

— Завтра мы с Ханной улетаем, и я хотел зайти попрощаться с тобой.

Для внесения ясности, Майкл никогда ни с кем не прощается. У него всегда куча дел, либо же несколько человеческих жизней, которые необходимо спасти.

— Могу предложить тебе кофе? — спрашиваю его, потому что не хочу продолжать этот странный разговор перед всеми.

— Конечно, — соглашается он.

Хотя Майкл не пьет кофе. Этот визит начинает меня серьезно напрягать.

— Итак, сколько времени вас не будет на этот раз? — спрашиваю, пытаюсь придать непринужденность беседе.

Он, смирившись, пожимает плечами:

— Кто знает. Три-четыре месяца...

— Не то, чтобы я не оценила твой визит, Майкл, — признаюсь ему, нажимая кнопку кофе-машины. — Но я умираю от желания узнать, почему ты здесь. Если я хорошо помню, мы попрощались в воскресенье, — напоминаю ему.

Он уставился на меня в смущении. Хорошо.

— Я увидел субботнюю статью, — говорит он тихо, как будто это может объяснить все загадки вселенной.

— Очень хорошо, что ты следишь за новостями. И? — спрашиваю невинно. У меня нет никакого желания упрощать ему этот разговор.

— И я волнуюсь! Это нормально, ты моя сестра и я обнаруживаю твоё фото в журнале... вся накрашена, одета, прямо говоря....

— Да, я поняла твою мысль, — сразу же останавливаю его. — Но сколько мне лет? — спрашиваю его с колкостью.

— Тридцать три, — отвечает сквозь зубы, прекрасно зная, к чему я веду.

— Хорошо, и ты, правда, думаешь, что я в моем возрасте должна объяснять то, что делаю?

Майкл не любит, когда его застают врасплох.

— Речь не идет о том, куда ты идешь, а искренне говоря, даже не как ты идешь. А с кем ты идешь, — решительно говорит он мне, подчеркивая каждое слово.

Возможно, лучше всего не делать слишком поспешные выводы.

— Я не хотела, чтобы вы беспокоились, но на самом деле я одна уже несколько недель и, следовательно, могу выходить с кем хочу.

Говорю это немного раздраженно, потому что я не выношу вмешательства со стороны моей семьи, которую я очень люблю, но которой всегда лучше быть подальше от моей личной жизни.

— Конечно, было бы так, если бы тот с фото, относился бы к тем мужчинам, с которыми ты обычно встречаешься. А это не тот тип людей, с которыми стоит иметь дело, — говорит он мне внезапно грустно.

И мне, правда, очень жаль, потому что я знаю, что Майкл на самом деле здесь с самыми лучшими намерениями. Он узнал высшее общество изнутри, когда встречался с Линси, девушкой, в которую он был по уши влюблен почти всю жизнь. Финал был трагичен, так как когда два слишком разных мира встречаются, в своем большинстве это ни чем хорошим не заканчивается. Её отец стал препятствовать, когда понял, что эта история становится серьезной, и Линси, встав перед выбором между оплатой своих счетов отцом и Майклом, выбрала то, что было легче всего. И мы все знали, что она поступит именно так, все кроме Майкла, который очень плохо это перенес. Думаю, ему понадобились годы, чтобы вновь прийти в себя. Ханна стала манной небесной. Когда она появилась в его жизни, мой брат, наконец, залечил ту глубокую рану.

Я все еще слишком хорошо помню Линси: жить и работать самим? Для нее это значило бедность! Жемчужина мудрости, которую мы все будем помнить.

Трагедия состоит в том, что люди ее круга не могут не думать об этом как она. В основном, их единственная работа это заботиться о собственном состоянии. И они даже воображают, что это тяжелое и ответственное занятие!

— Я знаю, что ты пострадал и не хочешь, чтобы со мной произошло то же самое, — говорю ему искренне. — Но ты должен доверять мне, — между мной и Йеном Сент Джоном абсолютно ничего нет. Я не настолько глупа. Искренне говоря, я считаю, что он очень неприятный тип.

И я действительно так думаю, а не говорю, чтобы убедить в этом брата. Синьоришка конечно же не входит в список моих любимых людей, только лишь потому что мы провели несколько часов вместе. По принуждению, вдобавок.

И вот он, я еще не успела окончить фразу, из-за стены слегка выглядывает идеальное лицо Йена, во всем своем великолепии. Майкл сразу же его заметил и посмотрел с сомнением.

— У тебя есть минутка, Дженни? — спрашивает меня маленький лорд, выставляя напоказ свою лучшую улыбку, которую обычно использует, чтобы получить то, чего хочет.

— Не сейчас, — отвечаю жестко, потому что очень хочу убедить моего брата, что он может спокойно уезжать в третий мир и не беспокоится обо мне. И потому, что Йен должен был знать меня достаточно хорошо, чтобы не применять эту технику слащавой улыбочки со мной.

Тон попал в яблочко, потому что у него раздраженное выражение лица.

— Окей, значит, когда сможешь... — говорит он мне холодно, прежде чем исчезнуть.

Майкл радостно смеется за моими плечами.

— Я уловил очень интересные вибрации... — смеется он надо мной, продолжая вертеть кофе, который он явно никогда не выпьет.

— Я тебе это говорила, братец. Нет ничего, из-за чего стоило бы беспокоиться.

Он возник предо мной и смотрит прямо в глаза, долго ища, кто знает, какие ответы.

— Ну... это мы посмотрим... Через несколько месяцев, когда я приеду, пойдем куда-нибудь поужинаем, и ты мне расскажешь все, что я пропустил. Согласна? — предлагает он мне.

— Сделка заключена! — подтверждаю. Еще и потому, что больше ничего не случится, о чем он должен знать.

Я беру кофе, который он держит в руке, и ведомая внезапной щедростью выбрасываю его. Я почти начала его пить, но сегодня я слишком нервная и нет необходимости в дополнительных дозах кофеина.

Я провожаю его до лифта и обнимаю, обещая писать как можно чаще. После того, как ушел Майкл, мне не остается ничего другого, как услышать, что же от меня хотел Йен. День уже был тяжелым, но очевидно мог ухудшиться.

Я подхожу к его офису, проходя перед ошеломленной Тамарой. Я же забыла, что на вражеской территории, и видеть, как я вхожу сюда, довольно необычное явление. Решительно стучу и, не дожидаясь ответа, вхожу в комнату.

Некоторые привычки не меняются.

Офис Йена — копия моего, исключение сделано для письменного стола, который, уверена, старинный и бесценный. Должно быть, он принес его из дома. Он говорит по телефону и мое неожиданное вторжение его разозлило. Это не новость, но сегодня эти привычные — пустяки хорошо поднимают мне настроение.

Прикрыв рукой трубку телефона, он говорит мне:

— Прошу, в следующий раз даже не стучи.

Я смотрю на него с удивлением, как если бы не до конца поняла его просьбу, и сажусь без особого изящества в кожаное кресло.

— Я могу тебе перезвонить? — быстро говорит он в трубку, язвительно улыбаясь.

Хорошо, это именно то, что мне было нужно, потому что я не хочу думать о поцелуе и о тех чувствах, которые неистовали во мне. Гораздо лучше сосредоточиться на более нужных эмоциях, таких как гнев, именно так.

Он прощается и резко кладет трубку. Как обычно, пафосно.

— Ты хотел поговорить со мной? — спрашиваю его с полной невинностью, решая не обращать внимание на его поведение.

На мгновение мне показалось, что Йен попытается выкинуть меня из офиса, но очевидно, по крайней мере сегодня, разум господствует над его желаниями.

— На самом деле я совсем не хотел говорить с тобой, но, к сожалению, это необходимо.

Вот он, этот тон и речь, которые меня успокаивают. Ясно, что отношения между нами стали слишком дружеские в последнее время. По крайней мере, я так думаю.

— Итак, тебе необходимо поговорить со мной? — формулирую вопрос иначе, ни сколько не задетая тоном.

— Да. Колин уже сказал тебе? — холодно интересуется он.

— Сегодня я еще с ним не пересекалась, — информирую его.

У Йена достаточно подавленный взгляд.

— Конечно, давай еще отправим посланца, чтобы нас зверски убили вражеские войска... — бормочет он.

— Ну-ну, я не всегда настолько одержима жаждой крови, — защищаюсь.

— Если бы куклы Вуду были до сих пор в моде, я бы уже давно был мертв.

Не опровергаю, ограничиваясь улыбкой. Я так прекрасно себя чувствую в нашей обычной рутине из ссор, что почти готова сплясать кардебалет от радости.

— Однако, — говорит он мне, меняя тему, — у нас есть дело к концу недели. Частично оно касается нашей работы, и частично нашей сделки.

Черт бы меня побрал, когда я согласилась ему помочь.

— О чем речь? — спрашиваю подозрительно.

— О работе, так как Беверли будет среди приглашенных, и он выразил решительное желание видеть нас и поговорить с нами, — объясняет он мне, опускаясь на стул. — С этим так же связанна другая тема, так как охота будет проходить под покровительством моего деда, и, естественно, я должен присутствовать.

— Охота? — спрашиваю с нотками ужаса в тоне.

— Да обычная ежегодная охота графа Ревингтона, — подчеркивает со скукой тот, что однажды будет носить этот титул.

— Я, конечно же, не буду принимать участие в охоте... — бормочу, как будто этого хватит, чтобы решить все.

Йен смотрит на меня, подняв бровь.

— Конечно же, ты это сделаешь. Ты просто обязана.

Очевидно, что мы друг друга не поняли.

— Я вегетарианка и сторонник защиты животных. Любители животных не учувствуют в охоте. Они выступают против охоты.

Возможно, у меня был довольно угрожающий вид, потому что Йен отодвинулся со стулом.

— Хорошо, значит притворись, что учувствуешь в охоте, — предлагает он мне.

И я еще считала его умным.

— Ты определенно сошел с ума: моя семья перестанет со мной здороваться, если я хоть ногой наступлю на участок, в котором идет охота графа Ревингтона! И правильно сделает!

Йен раздраженно фыркает.

— Значит, ты согласна, что я займусь делом Беверли? Полностью? Так как он захочет обсудить дела именно во время этой проклятой охоты, — напоминает он мне. Его тон дерзкий и злобный.

— Ты не можешь заниматься Беверли! Ты же обещал держаться подальше в обмен на мою помощь! И, черт возьми, я же тебя, в конце концов, поцеловала для того, чтобы ты не путался под ногами в делах с моим клиентом!

Говоря это, внезапно встав со стула, я вдруг понимаю, что фраза звучит не как комплимент его заслугам соблазнения, но, черт возьми, пусть получает, что заслужил!

Йен тоже выпрыгивает со стула и угрожающе надвигается на меня:

— Чтоб было ясно, отвращение было взаимным!

Во время этой стычки нас разделял всего лишь старинный письменный стол, и наши руки переплелись случайно. В этот момент меня, как будто ударило током в миллион вольт, который прошел сквозь все тело, от кончиков пальцев на ногах до шеи. Чувствую, что мои руки покрылись мурашками.

Когда перевожу взгляд от своих рук к его лицу, застываю в плену у этой проклятой синевы его глаз. На помощь! Ну почему же этот мужчина так выбивает меня из колеи?

Мне не остается ничего, кроме как в спешке убрать свою руку из его и отодвинуться. Между нами должно быть расстояние. Между нами должен быть целый континент, вот так я себя чувствую в этот момент.

Единственное маленькое удовольствие в том, что на его лице появляется смущение. *Так тебе и надо*, думаю с щепоткой радости.

— Окей, и так попробуем заново рассуждать здраво, — продолжил Йен. — И забудем о последних произнесенных фразах — потому что лучше забыть некоторые вещи — мы можем вернуться к проблеме? Если ты хочешь вести дело Беверли, ты должна отказаться от щепетильности животнoлюбoв и принять приглашение, прийти в гости к моему деду, который определенно достаточно угрожающий объект и никогда не встречал защитника животных в своей жизни, но он никогда не обязывал никого принимать участие в охоте. Остаься в саду, почитай что-нибудь, в общем, делай, что хочешь, — говорит он раздраженно.

Я допускаю, что с такими условиями это могло бы быть возможным, но я действительно не собираюсь сливаться с дворянством половины страны на целые выходные.

— Я могла бы прийти... — решаюсь. — Но если мне действительно можно будет не участвовать. Дай слово.

Кажется, Йен успокоился перед моей очевидной сдачей.

— Обещаю тебе это. Можешь делать все, что считаешь нужным, — подчеркивает. — Как в принципе ты обычно и делаешь.

Подлый удар, хотя может в этот раз он прав.

— Хорошо, какая программа? — спрашиваю, смирившись, вновь усаживаясь в кресло от усталости.

— Охота будет проходить в замке Ревингтонов. На расстоянии около двух, трех часов езды на машине от Лондона, в зависимости от движения. Я бы сказал, что мы можем уехать в пятницу вечером. Некоторые гости приедут в пятницу, другие в субботу утром, но лучше приехать по-тихому, — объясняет он мне. — Суббота посвящена «социализации» и Беверли хотел бы использовать этот день для работы с нами. Вечером будет официальный ужин и бал.

Мне послышалось или он действительно сказал «бал»? Еще раз? Ну почему же мне так не везет!?

— Самая настоящая охота начнется в воскресенье, после нее будет обед в первой половине дня, а затем мы вернемся в Лондон. Все ясно? — спрашивает Йен, который не присел обратно и теперь возвышался над моим креслом.

Смирившись, я киваю:

— Все ясно.

Но затем я вспоминаю далеко не второстепенную вещь.

— А наше представление? Мы опустим его на выходных?

Прошу тебя скажи «да»... прошу тебя!

Йен определенно в замешательстве:

— Ну, нет, Кэти и ее родители так же приглашены.

Что же плохого я сделала, что заслужила все это? Я опускаюсь на письменный стол и прячу лицо в ладонях.

— Думаешь о том, как бы броситься в Темзу? — спрашивает Йен с иронией.

— Конечно же, это именно то о чем я думала... — недовольно ворчу, пытаюсь поднять голову.

— Ну же, все могло быть и хуже, — шепчет он смеясь.

Внезапно я поднимаю голову.

— Очень вряд ли. И не смей мне противоречить! — указываю на него пальцем.

— Никогда не осмелюсь, — пытается он меня убедить. Ха!

— Конечно же, осмелишься. Ты способен на все, я тебя знаю. И теперь, когда ты нанес мне этот подлый удар, я возвращаюсь к работе.

Я поднимаюсь с кресла и шагаю к двери.

— Как всегда, было очень приятно, — прощаюсь с ним с иронией.

Йен смеется:

— А мне то, как приятно.

Этот кретин еще и кланяется.

ГЛАВА 13

— Давайте, девочки, толкайте! Нам просто необходимо закрыть этот проклятый чемодан! — умоляю подруг.

— Дорогая, если бы ты брала меньше вещей... — раздраженно подмечает Лаура.

Я возмущенно смотрю на нее.

— Но это же вы сами вынудили меня взять столько вещей!

Вера даже осмелилась засмеяться.

— По правде говоря, в чем-то она права. Это действительно мы.

Однако Лаура не кажется убежденной.

— Мы всего лишь выбрали ей самую необходимую одежду. Она взяла бы массу абсолютно бесполезных вещей.

— Например? — спрашиваю ни капли не убежденная.

— Твои проклятые документы! И не смей это отрицать! — говорит убежденно моя подруга.

— На самом деле, мне кажется, я придавила какие-то бумаги, — подтверждает Вера ожесточенно.

Я поднимаю руки, чтобы защитить себя.

— Это всего лишь жизненно необходимые вещи. А сейчас давайте, толкайте!

— Платья жизненно необходимы, документы читают в офисе, — снова возражает Лаура. Сегодня она очень нервная.

— Ты поссорилась с Дэвидом? — спрашиваю ее, так как очевидно, что мой чемодан не

может быть причиной ее необузданного гнева.

— Ну, конечно же, я поругалась с Дэвидом! — отвечает она мрачно. — Когда это я не ругалась с Дэвидом!

Теперь все встало на свои места.

После еще нескольких длинных и тяжелых минут у нас получается закрыть мой чемоданчик на колесиках.

— Ну, наконец-то, — вздыхает Вера, уставшая садится на пол. — Ты определенно должна купить себе чемодан побольше.

— Этого чемодана мне всегда хватало, и будет хватать! — подмечаю.

Но даже Лаура согласна с ней.

— Нет, не хватает, если ты встречаешься с графом Ланглей и должна прибыть в замок Ревингтона.

— Во-первых, я совсем не встречаюсь с Йеном, — начинаю решительно.

— Ну, конечно же, ты просто с ним целуешься! — перебивает меня Вера.

Я бросаю ей в лицо подушку и пытаюсь возобновить нить разговора.

— Итак, как я и говорила, я не встречаюсь с Йеном. И во-вторых, с чего ты взяла, что это замок? Я думаю, это будет загородный дом, всего лишь немного больше обычного.

Лаура начала смеяться до истерики.

— Сделай мне одолжение, женщина, которая не открывала журнал сплетен никогда в своей жизни и упрямится не замечать реальность этой страны: когда ты приедешь и увидишь замок Ревингтона, можешь, пожалуйста, позвонить мне и рассказать о своем первом впечатлении?

Как раз это мне надо было узнать, чтобы не волноваться.

— Это действительно замок? — спрашиваю нерешительно.

— Это огромный замок, — убеждает меня подруга с садизмом.

Мое лицо корчится в маску боли.

— Если бы моя мама узнала обо всем этом, думаю, она бы сделала исключение из своего правила, запрещающего есть мясо. Боюсь, она бы зажарила меня в духовке.

— Почему? Что ты ей сказала, чтобы оправдать свое отсутствие? — спрашивает Вера.

— А что ты хочешь, чтобы я ей сказала? Что уезжаю по работе. Точка. И кстати, если она позвонит сюда узнать какую-либо информацию, вы двое ничего не знаете, я прошу вас! — умоляю я.

— Ну, конечно же, мы ничего не знаем! Успокойся, — убеждают они меня.

— Это всего лишь слова... Если бы ты знала, как я не спокойна! По какой-то странной причине у меня плохое предчувствие касательно этих выходных. Как если бы что-то очень, очень плохое должно со мной произойти. И если быть честной, такого со мной уже произошло достаточно... я бы хотела небольшой перерыв.

И я бы продолжала еще жаловаться, если бы на мой телефон не пришло смс.

— Я внизу. Спускайся, — читаю вслух сообщение. — Он мог добавить «пожалуйста», вы так не думаете? Даже у его сообщений, в теории лишенных эмоций, получается меня разозлить.

— Не обращай внимания, — предупреждает меня Вера, поднимаясь, чтобы проводить меня до двери, — он так вырос. Привык отдавать приказы.

Как будто это его оправдывает. В моей голове ситуация только ухудшается.

— Попытайтесь не ругаться, — прощается со мной Лаура, но после видит мое

выражение и добавляет, — ...сильно. Ругайтесь только по делу.

— Попытаемся, — отвечаю не слишком убежденная, пока ее целую.

Как только закрываю дверь, замечаю Порше Йена припаркованный перед моим входом.

— Я бы взял у тебя чемоданы, если бы ты была нормальной женщиной. Но учитывая все обстоятельства, давай-ка сама, — и так говоря, он нажимает кнопку, которая открывает багажник.

Я быстро укладываю мой чемоданчик и спешу подняться на борт.

— Не беспокойся, я всегда делаю все сама, — отвечаю ему, стягивая ремень безопасности.

— Готова? — спрашивает он, надевая солнцезащитные очки последнего писка моды.

— Безусловно, нет, но поехали.

* * *

Мы приезжаем в замок Ревингтона почти в полночь. Поездка была достаточно утомительна, не столько из-за движения, сколько из-за неудачной компании. Три часа продолжительных разговоров с Йеном действительно слишком и это следует запретить законом!

Мы ругались почти из-за всего, а если подумать, говорили мы только о здравоохранении и школьных реформах! На обратный путь, думаю, надо оставить более нейтральные темы, вроде музыки и мира во всем мире. Но у меня есть подозрения, что мы можем перерезать друг другу глотки даже из-за этого.

— Добро пожаловать, мисс Перси, — встречает меня очень внимательный дворецкий безукоризненного вида, открыв дверцу.

У нас с трудом вышло заглушить мотор, как нас уже обслужили и засвидетельствовали свое почтение. За спиной вижу, что кто-то другой позаботился о моем чемодане. Мне не нужно даже пальцем шевелить.

— Спасибо, — ограничиваюсь я, смущенно говоря и выходя из салона. Я не привыкла к такому обращению.

— Я — Джеймс, мисс, — представился дворецкий.

— Благодарю, Джеймс, — повторяю, потому что действительно ошеломлена. Я стою перед одним из самых больших замков, который когда-либо видела. Башни, башенки, стены и вход, все из белого мрамора, и это делает замок похожим на кафедральный собор. Боже, сейчас мне станет плохо.

— Добрый вечер, Джеймс, — поспешил поприветствовать его Йен.

— Лорд Ланглей, как всегда мы очень рады, что Вы дома.

Это правда! Это как раз «дом» для Йена. Достаточно ошеломляюще и выбивает из колеи.

— Благодарю. Уже много гостей прибыло? — интересуется он.

— Некоторые, но большинство ожидают завтра утром, — усердно подтверждает слуга.

— Вам не стоило подсакивать на ноги, если вы должны проснуться на рассвете, Джеймс. Я бы сам оказал все почести, — говорит ему Йен, пропуская меня вперед к необъятному входу замка.

— Я полагаю, что у меня моя обычная комната. Где вы разместили Дженни? — спрашивает он, ворочаясь, чтобы понять куда идти.

И вот произошло что-то странное, потому что дворецкий затормозил и покраснел. Заметно. Я бы не сказала, что это в его стиле. Он кажется всегда невозмутимым.

— Целое крыло замка находится на реставрации, — объясняет Джеймс смутившись. — Месяц назад был ужасный ураган, и нам пришлось закрыть определенное количество комнат. И так как много гостей на подходе, граф подумал, что для Вас и мисс Перси не будет проблемой разделить вашу комнату.

— Что?! — вырвалось у меня, в манере не подобающими леди.

Все обернулись взглянуть на меня, и Йен бросил мне грозный взгляд. Это, естественно, предупреждение.

— Я хотела спросить «что?» — переформулирую вопрос гораздо более низким тоном голоса.

— Возникнут проблемы? Граф видел ваши фото в журнале и подумал, что вам так больше понравится... — объясняет мне Джеймс, еще более покрасневший и разнервничавшийся. Очевидно, что говорить о комнатах в принципе для дворецкого старше шестидесяти лет проблема этикета.

— Вовсе нет, — утверждает Йен, испепеляя меня взглядом.

«Ну, конечно же, если только он будет спать на полу», — думаю про себя.

— Итак, если мы вместе будем в моей комнате, нет необходимости больше вас беспокоить. Идите спать, — отпускает их Йен.

Дворецкий и молчаливый помощник благодарят и быстро исчезают, оставляя меня наедине с Йеном, который ни капли не удивленный шагает по белой лестнице перед нами. Это должно быть была самая быстрая сцена выхода из ситуации, в которой я когда-либо участвовала. Бедный Джеймс. Очевидно, это было слишком для него.

— Идешь или думаешь остаться спать здесь? — спрашивает он, даже не обернувшись посмотреть на меня.

Со злостью беру свой чемодан и следую за ним.

— Иду, иду, — отвечаю фыркая.

Мы пересекаем длинный и полный театральной живописи коридор первого этажа, пока не доходим до белой античной двери.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — иронически говорит Йен, потому что от скромного в этой комнате нет абсолютно ничего. Даже воздуха.

Эта «комнатище» такая же большая, как и моя квартира, если не учитывать что все стены в лепке и золоте. Стол — определенно неоклассика, и мое внимание сразу же привлек паркет, самый прекрасный из всех, что я видела, покрытый местами необъятным ковром. Никогда я бы не осмелилась по нему ходить! *«Потолок, должно быть, был вдохновлен королевским двором Версаля»*, — думаю про себя, мне кажется, я улавливаю некую схожесть.

В центре комнаты находятся два старинных дивана и инкрустированный стол. В углу сразу же замечаю письменный стол из современного хрустала с компьютером и принтером на нем. Очевидно, что это рабочий угол.

В другой части комнаты расположена необъятная кровать, старинная, но в тоже время простая. В глубине справа видна дверь, которая должна вести в ванну.

Думаю, Йену не нравится показная роскошь. Это поразительная комната, в какой-то степени функциональная и в какой-то степени в умеренных тонах.

— Все в твоём вкусе? — спрашивает хозяин дома.

— Конечно. Особенно в моем вкусе диваны, на которых ты будешь спать, — с готовностью возражаю. Лучше думать о ядре проблемы и не терять время на церемонии.

Поздний час может обезболить и очень уменьшить мою способность сопротивляться, но это не значит, что я спущу ему с рук эту блестящую идею об общей комнате. Даже если, на самом деле, здесь поместятся целых две семьи!

— А я думал, что ты предложишь свою кандидатуру, чтобы спать там, — дразнит меня Йен.

— Ты плохо думал, — говорю ему спокойно. — Фото в газете — это твоя вина, следовательно, диван твой.

— Спокойствие, — вздыхает он. — Я хотел сказать, что возьму одеяло из шкафа. Конечно же, оставить спать особу моего роста спать на диване очень скверный поступок.

Я останавливаюсь в середине комнаты, пытаюсь решить, как и куда распаковать чемодан.

— Ты, правда, надеешься меня разжалобить в каком-то смысле? — спрашиваю его, ни капли не затронутая.

Йен даже не ответил, только усмехнулся.

Я сажусь на кровать и начинаю открывать чемодан.

— Куда я могу положить свои вещи?

Йен открывает шкаф и указывает мне на ящик.

— Этот свободен, если тебя надо положить сложенные вещи. И повесь здесь те, которые длинные.

— У меня всего одно длинное платье, — убеждаю его.

— Без проблем. Недостатка в пространстве нет. Сейчас здесь у меня мало вещей, учитывая то, что сюда я не так часто приезжаю. Мой основной гардероб в Лондоне. Тут я стараюсь появляться как можно меньше.

Наблюдение слишком интересное, чтобы не углубляться.

— Почему? — спрашиваю с любопытством, но пытаюсь не показать этого ему.

— Потому что если я буду слишком часто видеться со своими родителями и бабушкой, то поругаюсь со всеми. И, следовательно, я этого избегаю.

Это заставило меня открыть рот.

— Да ну?

Упс, не удержалась.

Йен смеется с моего выражения.

— Да дорогая, ты не одна обладаешь способностью вывести меня из себя. Вся моя семья достаточно пристрастилась к этой миссии. Моя жизнь единственная крайне сложная.

— Я это представляю: даже китайские шахтеры без социальных прав, согласились бы в том, что твоя жизнь полна нужды.

Я бы хотела узнать что-нибудь еще, но уже полночь и я чувствую себя уставшей, очень уставшей. Даже он выглядит как человек, нуждающийся в хорошем сне.

— Давай оставим трудные разговоры до завтра и пойдем спать? — немного позже предлагаю, укладывая последние вещи в шкаф.

— Впервые твоя мысль кажется мне прекрасной идеей, — соглашается он, зевая.

— У меня всегда прекрасные идеи, — подтверждаю еще раз.

— Притворюсь, что я этого не слышал. Давай, можешь пойти в ванну первой, — и он приглашает меня расположиться, указывая мне на дверь в глубине комнаты.

Я хватаю свою пижаму, которая, к счастью, является двумя банальными вещами скорее мужского гардероба, и направляюсь в ванну. Чищу зубы и быстренько переодеваюсь. Когда я вновь выхожу в комнату, Йен уже переоделся: он надел пижамные штаны в квадратик и обычную белую майку сверху.

«Итак», — говорю себе. — «Нет никаких оснований, чтобы он выглядел так чертовски сексуально! Но все же...»

— Никаких кружев? — спрашивает он, видя меня в моей пижаме.

— Я похожа на человека, который носит кружева? — спрашиваю его действительно удивленно.

Кажется, Йен думал над этим и затем пожал плечами.

— Нет, конечно же, нет. Но все же я мог надеяться, — говорит он, усмехаясь.

— Будь серьезным, — призываю я его, ни капли не задетая его замечанием.

Я направляюсь к кровати и с прыжка погружаюсь в одеяло. Действительно мягкое, больше нечего сказать. Думаю, этой ночью я буду хорошо спать, не смотря на мешающее присутствие Йена, который хотя и будет на диване на должном расстоянии.

Маленький лорд вышел из ванны и готовится выключить свет.

— Доброй ночи, — говорит он мне через несколько минут далеко из темноты.

— Доброй ночи, — отвечаю, и через секунду я уже в объятиях Морфея¹¹.

ГЛАВА 14

— Не хотелось бы давить, но уже почти десять, Дженни, — слышу как кто-то мне говорит.

Это очень странно: я нахожусь не в своей мягкой постели, и мужской голос пытается меня разбудить. Но я не хочу, мне хорошо здесь, в тепле.

— Давай, Дженни, еще немного и тебе будет нечем позавтракать, если ты не решишься встать.

Опять этот нудный голос, который я где-то слышала, но это не мое обычное утро.

С трудом открываю сначала один глаз, потом второй. Слишком много света, не могу ничего разглядеть.

Еще раз моргаю и, наконец, туман рассеивается. Перед глазами лицо мужчины с черными волосами и пронзительно голубыми глазами. Я уже много раз видела этот взгляд... Господи, Йен!

И моргнув, я осознаю, где я нахожусь, и особенно, почему я проснулась в замке Ревингтонов.

— Ты себя плохо чувствуешь? — спрашивает меня Йен, почти обеспокоенный моим растерянным видом.

Я потираю глаза.

— Не особо. Сколько ты сказал сейчас времени? — спрашиваю низким сонливым голосом.

— Уже десять, — отвечает, глядя на меня с подозрением. Должно быть, у меня довольно потрясенный вид.

— Сколько?! — спрашиваю подпрыгивая. И, в мгновение ока, я уже совсем проснулась. — Не может быть, что уже десять! Я никогда в жизни не спала до десяти.

— Ну, однако, сейчас десять, — повторил Йен, скрестив руки на груди и наблюдая за представлением, разыгрывающимся перед ним.

Я не могу даже представить свой вид в этот момент: заспанные глаза, растрепанные волосы, никакого макияжа. Как это Йен еще не убежал с криками? Клянусь, я бы не обиделась, если бы он так сделал, напротив, я бы посчитала это абсолютно логичным.

— Я даже не знаю, обижаться мне или веселиться, — признается он мне, отдавая свое лицо от моего.

— На что? — ворчу недовольно все еще заспанным голосом и сажусь на кровать.

— В основном женщины соревнуются, чтобы показать себя с лучшей стороны для меня, в особенности, если это утро и они находятся в моей постели, — намекает он, и начинает настойчиво пялиться на вырез моей пижамы.

Классика: я проснулась всего минуту назад, а он уже меня раздражает. И не учитывая то, что меня невозможно спровоцировать, если желудок пуст.

— На эти выходные это моя постель, ну так для справки. И что касается того, как я выгляжу до того как подняться с простыни мне нет никакого дела!

— Всегда такая нервная, когда просыпаешься? — спрашивает он невинно.

Бросаю ему довольно красноречивый взгляд. Йен смеется, но продолжает пялиться на меня.

— Не пойми меня не правильно, но это приятное изменение. Если не брать в расчет, что ты не накрашена и похожа на ребенка.

Неужели мужчины действительно думают, что это комплимент?

— Ты не хочешь подвинуться, чтоб я смогла выйти? — рассерженно говорю ему.

Он отходит равно на столько, чтобы я могла встать с постели и пройти прямо в ванну.

— Я жду тебя наверху в гостиной! — слышу его крик сразу же после того, как я закрылась в ванной.

Слава Богу, наконец-то минута покоя! Как ужасно начинать утро на этой ноте: я выгляжу так, будто только что вышла с фильма ужасов, а он прекрасен, ни одна волосинка не выбилась из прически, одет с иголки.

Но какого черта я спала так крепко, зная, что он находится рядом с постелью? Внутренний голос говорит мне, что, возможно, я так сделала именно потому, что это его собственная кровать, но я в спешке отгоняю эту неприятную мысль.

За несколько минут я чищу зубы и одеваюсь, выбираю черные, удобные брюки, но для эффекта надеваю голубой свитер с широким горлом. В завершение я расчесываюсь, оставляя волосы распущенными, все еще в беспорядке от сна и крашусь немного ярче, чем обычно. Уже не ребенок!

Итак, выходя из комнаты, я сталкиваюсь с проблемой: я не знаю куда идти. Решаю спуститься по лестнице, по которой мы пришли вчера вечером и затем начать разведку в поиске еды.

К моей удаче, возле лестницы нахожу Джеймса вместе с очень элегантной синьорой,

приветствующей только что прибывших гостей.

— Доброе утро, мисс Перси, — приветствует меня Джеймс официально.

— Доброе утро. Я прошу вас, зовите меня просто Дженни, — тепло отвечаю ему.

Услышав наш разговор, синьора сразу же обернулась.

— Джеймс, ты не хочешь нас представить? — спрашивает она так, будто мы не в состоянии сделать это сами. Думаю, эти люди спутали этот замок с настоящим дворцом.

— Конечно. Леди Сент Джон, это Дженнифер Перси, она прибыла вчера вечером с вашим сыном. Мисс Дженнифер, позвольте представить Вам Леди Сент Джон.

Ага, это многое объясняет.

Мама Йена женщина высокая, худая, безукоризненная, шатенка с медными оттенками в волосах и зелеными глазами. Безупречная осанка, кожа все еще как у девочки, а украшения, которые она носит, должно быть, стоят целое состояние. Скажем так, что эта женщина не остается незамеченной.

Взгляд, который она мне адресовала, был сперва недоверчивый, затем заинтересованный. Представляю, я совсем не то, что она ожидала.

— Очень приятно, — говорит она, протягивая руку. Но не ясно на самом ли деле это так.

Я хватаю руку и решительно пожимаю ее. Меня не так-то легко напугать. Синьора сразу же это поняла и улыбнулась мне более уверенно.

— Я ищу гостиную, — объясняю обоим, готовая как можно быстрее снять напряжение. Не то, чтобы это неприятная компания, но, как сказать, есть и получше.

— Мой сын должен был показать замок, — говорит леди Сент Джон, как будто раздраженно.

— Он уже показал, — чувствую, что должна отметить это, хотя затем у меня появилось желание откусить себе язык, так как защищать Йена перед его мамой не входит в мои обязанности. — Это я опоздала этим утром.

Она смотрит на меня, как будто все поняла.

— Я пройду с тобой и, пользуясь случаем, снова покажу тебе дом, — и так говоря, она решительно повела меня к выходу первой комнаты.

— Не хотелось бы показаться тебе нескромной, но чем ты занимаешься?

Вот, она сразу же начала с вопросов. Тем не менее, идеальный допрос для пустого желудка. Теперь это вызов.

— Ничего страшного, — говорю ей, улыбаясь, потому что в этих играх я идеальна. — Я адвокат. Налоговый адвокат.

Мама Йена останавливается и смотрит на меня так, будто впервые увидела только сейчас.

— Действительно? — спрашивает она озадаченно.

— Конечно. По крайней мере, так написано в моем дипломе, когда я в последний раз, на него смотрела, — говорю со смехом для эффекта.

Что сделал свое дело, потому что леди Сент Джон тоже смеется, и ее смех в точности

такой же как и у ее сына.

— Ты меня прости, но знаешь... происхождения Йена в основном..., — она застыла в трудности.

Благородно решаю избавить ее от смущения.

— Более броские? — наконец рискую

— Ох, не только, — подтверждает она с облегчением. — Осмелюсь сказать, определенно более пустые.

— Хотя думаю, что перейти от моделей до пиар-агентов — хороший шаг вперед.

Окей, возможно я преувеличила.

Напротив, мама Йена сочла эту шутку прекрасной, потому что рассмеялась искренне. Думаю, что с такими людьми такое бывает редко.

— Как давно ты знакома с моим сыном? — спрашивает она меня, потому что, очевидно, что я слишком раскрылась.

Лучше голая и суровая правда.

— С того дня как он устроился в банк, другими словами — семь долгих лет.

— Стало быть, коллега? — спрашивает она удивленно.

— Именно так, — подтверждаю. Думаю, я уже сказала слишком много. И кто знает, что еще бы вылезло наружу, если бы не пришел Йен.

— Вы уже подружились? — спрашивает он, видя, как мы смеемся. У него во взгляде любопытство, как будто он, правда, удивлен.

— Конечно, дорогой, — подтверждает его мама. — Твоя коллега очень занимательная женщина.

Ясно, что она думает о другом, так как в принципе я только что вышла из комнаты Йена, но было бы не вежливо подразумевать слишком много перед завтраком.

— Только если она этого хочет, — убеждает ее сын. — А в основном не хочет.

Что он хотел сказать?

— Всего лишь с теми, кого заслуживает, — добавляю.

Йен стал серьезнее.

— Я должен был предугадать, что вы споетесь. У вас очень похожие характеры.

Не было до конца ясно, это был комплимент или нет. Я склоняюсь к последнему.

Кажется, его мама не была задета таким проникновением. По крайней мере, ее улыбка не дрогнула.

— Однако, мы здесь по общественным делам, — подытоживает Йен. — Мы здесь по работе. Беверли наш клиент и он хотел использовать повернувшийся случай с охотой, чтобы поговорить с нами.

Мама Йена повернулась ко мне.

— Лорд Беверли? Моя дорогая, мне так жаль.

— Ничего страшного, правда, — убеждаю ее.

— Но с другой стороны, думаю, что ты привыкла вращаться в этих кругах. Наверное, твоя семья тоже такая...

Конечно же, допрос продолжается: итак, сейчас речь идет о моем генеалогическом древе.

— Не совсем. Напротив, я и подумать не могла бы о чем-то другом. Даже если все семьи по-своему, за исключением замков и охот, похожими друг на друга.

Ранена и загублена. Мама Йена бледнеет, но тут же приходит в себя, чтобы попрощаться с нами, ее позвала одна только прибывшая синьора.

— Ты больше не церемонишься, — смеется Йен, наконец, указывая мне гостиную, где, действительно, очень много еды. Я наливаю себе горячий кофе в чашку, которой, по крайней мере, двести лет и накладываю яичницу-болтунью с хлебом.

— Не получив никаких указаний, я ограничилась правдой. До этого момента никто меня не спрашивал о природе моих отношений с тобой, но могу себе представить, что еще будет. Ну, правда, Йен, ты не сделал ничего хорошего, привезя меня сюда.

Он цинично смотрит на меня.

— Ты ошибаешься. Полчаса назад я с трудом отвязался от Кэти и ее мамы. Твое присутствие в моей комнате определенно помогло в этом.

Кофе действительно превосходный и я наливаю себе вторую чашку.

— Почему ты не женишься на ней? — спрашиваю, глядя на него в упор.

— Ты шутишь? И подумать, что ты ее знаешь.

— Точно, я говорю это именно потому, что знаю ее: вы оба зацикленные на себе эгоисты, гордящиеся своей голубой кровью и убежденные, что вы лучше всех. Мне кажется, вы бы были идеальной парой.

Йен не очень счастлив от такой картины и нервно ерзает на стуле рядом со мной.

— Что же заставило тебя думать, что я сторонник классового разделения? — спрашивает он, немного раздраженно.

С легким нервозом, я жую хлеб с маслом, пока он напряженно смотрит на меня таким взглядом, который мне совсем не по душе.

— Давай продолжим эту беседу в более подходящее время, если тебя не затруднит. Ненавижу прерывать прием пищи.

Йен пожимает плечами.

— Как пожелаешь.

— А где остальные члены семейки? — спрашиваю его с любопытством.

— Моего отца не будет, он занят на работе, а дедушка во дворе проверяет лошадей для будущей охоты. Я представлю тебя сегодня вечером на балу. Я прошу тебя, он очень строго придерживается формальностей.

Его предупреждение звучит как угроза.

— Вообще-то, я знаю как себя надо вести, — говорю ему ни капли не задетая его скрытой инсинуацией¹².

Йен поднимает в сомнении бровь.

— Правда, — убеждаю его.

Смирившись, он вздыхает. И, возможно, он хотел бы добавить еще что-то, но вошла Элизабет Беверли и Кэти. Ах, это можно определить, как действительно прекрасный дуэт. Даже в этот раз Элизабет более обнажена, чем одета, но хотя бы кажется искренней когда улыбается подходя к нам.

— Доброе утро, Йен! Доброе утро, Дженнифер! — приветствует она нас, и мы отвечаем тем же.

Кэти же — это прекрасная восковая статуя или лучше, ледяная. Сказать, что она не рада меня видеть, ничего не сказать. Ее лицо настолько гостеприимно, что я начинаю переживать за нее. Злость старит преждевременно.

Одета она в платье, которое как по мне больше подходит для коктейль-вечеринки, чем для завтрака, но если для нее это значит быть в тренде...

Хотя, если она решила не замечать меня, я с успехом могу сделать тоже.

— Привет, Элизабет, — приветствует ее Йен и затем здоровается с Кэти. Я забыла, они уже виделись до завтрака.

Возникла неловкая пауза. Йен смотрит на нас, Кэти пялится на меня, не отводя взгляда, в то время как Элизабет хотела бы сбежать. Я же, напротив, очень медленно жую, выигрывая необходимое мне время. Если эта блондинка хочет меня запугать, то пусть забудет об этом.

С непринужденным жестом кладу руку на ногу Йена, который взглядом подтвердил, что понял мои намерения.

— Я закончила с завтраком, — говорю ему спокойно. — Можем вернуться в комнату, если хочешь.

Глаза Йена светились от веселья, Кэти была на грани обморока. Клянусь, она настолько неприятная и нахальная, что я думаю о том, как бы продлить ее мучения. Не учитывая еще и то, что я передумала, никто не заслуживает такой жены, даже Йен.

— Конечно, идем.

Он встает и протягивает мне руку, которую я сжимаю безо всяких церемоний.

Мы прощаемся с девушками и направляемся в нашу комнату. Пока мы шагаем, я вспоминаю, что моя рука все еще крепко зажата в руке Йена и пытаюсь освободиться, но он мне не позволяет.

— Нас могут увидеть, потерпи еще мгновение.

Его предложение такое разумное, что я не нахожу ничего, чтобы возразить, я, королева споров.

Когда мы, наконец, входим в комнату, моя рука выскользывает, освободившись от его схватки, я остаюсь в недоумении от эффекта. Я зрелая тридцатитрехлетняя женщина, которая обычно не смущается от банального контакта. Хотя, пока он держал меня за руку, все казалось совсем не банальным.

* * *

Это будет интересный вечер, если, конечно, мы выживем к его концу, в чем я не очень-то уверена, особенно в свете того, как прошел наш день.

Это будет интересный вечер, если, конечно, мы выживем к его концу, в чем я не очень-то уверена, особенно в свете того, как прошел наш день.

Воспользовавшись случаем, мы с Йеном хорошеньком поработали с Беверли и договорились встретиться в середине следующей неделе у нас в офисе, чтобы окончательно расставить все точки над «i».

Кэти пропала из виду, но я думаю, что она заперлась в своей комнате и наводит марафет для большого праздника. По правде говоря, этим вечером все стоит на кону, и она должна предстать в наилучшем свете.

Что касается остальных, зал переполнен людьми, хотя молодых маловато. Здесь все каким-то образом друзья герцога Ревингтона, и говорит об этом средний возраст присутствующих.

У меня же было очень мало времени для подготовки к вечеру, поэтому пришлось довольствоваться быстрым душем. Однако я воспользовалась увлажняющим кремом, который Вера заставила меня взять с собой, и надела платье, как обычно, Лауры, которое, производит определенный эффект: оно черное, потому что я женщина, которой «очень идет черное», длинное, с вырезом и голой спиной. Волосы собраны в шиньон, который чудным образом кажется отлично сделанным (я не обманываю, речь идет о чистой случайности), в то время как макияж необычно яркий, а помада огненно красная.

Другими словами, это не я. Девушка, что смотрит на меня в зеркале, ни капельки на меня не похожа.

Очевидно, что Йен, подумал о том же, потому что, когда я вышла из ванны, я увидела его совершенно растерянное выражение лица. На нем надет смокинг, который сидит как влитой, и, глядя на него, я чуть было не спросила, а правда ли все это.

— Ты... хорошо выглядишь..., — единственное, что ему удается сказать мне, стоя с открытым ртом.

— Ты тоже, — говорю ему такая же смущенная. Мы не умеем говорить друг другу комплименты. Мы еще чуть больше стоим, уставившись друг на друга.

— Идем? — спрашивает он у меня, наконец.

Я киваю и подхожу к нему. Он протягивает мне руку, на которую я опираюсь, стараясь не думать, что значит этот жест.

Этим вечером мне определенно нужна поддержка, моральная и физическая, потому что я нахожусь в не своем окружении, в не своем платье, под руку с определенно не моим мужчиной. Я совсем не готова к таким переменам.

Проходим сквозь ряд коридоров, прежде чем дойти до того, который должен быть жемчужиной этого замка, другими словами, до танцевального зала. Нечего возразить, все шикарно, люди очень элегантны. Но это меня не удивляет.

На секунду я думаю о том, как должно быть себя чувствовала Кейт Миддлтон, которая, однако, мне вовсе несимпатична, так как «вошла в семью». Паника и растерянность. Мое состояние не очень-то отличается.

Чтобы придать себе сил, продолжаю попить шампанское, пока Йен представляет мне всю английскую знать; кажется, что тут абсолютно все, даже самые обычные баронеты.

— А теперь держись, прямо по курсу важная «шишка», — предупреждает меня, указывая на пожилого мужчину недалеко от нас. Сходство настолько очевидно, что мне не надо спрашивать, о ком идет речь.

— Дедушка, я бы хотел представить тебе Дженнифер Перси, — говорит ему торжественно. Я очень надеюсь, что никто не ожидает поклона с моей стороны.

— Добрый вечер, герцог, — приветствую его официальным тоном.

Он долго меня осматривает, а потом протягивает мне правую руку; я решительно пожимаю ее в надежде, что моя рука не слишком вспотела.

Теперь я знаю, от кого у Йена такие глаза, потому что его дедушка вглядывается в меня такими же насыщено голубыми глазами, как и его внук.

— Нет необходимости быть такими официальными, мисс Перси, — говорит он мне, но в действительности так не думает. — Все мы читаем газеты, но на самом деле в ваших глазах я всего лишь дедушка вашей пассии.

Сразу ясно, что я ему совсем не прихожусь по вкусу. *«Знал бы он, насколько я не прихожусь по вкусу и его внуку»*, — думаю весело.

— Каждый случай требует своей формы, Вы не находите? — отвечаю улыбаясь, вовсе не запуганная.

— Возможно. Моя невестка мне передала, что вы адвокат, — пытается сменить тему.

— Адвокат по налоговому консалтингу, таким образом, не совсем настоящий адвокат, — уточняю.

Мне нечего скрывать от этих людей.

— Ну, Йен не настоящий экономист, вы не настоящий адвокат. Прекрасная пара, — комментирует иронично.

— И, правда, прекрасная пара, — отвечаю, игнорируя его сарказм. Йен смотрит на меня очарованный, как будто он никогда не видел, чтобы кто-нибудь так противостоял его дедушке.

— Вы простите меня за откровенность, но почему вы уверены, что вам суждено быть вместе долго? — спрашивает меня герцог. *«Какой хам»*, — думаю про себя. Но уже многие поколения имеется тенденция прощать герцогам то и другое, что мы не можем обвинять их в этом.

— Ну да, я всегда могу найти более интересного наследника, — соглашаюсь упрямо. Ревингтон нервно смеется.

— Не глумитесь. Лучших случаев не представится.

Мне удалось поймать его в мою ловушку в кратчайшие сроки.

— Никто не поддает сомнению ценность Йена, — отмечаю ему, даже если единственный, кто сделал это этим вечером, именно он.

— Конечно, и это потому, что однажды он станет герцогом.

— Грешно судить человека, опираясь только на то, кем он однажды может стать. Я предпочитаю больше сконцентрироваться на том, какой он сейчас.

Ревингтон уставился на меня на секунду, почти смущенный.

— Ваше мнение определенно отличается от обычного, — говорит, признавая меня. — Потому что в глазах других Йен представляет собой только моего наследника и ничего больше

— Тогда довольна, что я не «все». Я знакома с Йеном уже много лет, поэтому знаю, что говорю.

Вижу, как Йен краснеет; довольно необычная картина. Надеюсь, что его это, как обычн

громадное, выдержит еще несколько минут этой нелепой беседы.

— Да, мне сказали, что вы коллеги, — говорит почти с отвращением.

— Вам это совсем не нравится? — спрашиваю немного с раздражением. Откровенно говоря, я закончила сегодня с любезностями.

— То место мне не нравится. Я жду с нетерпением, когда Йен уволится и пойдет работать в одну из многих семейных компаний. У него глаза могут разбежаться от выбора.

Если бы кто-то когда-то мне высказал предположение, что Йен может уволиться, я бы прыгала до потолка от радости, но сейчас, перед этим заносчивым мужчиной, внезапно я потеряла уверенность во всем.

— Хватит дедушка, — прерывает нас Йен. — Дженнифер — моя гостья, и я был бы рад, если бы ты обходился с ней со всем уважением.

Предупреждение ясно попало в точку.

— Ну конечно, я не знаю, как мы вовлеклись в такие разговоры. Я прошу у вас прощения, мисс Перси, но тема карьеры моего внука всегда заставляет меня нервничать.

Думаю, что на самом деле его раздражает осознание того, что его приказы слепо не выполняются, но я решаю держать это при себе.

— Не беспокойтесь, я считаю, что наш обмен мнениями довольно интересен, — уверяю его.

Мы с ним прощаемся и отдаляемся в сторону алкогольных напитков.

— С уверенностью можно сказать, что ты та, кто умеет за себя постоять, — признается мне Йен, смеясь и предлагая бокал вина.

— Как будто ты меня не знаешь, — отвечаю, выпивая залпом весь бокал. Я могу выглядеть сильной, но в глубине души я тоже чувствую себя потрясенной.

— Я всерьез начинаю думать, что ты попросил меня прийти сюда больше не для того, чтобы следить за твоими воздыхательницами — потому что с этими ты и сам можешь справиться — а чтобы показать что-то своей семье. Что-то типа «или не препятствуя, уважайте мой выбор, или я женюсь на той, которая никому не даст сесть ей на голову». Таким образом, чтобы мы друг друга понимали, я тут как некий вид угрозы. Или лучше сказать, как суровое предупреждение.

Йен смотрит на меня мгновенье и затем разражается смехом.

— Я никогда не принимал во внимание такую возможность, но сейчас, если подумать, это могло быть довольно интересно...

— Это очевидно, что ты несознательно подумал об этом, вот как. Я понимаю, что это окружение может подвергнуть опасности твой мозг, но недооценивай себя, дорогой, — говорю ему насмешливо.

— Может, выпьем чего-нибудь для поднятия нашей самооценки?

— Конечно, но разве мы не делаем это уже давно?

Я поднимаю мой пустой бокал, чтобы показать, чем я сейчас занимаюсь.

— Позволь раскрыть тебе один секрет: в таких торжественных случаях пить — никогда не слишком много. Всегда слишком мало.

— Но я боюсь, что уже теряю ясность ума, — отмечаю с ноткой волнения. Его рассуждения, наоборот, начинают казаться типичной мудростью того, кто уже определенно пьян.

— Неплохо, когда будем пьяны, сбежим, — отвечает мне, пожимая плечами, совершенно не обеспокоенный.

По правде говоря, мысль о том, чтобы сбежать из этого ада, немало меня искушает.

— Что ты скажешь о том, чтобы начать с прогулки на свежем воздухе? — предлагает мне, указывая на дверь в глубине зала.

— Давай, хочу прогуляться в садах, как настоящая героиня романов эпохи Регенства! — восклицаю с энтузиазмом. Кажется, что я уже давно превысила мой личный алкогольный лимит.

Йен снова предлагает мне руку и ведет прямо к очень освещенному и очень красивому, хотя и ледяному, саду.

Должно быть, я немного дрожу, потому что Йен замечает это и снимает с себя пиджак, чтобы накрыть мои плечи.

— Не нужно, — протестую не очень убедительно.

— Ты совсем голая, — подмечает мой спутник. На самом деле, в еще теплом пиджаке чувствуешь себя гораздо лучше, поэтому я решаю не слишком жаловаться.

— Хорошо, если ты настаиваешь. Но я это делаю только, чтобы не возражать тебе.

— А я-то думал, что возражать мне — это твоя миссия.

Йен сейчас гораздо более спокоен, когда мы вдаль от взглядов его знакомых.

— Ты прав, в последнее время случаются необычные вещи. Американские банки, что взлетают на воздух, развитые страны, что терпят крах, рейтинг США в опасности и, чтобы красиво закончить, я, не желая тебе возражать. Определенно, что-то странное витает в воздухе.

Йен смеется, пока мы прогуливаемся по парку.

— Кэти прямо по курсу, — говорит мне тихим голосом.

По правде говоря, синьорина надела ярко красное платье, в котором она не проходит незамеченной, даже в темноте. У этой девушки все платья красные?

— Ты хочешь с ней поговорить? — спрашиваю, размышляя о том, как бы быстро сменить направление.

— Я об этом даже и не думаю, — подтверждает Йен. Должна признать, что я того же мнения.

— Она нас увидела, — отмечаю, глядя на то, как она уверенно шагает прямо в сторону нас.

— У меня есть план, — шепчет на ухо, пододвигая меня к себе.

У меня такое впечатление, что этот план мне не очень понравится.

— Я был бы рад небольшому сотрудничеству, немного больше, чем в прошлый раз, — говорит мне на полном серьезе. Когда он решительно опускает свои губы на мои, я даже не успеваю ответить.

Я точно слишком много выпила, потому что чувствую, как у меня кружится голова. Прижимаюсь к нему, чтобы не упасть, и, закрыв глаза, даю себе волю. Мысль о том, что близость Кэти требует, чтобы этот поцелуй был убедительным, велит молчать моему сознанию. Поэтому, когда он прижимает свои губы к моим, и его язык прикасается к ним, я не могу сделать ничего другого, как позволить это. Очень короткое мгновение нерешительности обоих быстро проходит: я открываю рот и с неуверенностью целую его в ответ.

Вероятно, прошло несколько минут, так как, открыв глаза, от Кэти и след простыл. Она испарилась. Должно быть, увидев наш спектакль, она посчитала разумным повернуть обратно.

«Хотя бы у этого поцелуя был смысл», — думаю в растерянности, чувствуя, будто мое тело проснулось от очень долгого летаргического сна. *«Этот поцелуй был достаточно неприличным»*, — думаю, краснея. Вообще, я не из тех, кто так целуется, я практически уверена, что мой последний такой долгий поцелуй случился, когда я была еще в лицее.

Думаю, Йен тоже размышляет, потому что несколько минут никто из нас не отваживается сказать ни слова.

— Х-м-м..., — это мой единственный комментарий. Не особо оригинальный, но мой мозг, кажется, покинул меня из-за нехватки кислорода.

— Да, — подтверждает Йен, как будто между нами состоялась некая странная невербальная беседа.

— Боюсь, мы слишком много выпили, — пытаюсь предположить, в надежде приглушить эффект от поцелуя.

Но в голове у меня вертится очень опасная мысль о том, что я бы хотела еще раз так его поцеловать.

Что со мной?

— Очевидно, — говорит, засунув руки в карманы, возможно, чтобы избежать попытки снова коснуться меня.

— Который час? — спрашиваю громко. — Уверенна, уже поздно, и, возможно, будет лучше пойти спать, — подсказываю, думаю о плане побега.

— Если хочешь, иди, — отвечает, не глядя мне в лицо. — Я предпочту остаться еще немного.

Очевидно, что идея о том, чтобы мы разделились, кажется идеальной, поэтому я соглашаюсь до того, как что-то заставит его передумать.

— Хорошо, тогда спокойно ночи, — говорю, отдавая ему пиджак и шагая к тропинке, по которой мы сюда пришли.

— Спокойно ночи, — слышу за моими плечами. Я бы хотела обернуться еще раз, но лучше идти прямо. Определенно лучше.

ГЛАВА 15

— Д-ж-е-е-е-н-и-и-и-и-и...

Резко просыпаюсь и пытаюсь понять, откуда идет шум. Дверь в комнату закрывается с ударом, который мог бы даже мертвого разбудить. В темноте комнаты слышу шум падения: должно быть кто-то упал на пол.

И теперь полностью проснувшись обеспокоенная, включаю свет рядом с кроватью и вижу Йена, растянувшегося лицом вниз на безумно дорогом старинном ковре. Должно быть, с тех пор как я оставила его пару часов назад в саду, он изрядно выпил.

Поднимаюсь, чтобы помочь ему.

— Ну же, Йен, дай мне руку я постараюсь помочь тебе подняться.

Кажется, он даже не слышит меня. Я пробую его встряхнуть, но он издал только жалобный стон.

— Отлично, значит ты... — упрекаю его ни капли не растроганная этой сценой. — Напился до чертиков... поздравляю... очень зрело с твоей стороны.

У Йена получилось немного привстать с коврика.

— На моем месте ты бы тоже напилась бы, — мямлит. — Если бы твой дед повторял одни и те же слова каждый раз.

— Так вот почему ты так редко навещаешь свою семью. С таким ритмом жизни ты не доживешь и до сорока и умрешь от цирроза печени.

Наконец Йену удалось хотя бы хихикнуть. Но речь все же идет о тех смешках, которые выдают пьяные люди и которые играют не в их пользу.

— Не будь такой злой, — умоляет он меня, занимая сидячее положение.

— Ты этого заслуживаешь, — говорю ему. Но увидев страдающее лицо, вновь предлагаю ему руку. На этот раз он ее принимает, но застывает, чтобы посмотреть на вырез моей пижамы.

— Ты закончил меня разглядывать? — громко спрашиваю его.

— Так я чувствую себя лучше, — и, наконец, он решает встать с пола. Но обретенное равновесие длится недолго.

В не особо изысканной манере мне, наконец, удалось дотащить нас обоих до кровати, на которую мы резко повалились.

— Ты действительно мертвецки пьян, — говорю изумленно.

Он пробормотал что-то невразумительно.

— Йен, ты все еще в смокинге, ты не можешь заснуть в нем, — говорю ему.

— Конечно же, могу... — вздыхает он, закрывая глаза.

— Брось, я помогу тебе, — говорю ему, начиная стягивать с него пиджак. Он пытается помочь, как может, но это слишком тяжелое занятие. Я пытаюсь заглушить странное ощущение, возникающее под моими пальцами, когда я расстегиваю и стягиваю рубашку. У него идеальное тело, но я это уже знала: одежда не сидит на тебе с иголочки, если под ней нет такого тела.

— Штаны, — напоминает мне Йен.

Нет, я отказываюсь сделать это.

— Только если ты сам их расстегнешь, — говорю ему, повышая голос. Своими руками я этого не сделаю. От одной этой мысли меня бросает в необъяснимый жар.

— Скромница, — говорит он мне обвинительным тоном, но затем каким-то образом ему удалось их расстегнуть. Опустив с кровати сперва одну ногу, затем вторую мне удалось стянуть их с него.

Я знаю, что не должна была смотреть, но я не могла отвести взгляд: он носит облегающие трусы-боксеры. Боже мой, воздержусь от комментариев.

— Давай, заползай на кровать, — говорю ему, пытаюсь задеть его в каком-то смысле. А я решительно беру свою подушку и направляюсь в сторону дивана, когда очень крепкая рука меня хватает. Это было всего лишь мгновение. Я падаю на голую грудь Йена, издавая звук чистейшего удивления.

— Что ты делаешь?! — спрашиваю обеспокоенная своей реакцией на его близость.

— Т-ш-ш-ш... — обрывает он дальнейшие слова и приближает меня к себе.

— Йен, ты должно быть меня с кем-то перепутал, — говорю ему, пытаюсь выкрутиться, но, не смотря на его состояние близкое к коматозному, у него железная хватка.

— Йен, — кричу еще раз теперь уже действительно взволновано.

— Ты можешь не двигаться? — говорит он мне на ухо. У меня мурашки, это действительно меня смущает.

И вот, полностью находясь в его объятиях, я отдаю себе отчет, что у меня нет сил уйти ни физически, ни психологически, итак я расслабляюсь и закрываю глаза.

— Умница, так лучше, — должно быть он почувствовал, что я сдалась.

Через несколько секунд его дыхание стало легким и ровным. Должно быть, он заснул. Несмотря на алкоголь, кожа этого мужчины пахнет превосходно, пробуждая все мои чувства. Я чувствую каждую клеточку моего тела невероятно живой.

На самом деле это не хорошо.

Итак, я пытаюсь подумать о чем-то другом, но это безумно сложно.

— За это, дорогой, ты мне еще заплатишь, — шепотом говорю это мумии, которая блаженно спит, обняв меня.

И, в конце концов, после, как мне показалось бесконечного количества минут, у меня получается расслабиться достаточно для того, чтобы заснуть.

* * *

«Эти выходные — полнейшая дрянь», — проскакивает у меня мысль, пока кто-то решительно стучит в дверь. Я просыпаюсь от шума.

— Йен! — слышится, как его зовут с другой стороны двери.

Я услышала его впервые вчера вечером, но голос мамы Йена уже не возможно спутать с другим. Он же напротив, кажется, его даже не слышит, и сладко спит прижатый ко мне. Сказать что эта сцена комична — ничего не сказать.

— Йен, — пытаюсь разбудить его и в тоже время высвободиться самой. — Йен, тут твоя мама! — говорю ему, но ответа не получаю.

За дверью тон голоса продолжает повышаться.

— Уже идем! — отвечаю практически отчаявшись. Затем, с ударом локтя, у меня получится сбежать из объятий. Из тела находящегося рядом со мной слышится жалобный стон. — Прости, но по-другому ты не просыпался.

Наконец Йен открыл глаза. У него самое зеленое лицо из всех, которые мне доводилось видеть. И этот цвет ему не совсем идет, думаю с щепоткой злости, ибо я вернулась к самым абсурдным последним 24-м часам моей жизни.

Он пытается подняться и сесть через несколько секунд, вот она волна тошноты. Просто отлично.

Все еще полностью голый, за исключением боксеров, он порывается и в спешке бежит в ванну. Отлично! Значит, с мамашей придется разговаривать мне.

Когда я открываю дверь, то пытаюсь придать лицу естественное выражение и, по возможности, спокойное. Лучше не раздражать леди Джон.

Ее зеленые глаза широко распахнуты и взволнованны, волосы странно растрёпаны.

— Доброе утро, Дженнифер, — говорит она мне, запыхавшись.

— Утро доброе, — отвечаю я ей, позволяя войти.

— Как Йен? — спрашивает она, оглядывая комнату в поисках своего бесценного сыночка.

Ответом был странный шум, донесшийся из ванной. Леди Джонс заметно побледнела.

— Не слишком хорошо? — отважилась она.

— Да, я бы так и сказала, — признаю. Что еще я могу сказать в похожей ситуации?

— Нам войти и помочь тебе? — спрашиваю у Йена, повышая голос, чтобы он меня услышал.

— Нет! — сразу же последовал ответ. Даже если бы он ответил утвердительно, клянусь, я бы отправила туда его мать.

— По крайней мере, у него есть силы ответить, — ответила я, чтобы хоть как-то спасти настроение его мамы.

— И что же нам сейчас делать? — спрашивает она с беспокойством.

— Подождем, пока он выйдет? — отвечаю, рискуя показаться саркастичной.

— Нет, я имела в виду, что мы будем делать с моим свекром. Вчера вечером он снова поругался с Йеном. И сейчас мы отстаем от графика. Все ждут только его.

Время от времени из ванны продолжали доноситься не совсем ободряющие звуки.

— Я бы исключила возможное участие Йена, — я надеялась, что это было очевидно, но с этими людьми никогда не знаешь, что творится у них в голове. Лучше избегать двусмысленности.

— О, Боже! — потрясенно говорит Леди Джонс. В глубине души я надеялась, что она была действительно обеспокоена состоянием своего сына, а не охотой. — Значит должна пойти хотя бы ты! — говорит она мне. В ее глазах был проблеск надежды.

— Я? На охоту? — спрашиваю я вздрагивая. — Я горячая противница охоты!

Мама Йена практически расплакалась.

— Его дедушка сделает из этого трагедию, — умоляет она меня.

Если и существует что-то, что этой семье удастся забрать у меня, это участие в том, что я всегда считала невозможными для себя.

— Ваш дедушка не может обидеться на то, что Йену плохо! — говорю ей, пытаюсь спасти себя.

— Конечно же, может! Он может все! — говорит она удивленная тем, что такая простая вещь может быть мне непонятна.

Очевидно, что герцогу Ревингтону просто необходимо, чтобы кто-то открыл ему глаза, и что-то мне подсказывает, что этим кем-то должна стать я.

— Хорошо, синьора Сент Джон, — говорю ей смирившись. — Сделаем как вы хотите. Я пойду.

И почему чуть что, — сразу я?

Через время кто-то похожий на Йена, только серо-зеленый, появляется в дверях ванной. Ему настолько плохо, что его даже не смущает, что он практически голый перед своей мамой. Качаясь, он потащился к кровати и упал на нее.

— Йен, какого черта с тобой произошло? — взволнованно спрашивает его мама.

— Не спрашивай о том, чего не хочешь знать, — бормочет он, пряча голову в простыни. — Я умираю, — добавляет страдающе.

— Конечно, может хоть так будет проще от тебя избавиться, — я подхожу к кровати и отодвигаю простынь, чтобы убедиться в ситуации. На бледном лице его глаза кажутся невероятно голубыми.

Его мама посмотрела на нас в замешательстве.

— Дженнифер, тебе необходимо подготовиться. Если через несколько минут мы не появимся внизу, наступит конец света.

Я поднимаюсь и направляюсь к шкафу, выбираю пару джинс и коричневый пиджак.

— У меня нет с собой сапог, — говорю маме Йена.

— Я тебе их одолжу, — сразу же предлагает она. — Скажи мне свой размер, и я пойду их возьму.

И так, после того как она выяснила что у меня тридцать восьмой, она быстро вышла из комнаты оставив меня наедине с умирающим.

Перед тем, как войти в ванну, чтобы переодеться, смотрю со всей возможной ненавистью на виновника этого кавардака.

— Для ясности: даже если это будет последним, что я сделаю, ты мне за это заплатишь. И дорого. Для тебя же лучше, что ты богат.

С этими словами я захожу в ванную, громко захлопнув дверь.

ГЛАВА 16

Герцог Ревингтон величественно сидит на своей черной лошади. Она прекрасна, больше нечего добавить, ее вид внушает почти такой же страх, как и ее хозяин. Очевидно, что они нашли друг друга.

Он смотрел на меня с щепоткой волнения вперемешку с существенным неодобрением, пока я пыталась забраться на лошадь, которую мне любезно доверили: это кобыла, которую зовут Луна и я надеюсь, что она окажется полной противоположностью планеты, которую она напоминает. У нее очень милая морда, но кто знает.

Сесть в седло оказалось сложнее, чем я думала: последний раз, когда я ездилa верхом, мне было около десяти лет. Надеюсь, что это будет похоже на езду на велосипеде: однажды научившись — не забудешь никогда. И все же не могу сказать, что я уже научилась.

— Давайте, мисс Перси, мы все ожидаем вас, — угрожающе говорит мне герцог так, чтобы я почувствовала себе в своей тарелке. На самом деле, на меня смотрели абсолютно все, я даже заметила, что с щепоткой злости, будь проклят Йен в сотый раз. Если через некоторое время он не умрет от похмелья, то об том позабочусь я, когда вернусь с этого абсурдного мероприятия.

С пятнадцатой попытки у меня получается забраться в седло, и я бросила взгляд на герцога, который явно не доволен из-за того, что я участвую в этом мероприятии.

— Вижу, что вы превосходная наездница, — подшутил он надо мной, сопровождая это общим смешком.

Ну, хорошо, потерпи немного, и мы посмотрим, кто будет смеяться последним.

— Да, это занятие не входит в число моих любимых хобби, — говорю, натягивая вожжи. Кажется, Луна поняла, что имеет дело с новичком и не жаловалась. Женская солидарность.

— Не отставайте от меня, — говорит мне дедушка Йена. — В связи с отсутствием этого бездельника, моего внука, ответственность за вас несу я.

— А я то, заблуждаясь, считала себя ответственной саму за себя, — говорю ему серьезно. — Думала, что нахожусь в двадцать первом веке, а оказалось что в восемнадцатом.

Моя реплика сопровождалась самой искренней улыбкой, на какую любой мог бы попасться. Но только не дедушка Йена. Возможно, никто и никогда в его жизни не осмеливался прибегать к иронии в его присутствие. Очень жаль.

— Меня продолжает ошеломлять выбор моего внука, — признается он мне, когда мы начинаем движение. Мы вдвоем едем во главе процессии, остальные следуют за нами на небольшом расстоянии. — Вы не соответствуете вкусу Йена.

— То есть? — спрашиваю его, пытаюсь догадаться о смысле его утверждения.

— Обычно мой внук окружает себя людьми, которые его почитают и никогда ему не противоречат.

«Он даже не знает насколько он прав», — думаю про себя...

— А вы не кажетесь мне человеком, способным оказывать большие почести, — добавляет герцог, глядя на меня, дабы увидеть эффект, произведенный его словами.

— В нашей семье мы почитаем только Ганди¹³, — говорю ему ни капли не задетая.

Герцог громко рассмеялся.

— Вы не кажетесь мне противником насилия, — уточняет немного времени спустя.

— Да, но..., это мое личное упущение. Моя семья действительно такова, только я кровожадна. И вы же должны понимать, что для вегетарианской семьи... это действительно проблема.

Я выбрала симпатию, надеюсь это выигрышная линия.

— Вы вегетарианка? Действительно? — спросил он меня так, будто я прилетела с Марса.

— Абсолютно точно, — говорю я, ни капли не смутившись.

— И при этом вы участвуете в охоте? — сразу же задал он вопрос.

— Надеюсь, вы оцените этот жест. Чего только не сделаешь ради Вашего общества.

— Ага, значит вегетарианка с чувством иронии! А я-то думал, что вам хватает силы есть только брокколи, — говорит он мне с веселой ноткой в голосе.

— Однако, я вегетарианка, а не веган, я не лишаю себя практически всего, — объясняю ему.

— Насколько интересными можно назвать ваши вкусовые привычки, я бы хотел затронуть этот особенно интересующий меня вопрос, если вы позволите, — сказал он серьезно. Я почти начинаю волноваться.

— Спрашивайте.

— Почему Йен? — спрашивает он, внимательно глядя на меня. — Я имею в виду, что он замечательный парень, голубой крови и все прилегающее к этому, но я подозреваю, что для вас это не представляет особой ценности.

Кто бы говорил, мужчина способный на проницательность. Эта его реплика меня почти расслабила. Наконец-то, хоть кто-то это понял.

— Думаю, Йен все еще не присоединился к нам, — говорю ему, повернув голову.

— Слишком заиклен на себе, — раскрывается герцог.

— Разве в семье он белая ворона? — рискую задать вопрос.

Старик снова рассмеялся.

— К концу дня я изменю свое мнение о вас. Кто бы мог подумать. Очень ограниченное число людей способны удивить меня, мисс Перси.

— Прошу вас, не стоит. Мне стоит защищать свою репутацию, — умоляю его.

— Однако Вы не собираетесь за него замуж? — спрашивает он меня неожиданно серьезно.

Не знаю так это или нет, но мы, кажется, пришли к наиболее серьезному вопросу.

— Замуж? За Йена? Мы говорим об одном и том же человеке? — спрашиваю его с широко открытыми глазами.

— Йен не предсказуем, поверьте мне, — убеждает он меня. — Подобная глупость вполне в его стиле.

— У меня нет абсолютно никаких намерений относительно женитьбы с ним, —

убеждаю его. У меня нет ни малейшего понятия, почему он хочет быть абсолютно в этом уверен, но нет никакого смысла лгать ему.

— Не поймите меня неправильно, вы действительно привлекательная и яркая, но в будущем Йен станет герцогом и рядом с ним должна быть женщина, привычная к такому образу жизни, не знаю, как еще объяснить...

Было очевидно, что рано или поздно мы придем к ядру проблемы.

— Все предельно ясно, — убеждаю его. На самом деле он был бы ошеломлен, если бы понял, что я разделяю его мысли.

— Итак, вы не в обиде? — спрашивает он меня облегченно.

— Ни капли, — убеждаю его.

— Значит, вам придется придумать способ, как освободить моего внука, — предполагает он.

— Почему? — спрашиваю его удивленно.

Внезапно дедушка Йена хмуро посмотрел на меня. Очевидно, что он привык к покорности, которая не допускает возражений.

— Потому что вы очень нравитесь ему и будет лучше не слишком торопить события.

«Я нравлюсь Йену? Но это же безумие», — я почти сказала ему это, как вспомнила о тех фото, которые были для спектакля, по нашей сделке, в конце концов.

— Йену всегда надоедают те женщины, с которыми он появляется в обществе, — говорю ему. — И я больше чем уверена, что мой час пробьет в ближайшее время.

Герцог взволнованно посмотрел на меня, пока мы скакали бок о бок.

— Я думал, Вы более внимательная наблюдательница. Но я представляю, что достаточно трудно быть объективным, когда речь идет о нас самих. Скажу прямо, лучше прекратить все сейчас. — Его тон был серьезен, властен и не требовал ответа.

— Я подумаю об этом, — ограничиваюсь. С меня уже хватит разговоров на эту тему.

В данном случае моих слов было достаточно, так как он кивнул. Затем он начал осматривать горизонт и заметил что-то.

— Фазан, — с энтузиазмом шепчет он мне, показывая на точку перед нами. Его голос очень тихий, собственно, чтобы не испугать добычу. О, нет!

— Давай, Генри, подай мне ружье! — приказывает он мальчику, который появился перед нами и следует на небольшом расстоянии.

Мы все приблизились к добыче, и герцог спускается с лошади для того, чтобы прицелиться. Вижу, как он вытягивает руку, чтобы нажать на курок, и в следующую секунду я знаю, что делать. Прежде чем дедушка Йена разрешит мне это, я чихаю со всей силы, на которую способна. Фазан, испуганный, поворачивает голову за секунду до выстрела. Луна, так же удивленная звуком, в свою очередь пугается и поднимается на дыбы, подбрасывая меня вверх и заставляя не слишком достойно шлепнуться на землю.

Все застыли от страха, не зная помочь мне либо оставить меня там, где я нахожусь, учитывая то, что я натворила. Прежде чем кто-либо решит предпринять что-то, решаюсь подняться сама.

Герцог косо смотрит на меня. И мне пришлось постараться, чтобы привести себя в человеческий вид. С этим чихом разлетелись все.

— Прошу прощения, — говорю страдальческим голосом. — Но эта аллергия меня когда-нибудь убьет.

И улыбаюсь самой невинной улыбкой в мире.

ГЛАВА 17

Когда в тот вечер я переступила порог моего дома, я почувствовала себя такой уставшей, что не могла ничего делать, кроме как плюхнуться на диван. Жалко, что вышло это у меня не очень, из-за ноющей пятой точки, нежеланный подарочек от долгой прогулки верхом и очаровательного эффектного падения.

— Все в порядке? — спрашивает Лаура, удивленно поднимая бровь.

— Не совсем, но спасибо, что спросила, — отвечаю улыбаясь. К счастью, я все еще могу улыбаться.

— Веры нет, — говорит она. — Но я не дождусь ее прихода. Ну же, расскажи мне все! Все!

— Клянусь, у меня нет сил, — говорю, уже распластавшись на диване.

Она бросает мне подушку в лицо.

— Прощу тебя! Я должна знать, что произошло! Пресса молчит! — жалуется Лаура.

— К счастью! — замечаю я. И вправду, не хватало только фото моего полного поражения... — Вперед, что ты хочешь узнать? — спрашиваю, сдаваясь.

— Все! Абсолютно все! — говорит она, вскакивая.

— Пожалуйста, не двигайся, у меня болит попа, — отвечаю ей.

— Из-за чего?

— Я упала с лошади, — признаюсь печально.

— И что же ты делала на лошади? — спрашивает она смеясь. На самом деле я совсем не выгляжу как наездница.

— Я спасала фазана, — отвечаю на полном серьезе.

— И как? Спасла? — она смотрит на меня все более изумленно.

— Конечно. Я пожертвовала своей попой, но это того стоило, — гордо подтверждаю.

— Это должно быть, были очень оживленные выходные, — говорит она.

— Ты понятия не имеешь, насколько, — слегка поднимаюсь, чтоб лучше ее рассмотреть.

— Ты хочешь поделиться интересными деталями?

— Дорогая... мое шумное падение с лошади весьма интересная вещь! — отвечаю ей.

Лаура смотрит на меня совсем не убежденная.

— Хорошо, хорошо! Расскажу тебе вкратце, — сдаюсь. — Итак, посмотрим: замок огромный, невиданная вещь, и полон слуг, обожаемых Йена. Ах, его семья не в восторге от того, что он не работает в одной из их фирм. И чтобы красиво закончить, они нас разместили в одной комнате.

И после этих слов лицо Лауры превращается в маску изумления и энтузиазма.

— Место, гончая собака, вот кто ты, — торможу ее сразу. — Ничего не произошло. О боже, да совсем ничего, абсолютно ничегошеньки!

Ну вот, последнее можно было не говорить.

— Дженни! — восклицает Лаура. — Я хочу узнать!

— Он всего лишь меня поцеловал, — спешу уточнить. — И это был крайний случай!

— Да, да, продолжай так же говорить, но ты только и делаешь, что целуешься с ним! — сердится моя подруга.

После этого утверждения сажусь, скрестив руки на груди.

— Я могу продолжать? — сухо спрашиваю.

Она великодушно кивает головой.

— Итак, где я остановилась... ах, да, пару притворных поцелуев, и потом Йен ужасно поругался с дедушкой и напился до такой степени, что провалялся в отключке целый день. Поэтому я должна была вместо него участвовать в охоте и спасти этих бедных животных.

— Хорошо, что ты там была, — шепчет Лаура.

— Есть еще кое-что, что я вам не сказала, — признаюсь. — Под нашим домом припаркован Порше.

— Что? — спрашивает ошеломленно.

— Кретину было так плохо, что вернувшись с войны, мне пришлось еще и машину вести прямо до Лондона.

— И он тебе это разрешил?

Ухмыляюсь с ноткой удовольствия.

— Не то, чтобы у него был выбор, он не мог даже на ногах стоять. Я бы сказала, что ему было слишком плохо для дискуссий и жалоб. Эта было почти приятная поездка, очень тихая, по крайней мере. Не учитывая стонов страдания.

— Бедный Йен... — говорит с сочувствием Лаура.

— Капец как бедный! Кретин! Пить до такого состояния... надеюсь, что ему очень плохо! — злюсь, повышая тон. И вправду, Йен должен совершить почти что чудо, чтобы я его простила за этот катастрофический уикенд.

— По крайней мере, мне ты можешь сказать, каковы его поцелуи? — спрашивает с мечтающим выражением лица, возвращаясь к единственному вопросу, который ее действительно интересует.

— Лаура Даррел! Сейчас же прекрати задавать подобные вопросы! — мой тон упрека достаточно резкий, но я не могу позволить моим подругам представить то, чего нет на самом деле.

— Что нельзя спрашивать? — внезапно спрашивает голос Веры на входе.

— Она ничего не хочет рассказывать о поцелуях! — жалуется Лаура с милым недовольством.

— Уже во множественном? — хитренько улыбается Вера. — Дорогая, ты знаешь правила! Все о поцелуях.

Это наша привычка подробно анализировать первые поцелуи друг друга. Мы все убеждены, что с первых поцелуев можно узнать об исходе отношений. По правде говоря, я никогда не должна была встречаться с Чарльзом после первого свидания: слишком много слюны и слишком много языка.

— Это не считается, я не встречаюсь с Йеном! — уточняю, пытаюсь убедить их. — Это поцелуи для игры! Они не считаются!

— Не важно, они все равно входят в статистику, — на полном серьезе говорит мне Вера.

— Вы дотошные! — жалуясь, но сдаюсь. — Ладно, скажем так: несмотря на то, что они не настоящие, это были довольно неплохие поцелуи, — признаю краснея.

Лаура начинает смеяться.

— Неплохие? Да конечно, ты краснющая только от одного упоминания о них!

— Продолжительность? — спрашивает официальным тоном Вера.

— Общая длительность поцелуев? Четверть часа наверно...

И на этих словах они с удивлением застывают, раскрыв рот. Возможно, мне не

следовало говорить это. Окей, мне определенно не следовало признаваться в этом.

— Еще так получилось, что мы держались за руки, — признаюсь сквозь зубы и прижимая подушку к груди.

— Думаю, что действительно хорошо целуется... я имею в виду, чтобы так долго оставаться приклеенной к нему... — иронично комментирует Вера.

— Мне, правда, надо отвечать? — спрашиваю смирившись.

Они смотрят на меня как два коршуна.

— Хорошо, он целуется очень, очень, очень хорошо! Довольны? — спрашиваю недовольная. И так понятно, что он хорошо целуется, не было никакой необходимости это подтверждать: должно быть, он весь Лондон перецеловал, тренировок у него было вполне достаточно.

— Кто-то должен был заставить тебя признать это, — отвечает Лаура. — Правда прежде всего.

— Если вы две закончили меня анализировать, я бы с удовольствием пошла в душ, — бормочу, с трудом поднимаясь с дивана. Мои золотые ягодицы болят еще больше, и мое покидание сцены вышло не совсем достойным.

— А сейчас, чего она хромает? — спрашивает Вера у Лауры.

— Она упала с лошади, пытаясь спасти фазана, — слышу, как та ей отвечает.

И в этот момент они раздаются звонким смехом. Если бы мне не было так плохо, я бы вернулась обратно, чтобы их убить.

ГЛАВА 18

Я начинаю почти ненавидеть утро понедельника. Практически также как и выходные, особенно учитывая спектакли, в которых мне пришлось участвовать. Но среди всего самое худшее это: после того, как я проспала почти всю ночь как сурок, счастливая из-за окончательного возвращения моего личного пространства и отсутствия необходимости делить с кем-либо комнату, я проснулась до такой степени утомлённой, что мне понадобилось полчаса, чтобы встать с кровати. Мои мышцы вопили о мщении после вчерашней прогулки верхом, а моя попа стала практически фиолетовой из-за падения. Признаю, я не смогла бы быть ещё более потрёпанной.

Каждый шаг причиняет мне боль, а попытка сесть в метро стала огромной ошибкой: на данный момент мою заднюю часть не может подпереть ни один стул.

Итак, я приезжаю в офис с опозданием почти на 40 минут, если учитывать мой обычный график прихода на работу.

— Доброе утро! — весело приветствует меня Колин, как только я выхожу из лифта. Это не лучший день для того, чтобы быть счастливым передо мной.

— Я действительно рада, что хоть для кого-то этот день хороший, — жалуясь я, заметно прихрамывая.

Улыбка на лице Колина тут же гаснет.

— Ты нормально себя чувствуешь? — спрашивает он, протягивая мне руку, чтобы провести к моему офису.

— Я могла бы сказать «да», но зачем лгать? — подтверждаю с болью в голосе, принимая его помощь. Если бы он предложил мне костыль, я бы его взяла.

Не успели мы войти, как Колин быстро закрыл дверь и задержал меня рукой.

— Что, чёрт возьми, с тобой случилось на этих выходных? — спрашивает он обеспокоенно.

— Ничего, просто упала с лошади, — отвечаю ему спокойно.

Лицо Колина мрачнеет.

— Йен меня не сталкивал, если это то, о чём ты думаешь, — видимо, мне следует заверить его в этом. Мне показалось, что его мысли шли как раз в этом направлении.

Ободрённый, он собрался уйти.

— Слава Богу...

Но потом кое о чём вспомнил.

— А почему Йен до сих пор не приехал? — спрашивает.

— Мне по чем знать?... Я ему не нянька! — кричу. — Ему я это уже сказала, но вижу, что надо повторить и тебе: мне не так много платят для того, чтобы выполнять и эту работу! — хочу, чтобы он уяснил.

Возможно, Йен тоже не чувствует себя словно распустившийся цветок, учитывая его вчерашнее состояние. Но речь идёт о конфиденциальной информации, которую у меня нет ни малейшего желания разглашать.

В нерешительности я подхожу к письменному столу: садиться или не садиться? Да, это та ещё дилемма.

Выражение лица Колина было до такой степени забавное, что я почти рассмеялась, несмотря на сильную боль. Судя по всему, его беспокойство за Йена искреннее.

— Я не убивала его! Клянусь! Рано или поздно он станет живым, пусть и с зеленоватым лицом, но живым. По крайней мере, таким он был вчера, когда я выходила из его дома.

— Ты отравила его? — спрашивает он серьёзно.

Взрываюсь от хохота. Мой начальник на самом деле думает, что я какая-нибудь психопатка?

— Клянусь, я этого не делала! — говорю ему смеясь.

В конце концов, Колин расслабляется.

— Окей. Мы можем сделать вид, что я тебя об этом никогда не спрашивал? — спрашивает меня почти стыдливо.

— Можем, можем, — великодушно заверяю его.

Мне уже надоело стоять на ногах, поэтому я начинаю медленно садиться. Но в тот самый момент, когда моя попа касается стула, я не могу не застонать от боли. Тут же стремглав прибегает Джордж.

— Привет, начальник! — здоровается Колин. — Я вижу, мы все на месте.

— Кажется, я назначила собрание этим утром, — комментирую.

— Йен уже приехал! — радостно сообщает он, — у него такое лицо...

«Никогда не видела ничего подобного!.. И почему он не видел его вчера?», — подумала я.

Джордж стал очень любезным: он подбежал ко мне в надежде сообщить хорошую новость. Хочу сказать, что при других обстоятельствах увидеть, как Йен входит в таком состоянии, было бы по-настоящему огромным событием, но сегодня я чувствую себя великодушной. Сильное страдание объединяет нас.

Колин вскочил и выпрямился по стойке «смирно» как только увидел его.

— Я пойду посмотреть, как он. Пока! — поясняет он нам, быстро исчезая из виду.

— Что там с Колином? — спрашивает меня Джордж, приближаясь к моему столу.

— Ничего. Он боялся, что я убила Йена и спрятала труп в какой-нибудь части усадьбы его дедушки.

— Увидев лицо, с которым он заявился в офис этим утром, я бы сказал, что ты была близка к такому варианту событий, — посмеивается мой молодой коллега.

Испепеляю его взглядом.

— Как я уже объяснила Колину, Йен сделал всё сам. Более того, если углубиться в детали, то это его вина в том, что я хромаю. Кстати, у нас есть несколько подушек, чтобы смягчить это треклятое кресло? — спрашиваю я со страдальческим выражением.

— Я могу уточнить, — отвечает с галантностью.

— Спасибо, — шепчу я, когда вижу, что он уходит.

— И ещё кое-что, Дженни, — добавляет он, прислоняясь к косяку двери. — Ты ведь знаешь, что начинают распространяться нелепые истории по поводу ваших сегодняшних недомоганий?

— Ничто и никогда не может победить правду. Но я была бы очень тебе признательна, если бы ты не заключал пари по этому поводу, — предупреждаю его решительно.

— Кто, я? — спрашивает меня с самым невинным выражением лица в мире, прежде чем окончательно удалиться.

Что ж, теперь я могу взяться за работу. Если, конечно, мне удастся подумать о чём-нибудь другом, что не является невыносимой болью, которую я чувствую. Клянусь, я больше никогда не сяду на лошадь.

Я приступаю к чтению электронных писем, которые пришли на выходных, когда мой телефон начинает звонить. Это внутренний номер, а если быть точной, это номер Йена. Не то чтобы он часто звонил мне в последнее время, но этот тот номер, который я, темнее менее, хорошо помню. *«Своего врага нужно знать в лицо»* — мудрое высказывание.

— Да? — отвечаю, стараясь выглядеть равнодушной.

— Привет, Дженни, — меня приветствует голос, звучащий, словно из загробного мира.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — тут же спрашиваю его.

— Лучше, чем вчера, — признаётся он и это мне кажется уже большим достижением. — А ты как? — спрашивает в свою очередь.

— Моя задница знавала и лучшие времена, — подавленно сообщаю я.

Далее следуют мгновения неловкого молчания. Я чувствую, что Йен ищет способ попросить прощения, но он настолько не привык к подобному, что даже не знает, с чего начать. С другой стороны трубки я слышу вздох.

— Что-то ещё? — спрашиваю почти грубо после длительного ожидания.

— Хочешь как-нибудь пойти поужинать ко мне вечером? — спрашивает меня.

Это был тот вопрос, к которому я совершенно не была готова.

— Можешь повторить? — мне показалось, я плохо расслышала.

— Да, я хотел бы извиниться, — говорит. — Я чувствую себя по большей части ответственным за то, что произошло в последние дни.

Да неужели? Это ещё не признание вины, но уже начинает быть похожим на него.

— Нет необходимости меня приглашать. Твои извинения приняты. Можем сказать, что эти выходные довольно-таки тяжелые для нас обоих.

Однако Йен, похоже, не хотел сдаваться так быстро.

— Но я действительно настаиваю, — говорит он мне. — Я бы почувствовал себя намного лучше, если бы мне удалось принести извинения достойным образом. И я бы предпочёл, чтобы это произошло подальше от любопытных глаз.

Тут он был, пожалуй, прав: этот офис, кажется, превратился в одну из серий «Сплетницы».

— Ладно, идёт, — говорю я с неохотой. — Но ничего слишком значительного, пожалуйста. Я уже сыта по горло от вас, господ из высшего общества и ваших церемоний.

«Я должна смягчиться», — думаю раздражённо. Ранее я бы швырнула телефон ему в лицо, не задумываясь. Более того, принять его приглашение, чтобы он не чувствовал вины... В воздухе, должно быть, витает какой-то странный вирус, вызывающий доброту и сострадание к тому, который этого на самом деле не заслуживает.

— Окей, — отвечает улыбаясь. — И ещё кое-что: моя машина всё ещё цела? — спрашивает обеспокоенно.

Я действительно начинаю подозревать, что эта машина является той вещью, которую он любит больше всего на свете, но, тем не менее, я ценю, что прошло целых две минуты без упоминания о ней. В конце концов, мы не можем просить у людей слишком многого.

— Сегодня утром она была припаркована у моего дома. Из этого я делаю вывод, что никому не пришло в голову угнать её этой ночью. Доволен?

Лёгкий смешок с другой стороны.

— Безгранично. Я могу пойти и забрать её после работы?

— Ты должен. В противном случае, соседи будут плохо обо мне думать.

— Тогда я подойду сегодня вечером, если я тебя не побеспокою.

Его голос, как по мне, ещё слишком приглушённый.

— Побеспокоишь, но твоя машина беспокоит ещё сильнее, так что приходи и забирай её, — говорю, чтобы подразнить его.

Снова смех.

— И кто бы мог подумать?

— Что? — спрашиваю с искренним любопытством.

— Что разговор с тобой может быть таким успокаивающим, — говорит мне, становясь вдруг очень серьёзным.

— Тогда мне стоит подумать о том, чтобы открыть платный чат, — отвечаю, стараясь подражать шутливому тону.

— Тогда я тебе позвоню. Пока.

Потом мы кладём трубки, и меня охватывает странное чувство. Для той, у которой фиолетовая попа, ощущение бабочек в животе не является нормальным явлением. И мне это совсем не нравится.

ГЛАВА 19

Было десять часов вечера, когда Йен появился перед моей дверью, чтобы забрать свою любимую машину. В тот момент, когда звенит звонок в домофон, я просыпаюсь от приступа дремоты, напавшей на меня, пока я ждала.

Я делаю над собой усилие и направляюсь к входу. Йен без особого труда замечает мои босые ноги и помятое лицо.

— Я тебя разбудил? — спрашивает, входя.

— Вовсе нет, рано или поздно я всё равно должна была прийти в себя. Не могу спать на диване одетой, с макияжем на лице и, рискуя хорошенько свернуть себе шею. Для меня и так достаточно боли, — замечаю я, провожая его в зал.

Йен одет в тёмные джинсы, чёрный шерстяной свитер и куртку из чёрной кожи. Должна признать, что ему идёт. Не привычный официальный стиль, к которому я привыкла.

Его взгляд всё ещё немного тусклый, но я вижу, что он восстанавливается после своего сильного похмелья. Завтра будет как новенький.

Счастливым же он, а мне что-то подсказывает, что моя боль будет сопровождать меня ещё долго.

— Смотришь фильм? — притворяется заинтересованным, садясь на диван и совершенно не обращая внимания на ключи, которые я ему протягиваю.

— Я закончила смотреть фильм, — уверяю его, присаживаясь в рядом стоящее кресло.

У меня нет желания заводить длинную беседу, но я также не могу быть такой грубой. Йен рассматривает меня странным способом, с блеском в глазах, отличающимся от обычного.

— Я бы предложила тебе выпить, но после вечера субботы мне кажется, что не стоит.

— Ради Бога, после вчерашнего я не хочу ничего ни пить, ни есть.

— Потому что ты вернулся в то субботнее состояние? — спрашиваю его внезапно, решив капнуть глубже.

Йен продолжает пристально смотреть на меня и, вероятно, что он ожидал такого вопроса рано или поздно.

— По стандартным причинам. Пьют ведь для того, чтобы утопить неприятности в вине, разве не так? — его тон искренний, сильно отличающийся от того, к которому я привыкла.

— Возможно, лучше встретить неприятности лицом к лицу? — пробую предложить ему. Его печень была бы ему благодарна.

— Не то, чтобы я не встречался с ними лицом к лицу, но теперь уже несколько лет, как я постоянно выслушиваю те же слова. У меня был катастрофически момент в субботу вечером, — доверительно рассказывает он мне. — И со мной это происходит крайне редко.

В этом я могла его понять. Очевидно, у нас есть кое-что общее: мы всегда должны выглядеть сильными, так как это то, что нас учили делать. Мы происходим из совершенно разных семей, но в некоторой степени чувствуем одинаковый груз за плечами.

— Теперь лучше? — спрашиваю его. И мы оба понимаем, что речь идёт не о физической форме.

— О да, мне всего-то и нужно немного пожалеть самого себя, — говорит он саркастическим тоном.

Возможно, я бы никогда этому не поверила, но я знаю наверняка, что он чувствовал в тот момент, знаю, как это утомительно — не чувствовать одобрения со стороны собственной семьи. И я, и он много работали в эти годы, стараясь сделать всё самостоятельно. Но ничего из того, что мы добились, не имеет большого значения для наших семей.

Не знаю почему, но я инстинктивно накрываю его руку своей, чтобы ободрить его. Он смотрит на меня немного удивлённо, но потом кладёт свою руку на мою. Прикосновение лёгкое, едва ощутимое, но я чувствую, что снова пережила потрясение.

— Я знаю, что ты чувствуешь, но ты не должен испытывать сомнения по поводу своей семьи. Правы мы, но мы люди и чувствовать себя вечно упрекаемыми за правильный выбор — сводит с ума, — говорю ему, думая о годах перебранок и встречных споров.

Йен поднимает глаза и смотрит на меня почти ласково. Всё ещё держа меня за руку, он медленно начинает приближать своё лицо к моему.

— Йен, — прерываю его на половине пути, — мне кажется, что это наихудшая идея, — говорю ему, охваченная паникой.

— Почему? — спрашивает он, игнорируя все мои возражения.

— Йен..., — мой голос звучит почти как мольба, потому что какая-то часть меня прекрасно знает, что мне не удастся оттолкнуть его, если придётся слишком сблизиться.

— Мне нравится, как ты произносишь моё имя, Дженни, — говорит он, нежно меня целуя. Мы замираем на несколько мгновений, как только наши губы слегка соприкасаются.

Прежде, чем я успеваю подумать, Йен притягивает меня к себе и после того, как заключил в свои объятия, начинает целовать по-настоящему, не обращая внимания ни на что.

Мои руки прижимают его почти автоматически. Одна рука останавливается в его чёрных волосах, густых и шелковистых.

Время убегает, однако меня это не волнует, но ровно до тех пор, пока его губы не начинают опускаться ниже, чтобы остановиться на моей шее. К моему огромному изумлению, шёпот заставляет меня дрожать. Мне больше не удаётся напомнить себе единственную причину, по которой я должна держаться подальше от этого человека.

Спустя мгновение Йен возвращается, чтобы сосредоточиться на моих губах, целуя со страстью. Я полностью теряю контроль над своим телом, не говоря уже о языке, который двигался самостоятельно, словно охваченный странным танцем.

Его рука начинает проделывать путь под моим свитером как раз в тот момент, когда мы слышим стук в дверь. Нам удаётся только разомкнуть губы, прежде чем Лаура и Вера заходят внутрь.

Выражение их лиц, когда они видят нас обнявшимися на диване, почти комическое. Кто-нибудь может сделать фото, чтобы запечатлеть момент?

— Привет, — здоровается с нами Вера недоверчиво. Она вытаращила глаза, пристально глядя на руку под моим свитером. Рука останавливается, словно пристыженная, но не подаёт и виду, что собирается прервать контакт с моим животом.

Почувствовав направление её взгляда, решаю разорвать обвиняемые объятия и пытаюсь встать на ноги. Йен позволяет мне уйти, и он также не уверен в том, как вести себя. Признаю, что это наиболее стеснительно — быть застуканным в такой компрометирующей позе, когда им больше тридцати лет, особенно если в этом никогда не уличали даже восемнадцатилетних.

— Хм..., — бормочет Лаура, имитируя растерянное выражение лица подруги.

Очевидно, что Йен это тот, у кого больше опыта в ситуациях такого рода, потому что он вмиг снова обретает контроль над собой и решает, что лучшая вещь сейчас — это побег.

— Что ж, так как я забрал свои ключи, я могу уйти, — информирует он нас, вставая с дивана и быстро хватая ключи со стола.

«Разумеется, если бы он взял их тогда, когда я ему их предлагала, ничего из этого не случилось бы», — думаю немного раздражённо. На самом деле, это то, что я чувствую и по отношению к себе самой, но в такой момент очень легко свалить всю нервозность на Йена,

который является предметом моего гнева уже, по крайней мере, пять лет. Если присмотреться, он может продолжать быть им и в ближайшие пять минут. Краешком глаза он, должно быть, почувствовал мою смену настроения, потому что остановился в нерешительности насчёт того, что делать.

— Ты проводишь меня к двери? — спрашивает он меня со взглядом, стоящим тысячу слов.

Я почти искусилась ответить ему «нет», но Вера бросила на меня очень гневный взгляд.

— Окей, — отвечаю я лишь для того, чтобы не вызвать последующего за этим напряжения.

Он кланяется моим подругам и направляется к выходу.

— Что ж..., — начинает он неуверенно и тут же останавливается, не зная, что сказать.

— Я бы предпочла не говорить об этом, — подсказываю ему быстро, решив вывести его из затруднения.

Думаю, что я застала его врасплох, возможно, он ожидал совсем другого ответа.

— Окей, — ограничивается он ответом, не слишком убеждённый.

— Мы ещё под пагубным влиянием этих выходных, — добавляю. — Не считая того, что ты всё ещё немного подвыпивший...

— Правда? — спрашивает он растерянно. — Спустя больше, чем сорок часов?

В каком-то смысле мне кажется, что Йен просто не хочет понять.

— В таком случае, ты хорошо себя чувствуешь? — спрашиваю его с вызовом.

— Ну, нет, но это... — начинает говорить. Но я останавливаю его рукой.

— Йен, ты, правда, хочешь поговорить об этом? — спрашиваю серьёзно.

— Выражение его лица достаточно терзающееся.

— Нет, — цедит он сквозь зубы. — Но, в основном, это вы, женщины, всегда хотите анализировать эпизоды вроде того, что произошёл ранее.

Отлично, лучше не упоминать слово «поцелуй».

— В целом, для тебя это удачный вечер, потому что, во-первых, у тебя ещё не украли машину и, во-вторых, я абсолютно не хочу об этом говорить, — больше, чем можно представить.

— Тогда доброй ночи, — и он оборачивается, чтобы попрощаться со мной. Прежде чем мне удастся отстраниться, он приближается и целует меня в щёку. Вполне невинный жест, но от его близости у меня снова кружится голова. В таком случае, надо будет показаться врачу, у меня может быть какая-то странная болезнь.

— Доброй ночи, — отвечаю смущённо, открывая дверь, чтобы он ушёл.

К счастью, спустя несколько секунд, от его присутствия не остается и следа. В моих ноздрях ещё есть его запах, но я избавляюсь от него, глубоко вдыхая.

Закрывая дверь, я всё же отдаю себе отчёт в том, что в зале меня определённо ждёт Святая Инквизиция. Не то, чтобы они были судьями: если бы я была на их месте, у меня была бы реакция куда хуже. Нужно дать им понять, чтобы они держали при себе вопросы на счёт Йена.

Зайдя в гостиную, я сажусь в то же кресло и смотрю на них, готовая к битве.

— И с каких пор это зашло так далеко? — спрашивает Лаура.

— Ни с каких, — отвечаю быстро, потому что это правда.

— Не насмехайся над нами, — возражает Вера. — Мы видели всё своими собственными глазами.

— Я знаю, что вы видели, дорогие мои. Клянусь, подобного раньше никогда не случилось. — Знаю, что это не лучшее моё оправдание, но ничего лучше у меня нет.

— Вы оба казались полностью увлечёнными, — настаивает Лаура.

— Это был просто поцелуй! — уточняю, потому что, по сути дела, они же не нашли меня дома голой на диване!

— Это был не просто поцелуй! — тут же отвечает Вера. — Это был один из тех поцелуев, от которых появляется гусиная кожа, один из тех поцелуев, которые ведут из комнаты прямо в постель.

— Я вижу, как обстояли бы дела, не приди мы вовремя..., — добавляет Лаура.

— Это преувеличение! — говорю я с обиженным видом. Лаура пристально смотрит на меня.

— Они вдвоём уже давно, но некоторые вещи я ещё помню, дорогая, — хорошо ей.

Я решаю ничего не добавлять к её утверждению.

— Окей. Мы не должны потерять из вида предмет данного разговора, — говорит Вера. — Мы здесь для того, чтобы помочь Дженни понять некоторые вещи.

— Правда? Я думала, вы здесь для того, чтобы меня мучить, — мой саркастический тон их не смущает, они прекрасно знают, что это моё главное средство защиты.

— Он тебе нравится, Дженни? — спрашивает Вера. — Нам ты можешь свободно об этом рассказать. Мы же не твоя мама.

Они правы и я знаю это, но признаться самой себе, что меня привлекает Йен — это слабость, в которую я поклялась не верить никогда в жизни. Никогда, никогда, никогда.

— Он мне не нравится, правда! — отвечаю громче. — То, что вы видели раньше, явно было ошибкой. Йен до сих пор немного потерянный после того, через что прошёл в тот уикенд, в то время как я была в ступоре. Всё так и было, клянусь! Он меня внезапно разбудил... Я была не готова... всё случилось в одно мгновение.

Лаура смотрит на меня почти грустными глазами.

— В основном, ты готовилась, прежде чем встретить его? Что ты делаешь, ты постоянно повторяешь, что он тебе не нравится и тому подобное?

— Да! Нет! О Боже, я не знаю... — отвечаю в панике. Я знаю, на что они готовы пойти чтобы защитить, и это мне не нравится. — Слушайте, девушки, я знаю, что вы думаете помочь мне с этим, но я вам гарантирую, что то, в чём я сейчас нуждаюсь, это крепкий сон. Завтра я буду отдохнувшей, завтра будет новый день, и вещи мне будут казаться менее тревожными. Так вы мне действительно поможете.

Вера и Лаура переглядываются, прежде чем кивнуть.

— Хорошо, на данный момент не будем говорить об этом, — успокаивает меня Вера. — Но знай, мы ждём, что ты нам прояснишь всю сложившуюся картину в этой ситуации. Ты не из тех, кто бежит от проблем. Мы желаем тебе добра.

Я поднимаюсь с кресла, решив уснуть один раз за все.

Когда я что-нибудь пойму, вы будете первыми, кто об этом узнает.

ГЛАВА 20

Я спала очень плохо, старалась уснуть и, словно этого было мало, проснулась на рассвете. Чтобы увильнуть от следующей попытки моих подруг разговорить меня, я рассудительно решила приехать в офис раньше обычного. Самая что ни на есть «идейка».

Я здесь с 6:30 утра и у меня совсем нет того радостного и спокойного взгляда, который

обычно сопровождает моё прибытие.

Возле кофейного автомата стоит Джордж, но для меня речь идёт о третьем этом утре.

— Добрый день, — говорит мне серьёзно. — Если для тебя он действительно такой. У тебя встревоженный вид, — добавляет он, подтверждая мои подозрения.

— Напомни-ка мне: почему я в основном ценю твою искренность? — спрашиваю его, хватая свой стаканчик, только что вышедший из кофейного автомата.

— Потому что ты любишь искренность, — отвечает, ничуть не обеспокоенный моим мрачным настроением.

— Не этим утром, — устало признаю. Я думала, что парень более восприимчивый.

— Тебе следует больше гулять, дорогая моя. Веселиться, встречаться с парнями... Ты одинока или нет?

Покорно киваю.

— Одинока, одинока...

— Даже если журналы говорят другое, — заявляет он, многозначительно хихикая, и подразумевая другие вещи.

— Говорят ерунду, — отрезаю я, пробуя дымящийся кофе. Он ужасный, но сегодня у меня есть и другое, о чем переживать.

— Знаешь, в основном в этом офисе всегда витают и другие совершенно лживые сплетни, но это дело между тобой и Йеном..., — он останавливается с театральным видом, словно если это тайком могло быть... правдой.

Заметно бледнею.

— Не то чтобы ты мне об этом никогда не скажешь..., — продолжает Джордж, исследуя почву. — В любом случае, если захочешь довериться кому-то, знай, что я умею хранить секреты. И если ты мне скажешь не говорить об этом, ну, тогда я зашью себе рот.

— Спасибо, — говорю ему искренне.

— Знаю, что ты живёшь со своими лучшими подругами, но, с некоторой точки зрения, иногда и мужчина может чем-то помочь.

Я должна казаться совсем уж отчаявшейся, если все готовы дать мне психологический совет.

— Не считая того, что ты также сделаешь мне одолжение, — говорит мне, подмигивая.

— И каким же образом? — спрашиваю удивлённо.

— Просто: я добиваюсь Тамары, — объясняет он мне. — А она смотрит только на Йена. Следовательно, если ты деликатно убережешь его из виду, ты получишь мою глубокую признательность.

— Джордж! — восклицаю возмущённо. — Какого чёрта ты сейчас говоришь? У меня нет ни малейшего намерения убирать Йена ни в какую сторону! — если не говорить о моих мыслях, куда он, кажется, вторгся без моей воли.

В определённых случаях я Джорджа совсем не понимаю, до чего обнаглел, чтобы требовать подобные вещи.

— В этом нет ничего плохого! — спешит уточнить.

— Не говори глупостей! — отвечаю раздражённо. — Вместо того, чтобы терять время со мной, почему бы тебе не проверить последние отчёты, которые подписали клиенты?

Бросает на меня молящий взгляд.

— Но их же там целая гора!

— Именно. Возможно, лучше начать раньше, — отвечаю ему, ничуть не растроганная

выражением его лица.

— Один? Мне нужен кто-то, кто поможет мне, — просит умоляюще.

— Ты знаешь, что другие уже работают над тем, что ты им всучил, — замечаю я. — Но если тебе действительно нужна рука помощи, я могу спросить Йена, сможет ли Тамара тебе помочь.

И потом не говорите мне, что я не лучший начальник в мире. Выражение лица Джорджа полно счастья.

— Ты это сделаешь? — спрашивает с надеждой.

— При условии, что я никогда не услышу из твоих уст небылицы касательно моей личной жизни.

— Договорились! — радостно соглашается.

— Но не праздную победу слишком рано. Йен может и не согласиться, — напоминаю ему. В прошлом я бы поспорила на что угодно, что Сент Джон никогда не ответит согласием на мою просьбу, но в последнее время вещи дела совсем странные. Никогда не говори «никогда».

— И я надеюсь, что ты достанешь своё лучшее оружие, — говорит мне, посмеиваясь.

— О чём я только что говорила? — угрожаю ему. — Между прочим, я на самом деле не могу понять, как в такое можно мало-мальски поверить. Йен и я? Вы что, с ума сошли? Я даже слишком стара для него! Возможно, он встречается только с молоденькими девушками, которым едва перевалило за двадцать, и у которых нет ни единого работающего нейрона в мозгах!

«Убираем начисто возможно», — думаю зло.

— На самом деле это не так, — произносит глубокий и раздражённый голос за моей спиной. Моя единственная удача.

— Привет, Йен, — приветствует его Джордж виновато.

Йен поднимает руку в знак приветствия и подходит ко мне.

— Найдётся минутка? — спрашивает мрачно.

У него разозлённое выражение лица, даже если он странно более уязвимый, чем обычно. Как бы я хотела ответить «нет».

— Да, — отвечаю вместо этого и даже не знаю, почему.

— Тогда я вас оставлю, — говорит Джордж, удаляясь. — И не забудь спросить у него! — говорит мне, прежде чем исчезнуть из виду.

— Спросить у меня что? — вопросительно произносит Йен, становясь передо мной.

— Ах да, можешь попросить Тамару поработать с Джорджем над серией отчётов, которые прибыли сегодня утром? Говорит, что самостоятельно он с этим не справится.

Первое его выражение — это нескрываемый восторг но, так как Йен — мастер лицемерить, он быстро собирается, смотря на меня равнодушно.

— Окей, я попрошу её.

— Спасибо, — отвечаю я. — Ты хотел поговорить со мной? О Беверли? — спрашиваю, стараясь поддерживать профессиональный тон.

Выражение лица Йена трудно понять.

— Беверли появился и спросил, сможем ли мы встретиться за ужином на следующей неделе.

— Никаких проблем, — уверяю его, радуясь от возможности направить разговор в рабочее русло.

— Но я не об этом хотел с тобой поговорить, — говорит он мне, понижая голос. — У тебя найдётся время выпить после работы? — спрашивает меня, пронизывая своими голубыми глазами, которые он явно знает, как использовать. Не хватало ещё, чтобы он начал хлопать ресницами и тогда всё станет на свои места.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Нет, — отвечаю сухо, в ужасе.

— Нет? — спрашивает с сомнением.

— Нет, — в этот раз мой голос уже более уверенный. Если бы я ещё могла придумать какую-нибудь отмазку или какое-нибудь оправдание, но я не должна ему других объяснений.

— Тогда ужин? — спрашивает почти умоляюще.

— Нет, — всё тот же уверенный тон.

Он смотрит на меня недоверчиво.

— Одно лишь «нет»? — сейчас вопрос почти обиженный.

— Именно, — я слишком мало спала, чтобы устраивать с ним сегодня длинные беседы.

— Почему нет? — спрашивает, хватая меня за руку. Он не сжимает её сильно, но не собирается позволить мне уйти.

Но я освобождаюсь от хвата.

— Ты потерял рассудок? — спрашиваю, бросая за его спину обеспокоенный взгляд на секретаршу Колина, которая старается уловить каждое наше слово. Этой женщине что, больше заняться нечем? У неё нет работы?

Йен приходит в себя после шокового состояния.

— Прости, — говорит он мне. — Но из-за тебя я вышел из себя.

Сейчас это именно моя вина? Я бы хотела сказать ему пару ласковых слов, но сама не знаю, как мне удаётся сдержаться. Боюсь, что наши отношения останутся натянутыми до тех пор, пока не найдём способ управлять нашим проблематичным влечением.

— Я должен поговорить с тобой, действительно должен. И потом я тебя больше не побеспокою, — у него решительный вид, и это исключает то, что его удастся разубедить.

— Окей, — всё же отступаю я. — Идём на ужин, — я отдаю себе отчёт в том, что, по сути, это худшее из худшего.

— В пятницу вечером у меня дома, — предлагает он. — Вижу, что я, во всяком случае, должен был пригласить тебя к себе.

— Но всё ясно, — говорю ему твёрдо. — Первый и последний ужин.

Кивает.

— Хорошо, отлично, — говорю нервно, стараясь придумать причину, чтобы сбежать.

— Дженни, тебе звонят! — предупреждает меня девушка из открытого офиса.

— Направь его мне в офис! Я иду!

Никогда не была более счастливой от наличия оправдания, которое помогло мне смыться!

ГЛАВА 21

— Это не свидание, — говорю себе нервно, рассматривая собственное отражение в зеркале. — Это обычный ужин с другом.

«Даже если Йен совсем не друг», — думаю взволнованно. Окей, тогда это обычный ужин с коллегой.

Звучит ободряюще, мне нравится.

— Ты же не пойдёшь туда в таком виде? — с упрёком спрашивает Вера, показываясь в дверях.

— А что не так? — невинно спрашиваю я, рассматривая себя в зеркале.

— Ты же одета с головы до ног! — замечает она, заходя в комнату.

Как раз этого я и добивалась.

— Отлично! В случае если вы не поняли, то намерение было именно таким, — заверяю её я, убеждённая в своём выборе.

Она фыркает и садится на кровать.

— Ты не можешь пойти так, я тебе не позволю. Только через мой труп! — угрожает мне она, скрестив руки.

— Опуская ваше яркое прошлое, ты, тем не менее, собираешься пойти ужинать домой к очаровательному, красивому, знатному, богатому мужчине...

— Мерзкому, самовластному, избалованному... — добавляю я. — И это только прилагательные. В чём дело? — спрашиваю несколько раздражённо из-за её вмешательства. Я долгое время думала, что больше ни перед кем не буду отчитываться за свою одежду.

— В том, что ты не можешь ходить по своему дому, одетая хуже, чем моя мама! — говорит очень энергичным голосом.

— Ты обижаешь свою маму, — отмечаю я, ничуть не встревоженная её обвинением.

Вера зло на меня смотрит.

— Если хочешь надеть брюки, тогда доставай свои облегающие джинсы! И поменяй эту уродливую футболку. И что это за цвет? — спрашивает меня сердито.

— Коричневый, — отвечаю я.

— Вот именно! Коричневый! — повторяет вне себя от раздражения. — И почему, по твоему, в пятницу вечером надевается уродливая коричневая футболка?

— Есть правило, которое запрещает надевать коричневое по пятницам? Это всего лишь ужин с коллегой, так что я могу надеть даже свою уродливую коричневую футболку, — отрезаю убеждённо.

— Дорогая, если быть точнее, эту футболку ты не можешь надеть и для того, чтобы пойти поесть к своей маме. Даже она будет смеяться.

Как это низко!

— Окей, идёт, эта футболка определённо не самое красивое из того, что есть у меня в шкафу... — признаю я, решив снять её.

Вера хватает её со скоростью света.

— Это я возьму в качестве тряпки для уборки! Зная тебя, рано или поздно тебе могло бы взбрести на ум достать её обратно!

Стараюсь сделать обиженное лицо, но она на меня даже не смотрит.

— А теперь поменяй эти треклятые брюки! — приказывает мне грозно.

Когда Вера до такой степени боевая, ничего не остаётся кроме как уступить. Так что я ловлю брюки, которые, как она решила, я должна надеть и начинаю переодеваться. Я уже сто лет не надевала такие узкие джинсы и нахожу их абсолютно неудобными.

— Я могу надеть хотя бы те, что ношу обычно? — прошу.

— Не можешь, эти самые подходящие, — решительно сообщает мне.

— Я даже вдохнуть не могу... — ворчу я. Но моя подруга не обращает на это внимания.

— А теперь мы должны найти тебе соответствующую футболку, — и начинает рыться в

шкафу.

Спустя несколько минут и спустя несколько футболок, она вновь появляется из этой кучи с довольным видом.

— Эта идеальна! — говорит мне, держа в руке чёрную футболку со стразами и глубоким вырезом.

— Когда это я успела купить себе такую футболку? — спрашиваю растерянно.

Вера усмехается.

— Никогда, мы подарили её тебе на Рождество два года назад.

Очевидно, я её никогда не надевала.

— Ну же, надень её, — говорит мне моя подруга.

— Она слишком открытая! — замечаю я, но она, кажется, совсем так не думает.

— Она открыта в самый раз. Надень её, — приказывает мне. Её тон не допускает возражений, так что я не могу не выполнить это.

— Идеально, — говорит мне удовлетворённо. — Теперь твои чёрные балетки с цветком.

— Но на улице холодно! — жалуясь я.

— И ты страдай! Что вечно делает всё женское население, между прочим.

Надеваю туфли с подавленным видом.

— Ты не библиотекарь, ты Круэлла де Виль.

Она даёт мне чёрную кофточку, которой я стараюсь хоть немного укрыться.

— По крайней мере, его я могу надеть? — спрашиваю её иронически, надевая плащ.

— Мне всегда нравился этот плащик, так что у тебя есть моё одобрение.

Вера встаёт с кровати и провожает меня до двери.

— И последнее: ради всего святого, не будь с ним слишком противной! Когда тебе ещё попадётся мужчина, который для тебя готовит?

У меня пробегает смешок.

— Не будь наивной, — говорю ей, уходя. — Человек такого рода не готовит, а заказывает еду на дом, милая.

И с этой фразой, не допускающей возражений, я спешу сесть на метро.

* * *

Нужно около получаса чтобы доехать до центра. Выйдя из метро, я сталкиваюсь с толпой туристов, разгуливающей по Пикадилли. Продрогшая, я иду по направлению к Гайд-парку, всё больше приближаясь к Трафальгарской площади. *«Вот что значит власть денег: квартира в самом центре»*, — думаю весело.

Входная дверь роскошная, именно такая, какую следует ожидать от здания в таком месте.

Сегодня днём Йен прислал мне э-мейл с точным адресом и номером домофона. Не слишком уверенная, набираю номер 17 и звоню. Спустя несколько мгновений дверь открывается с решительным рывком. Захожу в вестибюль, сделанный весь из мрамора, светлый и очень чистый; поднимаюсь на несколько ступенек и терпеливо жду прибытия лифта. Я оказываюсь на пятом этаже слишком быстро. Этот вечер на мгновение вызывает у меня лишь сильную боль в животе и ничего более.

Гипотеза о возможном бегстве при смерти стала, однако, напрасной капитуляцией из-за присутствия Йена, который открыл дверь своей квартиры и смотрел, как я выхожу из лифта.

— Добро пожаловать, — приветствует меня сердечно, словно моё присутствие это самая естественная вещь в мире. Почти как в своей тарелке, и это меня почти раздражает.

— Спасибо, — отвечаю, приближаясь. Он отодвигается, чтобы дать мне войти. На нём джинсы и голубая рубашка с завернутыми рукавами, которая ему очень идёт. Завершают наряд кожаный пояс и мокасины, которые выглядят так, словно стоят целое состояние. Хорошо, что Вера вынудила меня переодеться: приехать сюда в совсем неподходящем наряде определённо не помогло бы мне почувствовать себя лучше.

Первое, что я замечаю, так это то, что его квартира очень светлая, современная и, возможно, куда более маленькая, чем я ожидала. Гостиная обставлена очень основательно, с игрой чёрного и белого: мебель в минималистическом стиле черная и блестящая, в то время как диваны — белые. Если бы у меня было что-то подобное, я бы наставила везде пятна за одну неделю!

В этой комнате старый только ковёр, который, однако, не разрушает эффект целостности. Даже, если это, возможно, смягчает его.

В глубине комнаты стоит стол, убранный очень элегантно: белая скатерть, квадратные тарелки такого же цвета и хрустальные бокалы.

Йен провожает меня до дивана и устраивает там.

— Присаживайся. Принести тебе что-нибудь выпить? — тут же спрашивает он, что и следовало бы ожидать от идеального хозяина.

— Скорее нет, — расслабленно бормочу. Алкоголь не может быть мудрым выбором.

— Ну же, Дженни. Составь мне компанию, — говорит мне, улыбаясь. — Ты же не хочешь, чтобы я пил в одиночестве?

Одна из причин, по которой я терпеть не могу это человека, это то, что ему с праведным выражением лица удаётся получить практически всё, чего он хочет. И ему это известно.

— Всего одну каплю, — неохотно соглашаюсь я, нервно поворачиваясь на его чистом диване. Он потребует у меня оплатить химчистку, если одна капля красного вина посмеет пролиться с бокала? Я разглаживаю рукой ткань, на которой сижу. *«Она должна состоять из какой-нибудь дорожной шерсти»*, — думаю тревожно.

Проходит несколько секунд и Йен появляется возле меня с бокалом белого вина. Спасибо за белое...

Я благодарю его кивком головы и пробую вино: игристое и сухое, как раз то, что мне нравится. Это определённо не случайность. Если я что-то и усвоила за эти недели, так это то, что с Йеном ничего остаётся на волю случая. Он позволяет тебе так думать, но лишь для того, чтобы иметь над тобой преимущество.

— Превосходное вино. И красивая квартира, — говорю ему искренне. — Даже, если я ожидала чего-то побольше от такого, как ты.

— Такого как я? — спрашивает, присаживаясь и рассматривая меня.

— Да, высочайшее дворянство, фамильные вещи... что-то в этом духе.

— В этом доме есть один зал, одна кухня, одна комната и ванная. Мне большего и не нужно, учитывая время, которое я здесь провожу, — заверяет меня он. — Не считая того, что этот дом взят в аренду.

Я на самом деле удивлена.

— Ты и в аренду?

— Да, даже если это от моего дедушки, — признаётся он, слегка краснея.

Я смотрю на него с сомнением.

— Тогда ты арендуешь условно, аренда бесплатная.

— Мой дедушка, если бы мог, заставил бы платить вдвойне, — говорит мне серьёзно. —

Следовательно, было бы хорошо, если бы удалось выплачивать ту же сумму и от остальных.

— А кто эти «остальные»?

— Жильцы других квартир.

— Ты хочешь сказать, что весь этот дворец ваш? — спрашиваю, впечатлённая.

Йен словно в небольшом затруднении.

— Ну, да, — признается, — один из многих.

— Тогда он мог даже подарить тебе одну квартиру, — отмечаю я. Откровенно говоря, если бы у меня был внук и тысяча квартир, от одной я могла бы и отказаться.

— Он пробовал после моего выпуска, но его подарки всегда небескорыстные. Рано или поздно он всегда требует счёт. И я предпочёл платить за аренду полностью, а не быть ему в чём-то должным.

Этого я уж точно не ожидала. Разумеется, Йен зарабатывает достаточно для того, чтобы оплатить аренду, но это всё равно остаётся ненормальным. *«Немногие поступили бы так на его месте»*, — думаю я про себя.

— Как бы там ни было, я всё равно тут надолго не задержусь, — открывается мне он, ставя бокал на стол. — Я осматриваюсь с целью купить квартиру, которую я сохранил за эти годы. А ты, почему ты арендуешь? — спрашивает он меня.

— Я тоже подумываю купить что-нибудь, но по правде говоря, мне не нравится жить одной. И я просто не могу позволить себе дом с тремя спальнями в центре, чтобы приютить и своих подруг. Я думала об этом, когда собиралась с кем-то сожительствовать, но потом данная мысль исчезла и на некоторое время я отложила этот план.

— Понимаю, — говорит мне Йен, даже если я сомневаюсь в том, осознаёт ли он, что значит быть вынужденным беспокоиться о наличии крыши над головой. Правда в том, что он в любой момент может изменить своё решение и переписать на себя дом, подписанный его именем.

— Значит, ты полностью порвала со своим женихом?

Этот его вопрос странный, и он имеет мало общего с этим вечером.

— Абсолютно, — убеждаю я, внимательно за ним наблюдая. — Но ведь ты уже об этом знал.

— Иногда один передумывает, — говорит мне загадочно.

— Да, но если бы я передумала, я должна была бы проинформировать тебя. Хочу сказать, как твоя ненастоящая невеста... — напоминаю ему я.

— Даже если ты ненастоящая невеста, которая старается усидеть на двух стульях... — отвечает.

— Я тебе об этом уже говорила. И всё же я из тех людей, которые почти никогда не возвращаются назад. Чарльз на самом деле не был подходящим для меня человеком. Мне понадобилось немного времени, чтобы понять это, но я провожу так много времени на работе, что тяжело рассуждать с той же ясностью.

Моя фраза заставляет его рассмеяться.

— Я тебя понимаю.

Нас перебивает звук таймера из кухни.

— Я думаю, что готово, — говорит мне он, поднимаясь. — Не хочешь присесть за стол? — спрашивает меня.

Мое лицо очень удивленное.

— Ты сам готовил? — спрашиваю.

— Конечно. А ты как думала? — отвечает мне, исчезая на кухне. В некоторой степени этим вечером Вера угадала.

— Закуска, — объясняет мне он, садясь напротив и ставя на стол блюдо с большим выбором сыров и джемов. — Прошу тебя, скажи, что ты попробуешь все виды сыров, — просит он с сияющими глазами.

— Да, все, — уверяю его я, смеясь над его выражением лица.

— Вот отлично. Я почти искусился назвать тебе какой-нибудь конкретный вид, но не хотел раскрыть всё меню. Однако здесь даже есть тофу...

Я, действительно, поражена тому, что он помнит, что я вегетарианка и что он был обеспокоен нахождением подходящего меню. Эта мысль настолько выводит из равновесия, что я беру свой бокал, чтобы снова его наполнить: это лучше запить.

— За что выпьем? — спрашивает он меня, поднимая бокал.

— Я, правда, не знаю..., — бормочу я, стараясь что-то придумать. — Чтобы на работе всё было хорошо? — спрашиваю я, ссылаясь на Беверли.

Лицо Йена слегка мрачнеет.

— Не думай вечно о работе, — напоминает мне он. — Выпьем за новые возможности.

Эта фраза может иметь множество значений, но, непонятно как, мне приходит в голову лишь одна возможность, и это мужчина напротив, решающий поцеловать меня снова этим вечером. Картина до такой степени шокирующая, что я тут же стараюсь отогнать её. Йен не может не заметить, что я щурю глаза.

— Всё хорошо? — спрашивает он, чувствуя что-то интуитивно.

— Более или менее, — отвечаю я. — Даже если сказать по правде, ты меня немного нервируешь, — это признание вырывается у меня безотчётно.

Йен, видимо, не оценивает мой ответ.

— Мне очень жаль, потому что я действительно старался, чтобы ты в любом случае почувствовала себя, как в своей тарелке.

Я прекрасно знаю, что он это сделал. И он настолько вежливый этим вечером, что я чувствую себя плохо. Это так сильно отличается от его обычного поведения, что я не понимаю, каков его план.

— Всё это меня и нервирует, — стараюсь ему объяснить. — В основном ты не такой раскованный.

— Чувствую, я должен поправить тебя: я действительно такой, но лишь с теми, кто позволяет мне быть таким, — отвечает в том же тоне.

— Зачем этот ужин? — спрашиваю я, переходя прямо к делу.

Йен поднимает глаза к небу, стараясь не потерять терпение.

— Это всего лишь ужин, расслабься, — старается успокоить меня. — Как бы там ни было, мне казалось приятным поболтать обо всём, о падении на охоте, о том, что ты сказала моему дедушке...

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? Там не о чем говорить, — отвечаю обиженно. Но он не попался.

— Я очень хорошо знаю своего дедушку. Он решительно был самым присутствующим в моей жизни, какими не были мои родители, которые, в свою очередь, вечно были в командировках и на приёмах, так что не надо рассказывать мне басни.

— Предполагаю, что моим желанием не было рассказывать кому-либо про обмен мнениями с герцогом Ревингтоном.

— Мы не говорили ни о чём важном. Говорили о том, как я отличаюсь в сравнении с твоими обычными «избранницами», — говорю ему неопределённо.

Йен нервно жуёт свой кусочек.

— Он тебя как-нибудь обидел? — спрашивает, испытывая меня с маниакальным вниманием.

А вот теперь моя очередь поднимать глаза к небу.

— Ты, что, действительно думаешь, что я не могу себя защитить?

И он думает, что знает меня, хорошо знает, из чего я сделана, особенно если меня спровоцировать.

Кажется, мои слова успокоили его.

— Среди всех людей, которых я знаю, ты сумеешь защитить себя лучше всего, — уверяет он меня, признавая совершенно очевидную истину.

— Тогда не бойся! Я знала, что меня ждёт, и знала, как отвечать. Ничего особенного не случилось, по крайней мере, до тех пор, пока я не дала фазану сбежать, — добавляю с капелькой иронии.

Йен смеётся.

— Это мне уже сообщили, — в его глазах всё больше одобрения. — Я в этом и не сомневалась. В конце концов, ты отправил защитника животных на охоту, чего ещё ты мог ожидать? — спрашиваю, продолжая жевать.

— Ничего. Я лишь надеялся, что ты решишь не направлять ружьё против некоторых охотников, — говорит мне, посмеиваясь, пока берёт кусочек бри.

— Ну, тебе было бы легче узнать, что я этого не делала, — бурчу я, хватая кусочек зернового хлеба.

* * *

— Ты закончила? — спрашивает он меня, указывая на мою тарелку.

— Да, и мне очень понравилось, — заверяю его я, помогая собрать тарелки.

— Окей, а теперь время для главного блюда, — открывается он мне, появляясь из двери кухни.

— И что это будет? — спрашиваю с любопытством.

Он появляется минуту спустя с дымящимся противнем.

— Итальянская кухня: баклажаны с пармезаном, — объясняет, ставя всё на стол. Вид потрясающий.

— Уверена, ты не купил всё это готовым? — спрашиваю его недоверчиво.

Йен делает вид, что возмущается.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, ты же не мог всё это приготовить самостоятельно..., — говорю я, думая о времени, необходимом для приготовления блюда такого рода. Мы вышли из офиса поздно.

— Я это приготовил вчера вечером с помощью телефона от моей домработницы. Но это сделал я!

— Ты уверен, что не положил туда яд? — подшучиваю я, накладывая себе большую порцию.

Он хватает свою вилку и берёт еду прямо из моей тарелки. Жуёт и потом проглатывает.
— Видишь? Я ещё живой, — говорит мне, подмигивая.

Я вырываю тарелку из его рук и начинаю пробовать. Это блюдо кажется поистине божественным.

— Хорошо, — уверяю я немного после.

— Всего лишь хорошо? — спрашивает он меня почти обиженно.

— Окей, действительно хорошо! Что тебе ещё нужно?

— Как минимум «непревзойдённо», особенно потому что «такие, как я» не готовят! — язвит он. — Следовательно, я бы хотел дополнительные баллы за своё усердие. И за хороший результат.

— С чего ты взял, что я говорю подобные вещи? — спрашиваю его раздражённо.

— Может, я ошибаюсь? — спрашивает он, ничуть не задетый моим тоном. — Правда в том, что это ты слишком предсказуема в своих суждениях о богачах.

Я пристально смотрю на него в течение нескольких секунд с угрожающим видом.

— Мы отвлеклись, — говорит мне он. — Мы не закончили разговаривать о том, что ты сказала моему дедушке.

— Видимо, он не отступит. Нельзя сказать, что я этого не ожидала, в основном у него всегда есть какая-то определённая цель.

— Если ты действительно хочешь это знать, — говорю я, делая глоток вина. — Почему бы тебе не спросить его самого? — предлагаю ему.

— Я уже это сделал, дорогая моя Всезнайка, и он мне не ответил, — жалуется он. Какой мудрый человек этот герцог.

— Йен, правда, мы ни о чём не говорили. Он хотел разузнать немного обо мне, и я была искренней. Немножко обсудили тебя. И в конце он посоветовал мне бросить тебя как можно быстрее.

Я хотела сказать ему это более обыденно, но и это явно было не лучше.

— Почему? — спрашивает он почти хмуро.

— Потому что он игнорирует тот факт, что мы с тобой притворяемся, — замечаю я, словно если бы я обращалась к ребёнку.

— Не играй со словами, — говорит он мне, бросая на меня свирепый взгляд. — Ты прекрасно знаешь, чего я добивался.

По правде говоря, я этого не знаю, мне это ничуть не понятно.

— А ты постарайся понять. Я не происхожу ни из знатной семьи, ни из богатой, и мечта в моей жизни не состоит в том, чтобы выйти замуж и изображать из себя жёнушку, и я недостаточно привлекательна, чтобы быть с кем-то вроде тебя.

У меня нет явных комплексов, я отлично знаю, чего я стою и какая у меня внешность, но сопоставление между нами двумя невообразимо. Полагаю, что в его семье выбирают самые красивые женщины со всей страны, со значительным привитием из поколения в поколение основных «эстетических норм», в то время как в моей поколениями выбирали партнёра за ум, оставляя без внимания весь внешний вид. И я не жалею, я просто констатирую факты. Я слишком довольна своими мозгами и никогда их не променяю на самую красивую внешность.

— Ты себе не нравишься? — спрашивает Йен изумлённо.

— Я себе ещё как нравлюсь! — защищаюсь я. — Но я обычная женщина, обычного роста и обычной комплекции!

— Ты обычная, я это понял. А я, значит, нет? — спрашивает, наступая на меня.

Но я говорю, что мы просто должны играть в эту глупую игру, где он делает вид, будто не знает, что он объективно очень привлекателен?

— Скажем, что ты несколько менее обычный, — ограничиваюсь ответом я.

Йен поднимает бровь, будто бы не уловил суть моих слов.

— А что во мне менее обычного? — спрашивает он, допытываясь у меня с таким вниманием, что я не могу не покраснеть.

— Глаза, — отвечаю я, не подумав, потому что никакая женщина в здравом уме так бы не сказала.

И мне пора прекращать пить, пока не стало слишком поздно. Судя по лицу Йена, он, требует объяснений.

— У тебя самые голубые глаза из всех, что я когда-либо видела, — признаюсь я со сжатыми зубами и потупленным взглядом. Но какого чёрта на меня нашло? Я выпила сыворотку правды?

Выражение его лица смягчается, когда он мне улыбается удивлённо.

— Правда? — спрашивает с изумлением. Очевидно, что он не ожидал подобного ответа. Словно если бы все женщины планеты не соревновались, чтобы повторить ему это.

— Ну, разумеется, но женщину с обычными карими глазами легко впечатлить, — стараюсь защититься я, явно смущённая.

Я навлекла на себя проблему и теперь должна найти способ безболезненно её решить.

— У тебя прекрасные карие глаза, — говорит мне он, кристально вглядываясь в мои глаза. — А с внешней стороны кажутся зелеными, — указывает на меня рукой.

— Забудем о глазах, — предлагаю ему скучающе, снова опуская взгляд. Этот вечер принял дурной оборот. И хорошо ещё, что я не упомянула о его губах!

— То есть, резюмируя, ты чувствуешь себя малопривлекательной для меня, — говорит мне Йен, в порске подтверждения.

Однако! Когда он старается, ему удаётся добраться даже туда...

— Пожалуйста, не могли бы мы сменить тему разговора? — спрашиваю, действительно находясь в затруднении. — Я совсем не чувствую себя менее привлекательной, чем ты, я чувствую, что отличаюсь от тебя, что это... другое, — с трудом тараторю я.

Йен смеётся.

— Окей, мы разные. Хорошо. Ещё вина? — спрашивает он и, не дожидаясь ответа, наполняет мой бокал.

— Ты собираешься меня сподить? — спрашиваю его с беспокойством.

— Нет, просто хочу, чтобы ты расслабилась. Ты была немного напряжённой, когда приехала.

Если речь идёт об этом, ну, я всё ещё такая и есть. Только от алкоголя у меня помутнился разум и мой язык неожиданно говорит то, что думаю. Ужасно.

— Ты закончила? — спрашивает меня Йен, указывая на мою пустую тарелку. Очевидно, что когда я нервничаю, то ем и пью, даже не замечая этого.

— Да, спасибо. Всё было замечательно, — заверяю его, протягивая ему тарелку. — Тебе помочь помыть их? — спрашиваю я, поднимаясь и следуя за ним на кухню. Вижу, как он кладёт посуду в раковину.

— Ах, нет, об этом завтра позаботится кое-кто другой! — говорит мне, словно шокированный моим предложением. *«Разумеется, его Светлость не убирает, и как я могла*

забыть об этом», — думаю скупающе. Даже будучи искренней, я не могу упрекнуть его в этом: его семья привыкла к тому, что ей прислуживают тысячу лет, и Йен не может быть другим в этом роде. Вероятно, он также думает быть маленьким революционером и иметь одну служанку, а не десяток, как в его семье.

— Сладкое я всё же купил, — заявляет он, доставая из холодильника изумительный торт Захер и баллончик со сливками.

— Думаю, в этот раз я тебя прощу. Даже если Йен...сливки в баллончике... — посмеиваюсь я, пока мы снова подходим к столу.

Если бы это было приглашение на нормальный ужин, то мне бы точно предложили принести сладкое. Но я была так увлечена борьбой с паникой, что напрочь забыла об этикете. Хорошо, что он сам обо всём подумал.

— Знаю, знаю, это совсем не в моём стиле, — заявляет он, пожимая плечами.

— Ты должен простить себе это, — говорю ему, выпрыскивая гору сливок на кусочки, которые я только что отрезала.

Я собираюсь сесть, но пока ставлю флакончик замечаю, что у Йена изменилось выражение лица.

— У тебя сливки на носу, — говорит мне он с сияющими глазами, касаясь моего лица.

— Оставь, я сама, — я нервничаю. Малейший контакт с ним так выводит из равновесия, что жду, не дождусь, когда освобожусь от него.

Но Йен меня совсем не слушает и лёгким движением проводит пальцем по носу, опасно приближаясь. В его взгляде читается определённая решимость.

— Йен, — я снова зову его с укором в голосе.

— Я ведь уже говорил тебе, мне нравится, когда ты называешь моё имя, — ну, это было совсем не то, что я надеялась от него услышать.

— Ты закончил? — спрашиваю я его, видя, что он не собирается убирать руку от моего лица. Его ладонь, однако, решительно ложится на мою щёку. Я переживаю обычные тысячи ударов по всему телу.

— Я ещё даже не начал, — говорит мне шёпотом, приближаясь ещё больше.

Тот факт, что спустя секунду его губы оказываются над моими, ни для кого не является сюрпризом. *«Мне следовало остановить его раньше»*, — думаю я со злостью, пока мои губы оставлены под его губами. Мне следовало бы сделать хоть что-то, хотя бы сбежать.

Этот мужчина целуется божественно, и я забываюсь от вина и поцелуя. Я ощущаю себя чувственно как никогда, в то время как его объятия ласкают мою шею. Йен притягивает меня к себе ещё сильнее и целует ещё сильнее, насколько это возможно.

Когда я чувствую, как его рука приближается к моей груди, я чувствую потрясение, резко отстраняясь.

— Не могу поверить... — говорю я, стараясь снова обрести контроль над своими умственными способностями, надеясь, что они не совсем оставили моё тело.

Йен всё ещё смотрит на меня тем взглядом.

— Прекрати это, — говорю ему хмуро, хватая свою тарелку и направляясь к дивану. Будет лучше держать между нами расстояние в несколько метров. Сажусь, позволяя себе развалиться, и откусываю свой кусочек торта. Я могу попробовать восстановить свой уровень сахара, потерянный в суровом испытании поцелуем ранее.

Йен несколько минут наблюдает за тем, как я ем, а потом сам берёт свою тарелку и собирается сесть рядом со мной. Этот ублюдок смеётся, посматривая на меня краешком

глаз. Ясно, полагаю, что здесь нужно скорее плакать, чем смеяться.

— Я вижу, что ты на меня смотришь, — говорю ему раздражённо.

— А на тебя запрещено смотреть? — спрашивает наглец. — Ты здесь единственный человек, и я не могу смотреть ни на кого другого, — парирует он.

— Ну, тогда нам нужно было пригласить других людей, — говорю ему вне себя от раздражения.

— Тогда в следующий раз мы будем вчетвером. Но сперва, нам надо будет подождать, пока Джордж и Тамара не решат стать парой.

— То есть, это заметил даже ты? — спрашиваю я, счастливая от возможности сменить тему разговора.

— Это довольно-таки очевидно, — соглашается он со мной, продолжая есть. — Что она — слабость Джорджа.

— Да, но её слабость — это ты, — отмечаю я.

Йен пожимает плечами.

— Этого не может быть...

— Это очевидно, — настаиваю я, кусая шоколадную корочку.

— Она думает, что это так, но на самом деле я ей не нравлюсь, — говорит он уверенно, настолько уверенно, что заставляет меня усомниться в собственном убеждении. — А вот тебе я нравлюсь серьёзно, — утверждает сразу же после своих слов о Тамаре, словно сказать это было совсем естественно.

— Что, прости? — спрашиваю я, уверенная, что действительно плохо его расслышала.

— Ты хочешь сказать, что это не так?

— Это полная чушь! — отрезаю со злостью. — Как тебе пришло такое в голову?

— Так, мне казалось... — говорит он мне тихо, отдавая себе отчёт в том, что ошибся способом.

— И какие только шутки ты порой говоришь... — говорю скучающе.

— Я могу доказать тебе, — говорит мне сияя. У него вид человека, который решил и не хочет особо думать над своим выбором.

— И каким же способом? — спрашиваю я удивлённо. Вот этот вопрос я не должна была задавать, чёрт меня подери!

— Поставь эту тарелку, — говорит мне он, указывая на мой десерт.

Я же вместо этого прижимаю его сильнее, словно это было моим последней защитой перед врагом.

— И не подумаю.

— Ну же, не строй из себя трусиху, — провоцирует он меня, буквально выдёргивая тарелку из рук и ставя её рядом со своей. Без неё я чувствую себя беззащитной.

— А теперь тебе нужно расслабиться, — говорит мне он, заботливо приближаясь. Как будто это легко.

— Я буду расслабленной только тогда, когда выйду из этой квартиры, — заявляю ему я, с внезапным порывом искренности.

— Облокотись на спинку, — говорит, притягивая меня обратно к себе и охватывая мои плечи руками.

— Что ты хочешь доказать? — спрашиваю, серьёзно обеспокоенная. Этим вечером Йен мне кажется сумасшедшим, я его на самом деле не узнаю, и мне не удаётся предвидеть его намерения.

Рукой он касается моей щеки. И вот, я чувствую себя проигравшей.

— Ты чувствуешь? — спрашивает.

Конечно, я чувствую, возможно, я бы это ощутила, даже если бы была мёртвой.

— А что я должна чувствовать? — спрашиваю, делая вид, что не чувствую ничего и стараясь освободиться от этого прикосновения.

— Своё сердцебиение, — отвечает он, словно это была самая привычная вещь в мире. Моё сердце должно биться с бешеной скоростью, и мы оба это слышим.

— Я из тех, у кого всегда учащённое сердцебиение. И что дальше? — спрашиваю дерзко.

— Тебе следовало бы становиться клоуном, а не адвокатом, — излагает мне свою собственную точку зрения, смеясь и пристально на меня глядя. — Ты закончила со своими глупостями?

Моё лицо, должно быть, говорит достаточно, потому что спустя мгновение он целует меня снова и, если это возможно, с ещё большим пылом, чем раньше. Очевидно, он хочет показать мне, что я полностью в его власти. Это вечное проклятие, именно оно.

Несколько минут спустя я лежу на диване, и он надо мной. *Тяжело уйти, когда тебя прижимают подобным весом*, стараюсь я оправдаться. Даже не прекращая целовать меня, Йен начинает приподнимать мою футболку. Потом слегка задевает живот. Я издаю непонятный звук, когда он меня касается. Его рука продолжает двигаться дальше более решительно, нежно меня касаясь, пока не доходит до бюстгалтера.

— Мы можем снять эту футболку? — спрашивает он, на мгновение отрываясь от моих губ.

— Не можем. Ни за что, — отвечаю я, тяжело дыша. Он не должен раздеть меня, чего бы это не стоило. Я не сдамся.

Тогда Йен начинает целовать мою шею, потом выше, до уха.

— Тем не менее, мы должны, — говорит мне тихо, в то время как я снова начинаю терять разум. Спустя несколько минут, когда он старается снять с меня футболку, я больше не оказываю сопротивления. Х-м-м, и до чего же у меня замечательная сила воли.

Стоит заметить, что если бы я надела свою ужасную коричневую футболку, ничего из этого бы не произошло. Никто в здравом уме не отважился бы раздеть меня.

Между тем мои руки вцепились в Йена, которому, кажется, приятно прикосновение моей ладони к его коже.

Потом его губы добрались до моего живота и начинают подниматься выше, предварительно исследовав каждый сантиметр моей кожи. Вид его губ на моей коже — это слишком для меня, поэтому я закрываю глаза в надежде отогнать от себя эту картину. Но его губы и руки творят чудеса, поэтому мне не удастся думать ни о чём другом.

— Я прошу тебя, прекрати, — умоляю я, извиваясь.

Йен приподнимается на локте и улыбается мне почти шаловливо.

— Я только начал.

У него такое выражение лица, какого я никогда ещё у него не видела: оно чувственное, игривое и, я осмелюсь сказать, счастливое.

— О, Боже! — кричу я в отчаянии. У меня такое впечатление, словно меня поймали в ловушку.

— Что ты скажешь, если мы передвинемся в какое-нибудь другое место? — спрашивает меня со своими раздражающе голубыми глазами.

Я прикрываю веки, чтобы отвести взгляд.

— Забудь об этом! — кричу я решительно. — Я и шагу не ступлю в твою комнату!

— Вечно всё тоже преувеличение, — восклицает он, ничуть не встревоженный. Он поднимается с дивана и берёт меня на руки, словно пушинку.

Погодите, современные девушки прекрасно знают: мужчины XXI-го века больше не берут тебя на руки, они этого никогда не делают! Так почему же я неожиданно оказываюсь убаюканной, словно драгоценная вещь, уменьшенная до размеров котлеты.

— Не стоит... — только и удаётся мне пролепетать, пока Йен несёт меня в комнату.

Он грациозно кладёт меня на кровать, ложась рядом со мной. Весело рассматривает меня, совсем не чувствуя вины за панику, которую ясно можно прочесть на моём лице.

— Было бы чудесно, если хотя бы один раз меня начала целовать ты, — говорит мне, улыбаясь. — Хотя бы для того, чтобы убедиться в том, что в глубине души наша симпатия взаимна, — он говорит это с улыбкой, но в этой фразе прячется неуверенность, которой я никогда от него не ожидала.

Я приближаюсь к нему очень медленно, глядя в его глаза, изучая каждую чёрточку его лица.

— Ты заставляешь меня делать безрассудные вещи, — отмечаю я обвиняющим тоном.

Йен ослабляет свою защиту, пока рассматривает меня.

— Вот и хорошо, кто-то же должен научить тебя быть хоть немного безрассудной.

«Один поцелуй в большей или меньшей степени не изменит равновесия этого вечера, и так достаточно затруднительного», — думаю я, всё сильнее приближаясь к нему. Когда я, наконец, решаю его поцеловать, вижу, как он закрывает глаза с почти мечтательным видом. Смотрю на его чёрные ресницы, до тех пор, пока настойчивость его губ не заставляет закрыть глаза и меня.

Он прижимает меня и перекачивает на свою грудь, начиная гладить рукой по моей спине. Дойдя до бюстгалтера, нерешительно останавливается.

— Можно? — спрашивает, продолжая целовать мою шею.

— Я бы предпочла «нет», — удаётся мне ответить, краснея.

— А я бы предпочёл «да»... — выдыхает он, начиная играть с застёжкой.

— Я прошу тебя, нет... — останавливаю его, боясь сдаться совсем.

Йен снова смотрит на меня, улыбаясь.

— Мы можем пойти на компромисс: у тебя на мгновение останется бюстгалтер в обмен на эти скучные джинсы.

— То есть? — спрашиваю, вытаращив глаза.

Йен поглаживает мне щёку.

— Тебе следовало бы надеть юбку, — говорит мне серьёзно. — Эти джинсы такие узкие, для меня снять их — сущий ад, — жалуется он.

— Какая жалость, что у меня нет ещё более узких, — отвечаю я, стараясь не поддаться гипнозу от его взгляда.

— Ты почти всегда надеваешь брюки в офис, — замечает он. Никогда не думала, что ему есть дело до моей одежды.

— Они куда более удобные, — возражаю я сухо. Какая женщина в здравом уме отдаст предпочтение юбке, а не удобным брюкам?

Удивлённую, он хватается за меня и снова переворачивает так, чтобы быть сверху. Какое зрелище, девушки: прекрасный мужчина с обнажённым торсом, со взъерошенными волосами и покрасневшими губами от частых поцелуев. Жаль, что это будет первый и последний раз,

когда я увижу этого мужчину в таком виде.

Потом он начинает расстёгивать пуговицу на моих джинсах и неожиданно то, что мгновение назад казалось худшей идеей, скоро становится гениальным открытием. Я позволяю снять себе брюки и остаюсь в своих белых трусиках.

Упс. Простые, ужасные, обычные, белые. А бюстгальтер явно чёрный...

На один миг закрываю глаза, погружённая в отчаяние, потому что готова поспорить на все свои надбавки в этом году, что этот мужчина ни разу не видел женщину с трусиках и бюстгальтере разного цвета.

— Окей, должна сказать, что мне пора идти домой, — говорю я, стараясь освободиться от его объятий тщетно пытаюсь встать с кровати.

— Пора? — спрашивает Йен изумлённо.

— По правде говоря, я должна была сделать это уже давно, — отрезаю огорчённо. — Сейчас уже немного поздно, но всё же лучше, чем ничего.

Уверена, я навсегда запомнюсь как та, что осмелилась надеть двухцветное бельё, но кого это волнует, тем более, я не буду одной из многих.

Йен решительно меня останавливает.

— Я что-то сделал? — спрашивает обеспокоенно.

— Ты? — спрашиваю удивлённо. — Ты тут не при чём, дело во мне, — правда, полагаю, что я достаточно унижена с этим нелепым комплектом белья.

Йен смотрит на меня так, словно я заговорила на арабском.

Но в своё оправдание могу лишь сказать, что я бы никогда не поверила, и не сказала, что могла бы увидеть это. Клянусь, я думала, что миру суждено рухнуть раньше.

Йен точно не знает, смеяться ему или плакать.

— И это вся проблема? — спрашивает ошеломлённо.

Ах, вся? До чего же всё легко молодому господину.

— Тогда бы её быстро решим, — говорит он, касаясь моей спины и расстёгивая бюстгальтер, который я, захваченная врасплох, не успеваю удержать.

— Йен! — восклицаю почти оскорблённо, безуспешно стараясь прикрыться.

— Я лишь хотел помочь тебе... — клянётся он, скользя взглядом по моей груди. — Он казался серьёзной проблемой. Какой из меня джентльмен, если я не помогу девушке в беде? А теперь, когда мы преодолели это препятствие, куда пойдём? — спрашивает очень глубоким голосом.

— Разве я не собиралась уходить? — спрашиваю неуверенно, почему-то не находя сил, чтобы встать с этой кровати.

Йен поднимается и начинает снимать свои джинсы, которые падают на пол. Если меня сейчас свалит какая-то болезнь, то, по крайней мере, я умру счастливой, думаю нервно.

— Мне на самом деле это кажется худшей идеей,... — пытаюсь сказать ему низким голосом. — Нам уже пора...

Но Йен снова садится на кровать и снова начинает целовать меня даже не давая вздохнуть, и я позволяю унести себя этой волне, которая фактически рушит мою силу воли.

Когда спустя несколько минут даже остатки нашего белья улетучились, мне остаётся думать лишь о том, что то, что я сейчас делаю — определённо самое большое дерьмо в моей жизни.

Но хотя бы в этот раз, кому на это не наплевать?

ГЛАВА 22

Где-то далеко, слишком далеко от меня, настоятельно звенит мой мобильник. На мгновение оцениваю возможность, при которой всё это происходит во сне, но на самом деле не могу припомнить, чтобы я когда-либо во сне слышала телефон, звонящий с такой настойчивостью.

Когда я, наконец, поднимаю веки, стараюсь сосредоточиться на комнате, в которой нахожусь.

Во мне поднимается какая-то тревога, пока я в полумраке осматриваю комнату, которую до вчерашнего вечера никогда не видела. Я бы закрыла глаза на комнату, если бы не человек, лежащий рядом со мной. И этим утром мне действительно понадобятся стальные нервы, чтобы отдать себе отчёт в том, что я нахожусь в одной постели с Йеном.

Прошлая ночь была настолько смутной, что вполне могла бы быть сном. Но, к сожалению, всё было взаправду. Ну, не совсем, к сожалению... в конце концов, я даже не знаю, что и подумать.

Однако телефон продолжает звонить. Не слишком многообещающее начало утра. Человек рядом со мной глубоко спит. Я очень завидую этой его безмятежности, и даже не знаю, как он может спать, зная, что я лежу рядом с ним. Или, быть может, он до такой степени привык каждый вечер спать с разными людьми, что для него это не проблема. Я же, которая никогда не была в постели с мужчиной на первом свидании, мучительно стараюсь трезво обдумать те последние часы в моей жизни. В конечном счёте, я нахожусь в постели с человеком, с которым я даже никогда не встречалась. Мало того, что это первое свидание, оно ещё и наихудшее.

Разумеется, это была самая невероятная ночь в моей жизни, но чтобы это произошло с Йеном? Кажется, что там, снаружи, есть ещё три миллиарда мужчин, из которых можно выбрать.

Стараясь не шуметь, на цыпочках встаю с кровати и начинаю собирать свои вещи с пола. Я отчаянно ищу кофточку, когда вдруг вспоминаю, что на самом деле оставила её в зале, прежде чем прийти в спальню. Боже, какой стыд.

Прежде чем надеть всю одежду, решаю ответить по моему проклятому телефону, который снова начал звонить.

— Алло? — шепчу я, стараясь говорить тихо. Йен повернулся в постели но, к счастью, продолжил спать.

— По крайней мере, ты жива! — говорит Вера так, словно у неё камень свалился с души.

— Я жива, — заверяю её, почти смеясь.

— Мы с Лаурой чуть не умерли от страха, когда увидели твою пустую кровать этим утром! Нельзя так делать, ты должна была предупредить! — начинает бранить меня так, как не делала моя мама за всю свою жизнь.

— Прости, — шепчу я. — Но в моих планах не было проводить ночь здесь, — это была последняя вещь в мире, которую я собиралась сделать. По крайней мере, сознательно. О своих подсознательных желаниях я предпочитаю сегодня не думать.

— Где ты сейчас? — спрашивает, прекрасно зная, где я сейчас нахожусь.

— У Йена. И я очень ценю тот факт, что ты вынуждаешь меня говорить громче, — отвечаю ей полемически.

— Да не за что. Я представляю себе, как вы провели ночь, играя в рамино... — говорит, посмеиваясь.

— В «Эрудит», милая, — отвечаю ей.

Она начинает громко смеяться.

— Можно подумать, что тебе кто-то поверит... — продолжает мне.

— Во всяком случае, я приеду, — сообщаю я, стараясь завершить этот мучительный телефонный разговор.

— Смотри, раз уж мы знаем, что ты жива, можешь и остаться, — предлагает Вера.

— Лучше вернусь. — При первой же возможности.

— Как хочешь. Но если вернёшься, будь готова рассказать нам всё, красотка.

Покорно вздыхаю.

— Вы желаете мне зла?

— Ты же знаешь, что нет, мы просто сплетницы. Чао! — говорит мне Вера, прощаясь.

Делаю то же самое и кладу трубку.

Решив вопрос с угрожающим телефоном, продолжаю одеваться: надеваю джинсы, возвращаю себе кофточку, затерявшуюся среди диванных подушек и теперь я готова уйти. Теоретически, мне следовало бы пойти в ванну, но я рискую разбудить Йена, с которым у меня нет никакого желания разговаривать этим утром, так что придётся продержаться до дома. В конце концов, что такое лопнувший мочевого пузыря против самого трудного разговора за всё моё существование? Даже если он, быть может, и привык к случайному сексу, то для меня, которая за все тридцать три года в своей жизни спала всего с пятью мужчинами, включая Йена, тяжело назвать всё это «нормальным».

С лёгким шумом открываю входную дверь и, надев головной убор, выхожу, даже не оборачиваясь на лестничной площадке.

Это подлый поступок, я прекрасно отдаю себе в этом отчёт и мне немного стыдно, но мне нужно несколько часов, чтобы отдохнуть в одиночестве, прежде чем столкнуться лицом к лицу с тем, что случилось этой ночью. Также по той причине — что очевидно — я не смогу удалить это воспоминание хирургическим путём.

Возвращаясь домой, в метро, я не могла не чувствовать себя взволнованной из-за мыслей о прошлой ночи. Йен не был таким, как я ожидала, и, что действительно меня беспокоит, казался буквально увлечённым мной. Это неправда, я прекрасно это знаю, но вчерашняя иллюзия въелась в мою кожу, и от этого трудно избавиться. Я чувствую на себе его аромат, и каждая мельчайшая частичка моего тела ещё слишком хорошо помнит, как её долго ласкали и целовали. Мои бойфренды никогда не были особенно запоминающимися, так что не удивительно, что этим утром я немного не в себе.

Когда я прихожу домой, меня встречают две нетерпеливые особы. И их можно понять.

— Пойдём, позавтракаем? — предлагает Вера, увидев мою бледность.

Идея замечательная, именно этого и хочется, поэтому немного времени спустя мы уже идём в кондитерскую рядом с домом. Мне отчаянно необходимо подсластить это утро.

После того, как мы сели и сделали заказ, я терпеливо жду вопросов, которые не замедляют появиться. Я ценю тот факт, что они сдержались по дороге сюда.

— Итак, что случилось? — спрашивает Вера решительно, прислонившись к спинке стула.

Я ёрзаю на стуле.

— А можно упустить детали? — умоляю с глазами лани.

— С нами этот номер не пройдёт. Попробуй со своим парнем, — говорит мне Вера серьёзно и даже несколько раздражённо.

— Нет у меня никакого парня, — отвечаю ей упрямо.

Она бросает на меня свирепый взгляд.

— Называй это как хочешь...

— Да никак я это не называю! Так и есть! — отвечаю я, ударяя рукой по столу. Я надеялась, что хотя бы мои подруги поймут ситуацию.

— Окей, — вмешивается Вера. — Не горячись на нас слишком. И давай попробуем вернуться чуть назад. Дженни, ты должна понять, что из-за тебя у нас было ужасное утро. В твоей постели тебя не оказалось, мы очень сильно беспокоились! Мы были уверены, что ты не собираешься провести ночь у Йена и боялись, что какой-то псих похитил тебя по дороге домой.

Вынуждена признать, что это звучит довольно разумно.

— Мне очень жаль, — прошу прощения искренне. — Потому что у меня на самом деле не было ни малейшего намерения там оставаться. Это было непредвиденное обстоятельство. Я была подавлена, — стараюсь оправдаться, вздыхая.

Мои подруги смягчаются от моего растерянного вида.

— Подавлена? — спрашивает Лаура с удивлённым видом. — Чем именно ты была подавлена? Твоим внешним видом? Боже, девочка, а я думала, что за столько лет ты это заметила...

— Не думай о неприличных вещах сразу! — говорю ей нервно и откусываю круассан, непонятно откуда появившийся на тарелке передо мной.

— А о чём я должна думать? — спрашивает меня, посмеиваясь. Терпеть не могу эту её льстивую улыбочку.

— Слушай, дорогая, — перебивает Вера. — Перейдём к делу. Ты была с ним в постели или нет?

«Прямо в точку», — думаю я, продолжая есть.

— Да, — признаюсь я, чавкая.

— И было сногшибательно? — спрашивает тут же Лаура.

Я в секунду пугаюсь.

— Откуда вы знаете? — спрашиваю, искренне изумлённая.

— У тебя такой вид, — поясняет Вера. — Знаешь, вроде «у меня только что был лучший секс в моей жизни, и я не знаю, что теперь делать...»

Вздыхаю.

— Похоже, меня насквозь видно..., — бормочу раздражённо.

— Брось, не убивайся по этому поводу, — старается приободрить меня Вера. — Мы все через это прошли. Конечно, у тебя на это пошло больше времени, чем у нас...

Лаура грустно кивает головой. Видимо, у каждой женщины есть свой скелет в шкафу.

— И что теперь? — спрашиваю с несколько затуманенным взглядом.

— О чём вы разговаривали этим утром? — спрашивает меня Лаура.

Я прокашливаюсь, прежде чем ответить, потому что знаю, что они не оценят моё признание.

— Хм, по правде говоря, этим утром мы не разговаривали.

Вера смотрит на меня недоверчиво.

— В каком смысле? — спрашивает встрепенувшись.

— Йен ещё спал, когда я ушла, — говорю тихим голосом.

— Что? — взрывается Лаура абсолютно неожиданно.

— Что, прости? — вторит ей Вера, прожигая меня разъярённым взглядом.

— Йен спал, а мне не хотелось его будить. И мне действительно нужно было уходить..., — пытаюсь оправдаться я.

— На самом деле, тебе не надо было уходить! — перебивает Вера грубо.

— Поверь мне, я точно должна была уйти, — говорю напыщенно. Их не было там этим утром, и они не знают, что я пробовала проснуться сама.

— Он взбесится, Дженни, — сообщает мне Вера. — И у него есть на это все основания.

Какое преувеличение.

Я так не думаю. Возможно, он прямо сейчас благодарит меня, что я его не побеспокоила...

Вера и Лаура смотрят на меня, ничуть не убеждённые.

— Да ну? — спрашивает первая.

Естественно, в этот же миг начинает звонить мой телефон. Боюсь даже представить, кто это.

— Давай, — приказывает мне Вера твёрдо.

— Наверняка это моя мама, — говорю я ей, даже не собираясь открывать сумку.

— Это не твоя мама! Давай, ответь на этот проклятый телефон!

С заметным раздражением я начинаю искать телефон. Это не моя мама. Чёрт подери, это последний раз, когда я действительно хотела бы, чтобы это была она!

— Алло? — отвечаю тихим голосом.

— Куда ты, чёрт возьми, пропала? — кричит на том конце Йен. Судя по всему, его пробуждение было не из приятных.

— Алло? Алло? Плохо слышно... — лгу я. А потом вешаю трубку.

— Какого чёрта ты делаешь? — спрашивает меня шокированная Лаура.

Я испепеляю её решительным взглядом.

— Повесила трубку, если хочешь знать! Хотя бы потому, что я вообще не должна была отвечать.

Телефон снова начинает настойчиво звонить. Без особых раздумий я беру и совсем его выключаю. Я сейчас слишком слаба, чтобы столкнуться с чем-то подобным в десять утра. Спустя две секунды даже мой рабочий «Блэкберри» начинает настоятельно звонить. Как говорится, решительный тип.

Нервно хватаю и довольно грубым жестом выключаю и его.

— Вот и всё, а теперь посмотрим, удастся ли тебе позвонить на что-нибудь ещё, — восклицаю сердито.

— Ты думаешь, что отказываться отвечать — это хорошая идея? — спрашивает Вера с беспокойством.

— Если хочешь знать, то она просто замечательная! — Стоит сказать, что злость последней минуты вернула мне немного трезвости ума.

— То есть твой гениальный план заключается в том, чтобы... сбрасывать трубку? — спрашивает меня саркастически?

— Нет у меня никакого плана! И сейчас просто необходимо сбрасывать трубку. У меня сейчас голова лопнет! О, небеса, помогите мне хотя бы вы... — жалобно говорю я,

разваливаясь на стуле.

— Окей, окей. Не бери в голову. Мы на твоей стороне, но мы всего лишь хотим знать, почему, — просит Лаура более мягко.

— На моём лице должно быть выражено всё моё отчаяние.

— Потому что? — спрашиваю я, пытаюсь хоть немного успокоиться.

— Ну, можешь начать с того, почему случилось то, что случилось... — деликатно предлагает мне Вера. Я очень ценю то, что она высасывает из меня все соки с таким тактом.

Поднимаю глаза к небу, в попытке найти логичный ответ.

— Если бы я только знала. Была адская смесь большого количества вина с пустым желудком и ухаживанием, которое я бы назвала очень сильным... Но это же абсурд, вы не находите? Йен не мог этого сделать, я имею ввиду, ухаживать за мной.

— Что ты хочешь этим сказать? Абсурдно то, что ты можешь ему нравиться? Мне казалось весьма очевидным от того, как он крепко держал тебя на диване у нас дома, — говорит мне Вера откровенно.

— Да, и ты не можешь сказать, что это возникло из ниоткуда. По сути, мы говорим о человеке, который ходит с тобой гулять, целуя тебя и представляя тебя своей девушкой... — Вера говорит со мной так, как будто я плохо соображаю.

— Его фиктивной девушкой! — отрезаю я, задетая за живое.

— Фиктивной или не фиктивной, но я сомневаюсь, что то же самое говорилось тем вечером на нашем диване! — ворчит Вера.

— Мы можем не говорить о сцене на диване? — умоляю страдая. На самом деле, мне трудно действовать разумно, думая о подобных вещах.

— Окей, а ещё потому, что проблема — это случившееся вчера вечером, разве нет? — спрашивает Вера. Лаура, со своей стороны, кивает.

— О Боже, вчерашний вечер... — говорю я в отчаянии. — Ну, вчера вечером я влипла, как полная идиотка. Ну почему Йен такой отвратительный, раздражающий, невыносимый сноб, но который, когда хочет, точно знает, как меня преодолеть?

— Так в чём проблема? Могли бы повести себя как взрослые люди, — пытается поддержать меня Лаура с лучшими намерениями.

Мой ответ — ужас на моём лице.

— Ты ненормальная? Ни одна женщина в здравом уме не пойдёт на такое. Хотя бы потому, что Йен никогда не ведёт себя ни с кем серьёзно, не считая того, что он меняет женщин так, как некоторые женщины меняют перчатки. Поверь мне, я очень уважаю себя, и я не могу потерять голову из-за такого, как он. Я раньше так никогда не делала, и сейчас точно не буду.

Пока я это говорю, в голове представляю, как Йен смотрит на меня, словно я — самое важное в целом мире. Стараюсь отогнать эту мысль, встряхнув головой.

Лаура смотрит на меня, не слишком убеждённая. Судя по её мнению, очевидно, что голову я уже потеряла.

— Тогда объясни мне хорошенько, в чём состоит твой план? — спрашивает Вера.

— Легко. Сегодня вы мне помогаете не думать о том, что случилось. Пройдёмся по магазинам, пойдём в кино, отдохнём в пабе. Завтра я пойду к своим пообедать, а в понедельник, когда вернусь на работу, буду разговаривать с ним кратко и скажу ему, что это было ужасной ошибкой и лучше покончить со всем этим.

— А ты учла вероятность того, что он может не согласиться?

— Поверь мне, он согласится, — заверяю её уверенно.

Мы встаём из-за стола, решив пройтись по Оксфорд-стрит. Я никогда не была женщиной, которая решает свои проблемы шоппингом, но, кажется, что в эти выходные произойдёт много новых вещей. Будем стараться думать о хорошем. Опустевшая кредитная карта — меньшее из зол.

ГЛАВА 23

С десяти утра я сижу на кухне моей мамы и чищу картофель. Определённо не самое моё любимое времяпрепровождение. Моя сестра, Стейси, обеспокоенно рассматривает меня, даже не пытаясь скрыть это.

— И с чего бы ты приехала так рано? — спрашивает с подозрением. — Ты же терпеть не можешь оставаться здесь надолго.

— Её взгляд такой пристальный, что мне трудно её игнорировать.

— У меня просто небольшой стресс в этот период, больше обычного, и мне нужно сменить обстановку, — признаюсь я, решив не слишком уходить от правды. Чем меньше я расскажу баек, тем больше вероятность того, что меня не поймают с поличным.

— А что стало причиной этого стресса? — спрашивает моя мать полемически, чистя морковь.

— Работа, — говорю обычным тоном. *Ну, вообще-то, Йен и работа.*

— Дорогая, мы все очень за тебя беспокоимся, — начинает моя мама. — Сначала ты терпишь неудачу в отношениях, которые, как мы надеялись, будут окончательно крепкими, потом начинаешь работать, как сумасшедшая. Ты действительно очень бледная, и посмотри на эти круги под глазами...

Должна признать, что ночь была не слишком спокойной, и даже макияжу не удалось сотворить чудеса. Вчера вечером я отважилась включить свой рабочий телефон, чтобы проверить сообщения и обнаружила кучу сообщений от Йена, требовавшего встретиться. Ах, встретиться... думает, что может приказывать мне, как своей прислуге.

Я ему не ответила и тут же выключила телефон. Люди веками жили без мобильных, так что, думаю, и я прекрасно продержусь пару деньков. Завтра у него будет полным-полно времени, чтобы сказать мне, что я энная по счёту из тех умалишённых, которые пали к его ногам.

Но это произошло всего один раз и больше не повторится никогда! Никогда, больше никогда, торжественно клянусь я себе.

— Мама, Чарльз и я действительно мало друг другу подходили, — стараюсь объяснить ей это уже тысячный раз. — И, если присмотреться, то работаю я по тому же расписанию, что и предыдущие девять лет, так что не думаю, что умру, даже если буду продолжать в том же духе ещё девяносто девять.

— Но разве ты не хочешь завести семью? Детей? — спрашивает обеспокоенно Стейси. О Боже, опять этот старый и нудный разговор.

— Я их не хочу в любом случае. Если бы я встретила подходящего человека, тогда бы я подумала да, но я их в любом случае не хочу в...абстрактном понимании, — стараюсь объяснить я, прекрасно зная, что им это как об стенку горохом.

— Знаю, что мужчины вроде моего Тома сейчас редкость, но я могла бы познакомить

тебя с кем-то из наших друзей, — предлагает моя сестра.

— Не думаю, — осторожно вставляю я. Что-то мне подсказывает, что у нас разные взгляды на мужчин.

— Почему нет? — тут же спрашивает моя мать. Как раз об этом я только что и говорила. — Ты с кем-то встречаешься? — спрашивает с любопытством.

— Определённо нет, — отвечаю искренне. По сути, я ни с кем не встречаюсь.

— Тогда ты можешь познакомиться с Элиотом, лучшим другом Тома. Его тоже недавно бросила девушка. Могу дать ему твой номер! — предлагает она мне, радостная от того, что у неё появилась такая идея. — Правда, Элиот не любит девушек с крашеными волосами, но думаю, что для тебя он сделает исключение. Я до сих пор не понимаю, зачем ты перекрасилась в блондинку.

Решаю не вестись на провокацию. Мне очень нравится быть блондинкой и мне плевать на то, что Элиоту нравятся «естественные» девушки. После тридцати лет натурального цвета я решила побыть искусственной ровно настолько, чтобы считать себя привлекательной.

— Я на самом деле рада тому, что твоя сестра представит тебе хорошего человека, — одобряет моя мама с улыбкой. — Постарайся не быть вечной грубиянкой, когда он тебе позвонит.

О Боже! И как мне могло прийти в голову, что чистить картошку — хорошая идея? Моё отчаяние было прервано облаком пыли, которое, как я видела, поднималось вдоль улицы, перед окном кухни. Видимо, машина на большой скорости приближалась к нашему дому.

— Мы кого-то ждём? — спрашиваю удивлённо у моей мамы, заметив, что машина припаркована под окном.

— Не знаю, — говорит мне с сомнением в голосе. — Но, быть может, твой отец пригласил какого-нибудь своего друга заехать.

Но друзья моего папы не мчатся по грунтовой дороге, которая приводит к нашему дому, со скоростью сто километров час. Неожиданно у меня появляется какое-то неприятное чувство. И вид чёрного Порше, к сожалению, подтверждает мои опасения. Этого не может быть. Сердце начинает биться, как бешеное.

Одна картофелина выскальзывает у меня из рук, с глухим шумом падая на пол.

— Порше? — громко спрашивает моя сестра, вскакивая и подбегая к маме. С этого момента я только и могу, что не дать им полюбоваться сценой, даже если постараюсь держаться на расстоянии. Но я действительно боюсь, что моё выражение лица выдаст меня.

Вижу, в каком ступоре они наблюдают за тем, как Йен выходит из салона своего автомобиля. На нём джинсы и голубое поло с приподнятым воротником и свитер, завязанный на поясе.

Йен приподнял солнцезащитные очки, чтобы проверить номер дома, потом закрыл машину с помощью дистанционного управления и направился напрямик к нашему дому. Несколько мгновений спустя мы услышали, как звенит звонок. Муж моей сестры поднялся, чтобы открыть дверь.

И что, блин, мне делать?

Вопрос начинает обретать форму, пока Стейси, повернувшись, смотрит на меня.

— Ты его знаешь? — внезапно спрашивает она с любопытством.

Сильный румянец начинает заливать мои щёки.

— Коллега, — говорю я ей, потому что не знаю, как ещё его представить.

Немного спустя, Том заходит в кухню.

— Здесь коллега Дженни, — объявляет ошеломлённо. — Говорит, что ему нужно срочно с ней поговорить.

— А по телефону он не мог? — спрашивает моя сестра, скрещивая руки на груди. Иронично, что это говорит та, которая телефоны на дух не переносит.

— Боюсь, что он разрядился, — лепечу красная, как помидор.

— Ну, мог попробовать позвонить и на личный телефон, — предлагает она.

— Боюсь, что разрядился и он, — говорю, заметно приглушая голос. Она что, мнит себя новой королевой телекоммуникаций?

Стейси испепеляет меня взглядом. Она знает, что не всё благополучно в Датском королевстве и пытается понять, о чём идёт речь.

— Я пойду посмотреть, — говорю я, поднимаясь со стула. Не знаю, как сделать так, чтобы не усилить любопытство членов моей семьи.

Когда я захожу в зал, Йен сидит на диване с таким видом, будто нахождение в гостиной моих родителей его нисколько не смущает. Вид у него немного помятый, но чувствует он себя определённо как в своей тарелке. Увидев, как я вхожу, его лицо внезапно становится угрюмым.

— Тебе не удалось сбежать через окно? — спрашивает он иронично, с вызовом встречаясь со мной взглядом.

— Какого чёрта ты делаешь в доме моих родных? — яростно спрашиваю, подходя к дивану. Сцена довольно-таки комична, поскольку такого персонажа в деревенской гостиной моих родителей ещё не было.

Он с циннизмом мне усмехается.

— Поскольку ты выключила все свои телефоны, и дома тебя не оказалось, я решил прогуляться, — говорит раздражённо. Словно вытаскивать меня из дома таким образом — обычное дело.

— Но как ты узнал, где я?

— Этим утром я зашёл к тебе домой, увидел, что тебя там нет, и вытянул из твоих подруг твой адрес.

Вера и Лаура мне за это заплатят.

— Окей, сейчас ты здесь и уже привлёк внимание всей моей семьи, что будешь делать?

Но прежде чем я смогла услышать ответ, моя мама решила зайти в комнату, за ней шёл отец. Надо отдать им должное, они продержались добрых две минуты, прежде чем прийти полюбопытствовать.

Бьюсь об заклад, ещё тридцать секунд они бы не вынесли. Только увидев их, Йен тут же меняет тон.

— Йен Сент Джон, — говорит он, обнажая зубы в привычной улыбке.

Моя мама берёт его руку и останавливается, как зачарованная, потому что так всегда происходит с женщинами, и её глаза как у человека в нокауте. Его тенниска, того же цвета, что и глаза, и всё такое. Готова поспорить на свой будущий отпуск.

— Очень приятно. Кассандра Перси, — говорит ему робко.

Потом представляется моему отцу, который энергично пожимает ему руку.

— Надеюсь, ничего серьёзного не случилось, — спрашивает моя мама у Йена, который ободряюще на неё смотрит.

— Нет, правда, всего лишь одно маленькое неотложное дело, — лжёт он в своей безупречной манере.

— Тогда решай своё неотложное дело, а потом оставайся с нами поужинать, — предлагает ему, словно это самая нормальная вещь в мире.

Я сразу же бледнею. Йен за одним столом с моими родственниками? Нет, если бы я могла помешать этому.

— Мамочка, Йен очень занят, — стараюсь оправдать его, толкнув его локтём в качестве предупреждения.

— На самом деле, нет, — отвечает он, бросая на меня свирепый взгляд.

Небеса, молю вас о помощи, потому что Йен на самом деле не знает, что делает. Мои могут казаться безвредными, но я точно знаю, что они уже начинают изучать этого типа, и не займёт слишком много времени, чтобы разобрать его на кусочки. Не считая того, что если бы они узнали, что перед ними стоит представитель английской аристократии, это был бы конец.

Мой папа ни на минуту не прекращает разглядывать его часы, которые наверняка стоят целое состояние, и папочка, может, и не разбирается в некоторых вещах, но если видит кого-то с головы до ног одетого в фирменную одежду, тут же распознаёт её стоимость.

Не считая того, что этот кто-то заявился в его дом без приглашения, гоня на новёхоньком Порше. Два плюс два он сложить в состоянии...

— Видите? Он не занят, — говорит моя мама с удовлетворением. — Йен, располагайся поудобнее. Всё будет готово через пол часика.

Словно эта комната не была и так переполнена, сюда заходит Стейси.

— Мы ещё не познакомились. Я Стейси, сестра Дженни, — говорит она, пожимая ему руку и подобающе улыбаясь. Он обменивается с ней улыбками и представляется.

— Сент Джон? — спрашивает Стейси. — Как те знаменитые Сент Джон? — будь она проклята за её любовь к истории.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под известными, но если речь идёт о герцоге Ревингтоне, тогда да, — утверждает он почти с гордостью. Несчастный глупец.

— Герцог Ревингтон? — спрашивает моя мама голосом, полным ужаса.

— Да, это мой дедушка, — говорит он, как о чём-то незначительном.

— Твой дедушка? — спрашивает моя мама, бледнея. *«Этот денёк становится аутентичной драмой»*, — говорю себе безутешно.

Даже Стейси ошеломлена.

— А ты тогда кто? — спрашивает она его, о чём-то догадываясь.

— Граф Ленглей, — объявляет Йен, и его голос менее звучный, когда он увидел лица моих родственников.

Следуют минуты замешательства. Моё вмешательство отчаянно необходимо.

— Хм, раз уж ты выложил всё своё генеалогическое древо, что скажешь о прогулке по ферме? — предлагаю я, в поисках возможности сбежать и хватая его за руку.

Йен должно быть почувствовал, что его заявление не произвело должного эффекта, и мудро решил последовать за мной.

— Охотно, — говорит он бесстрастно.

— Тогда пошли, — подталкиваю его я, похищая у моих родных, наблюдающих за нашим побегом. К счастью, они делают это, ничего больше не добавляя. Им понадобится, по крайней мере, несколько минут, прежде чем начать подшучивать на эту тему.

И вот, когда мы уже снаружи, я с облегчением вздыхаю.

— Это на самом деле худшая идея из всех, что у тебя были, — упрекаю его я, пока он

смотрит на меня вопросительно.

— Почему? — спрашивает он несколько недоумевающе.

— И ты ещё спрашиваешь, почему? Ты приходишь в воскресенье, к ужину, в дом моих родителей! И не только это, ты ещё говоришь, что из дворян... Боже, Йен, я правда думала, что ты умнее.

Он смотрит на меня с глубоко оскорблённым видом.

— Я был немного зол, — признаёт он. — И не особо думал об этом, когда сидел за рулём. Но это только твоя вина! Я уже двадцать четыре часа пытаюсь до тебя дозвониться! — я знаю, что он прав.

Я снова беру его за руку и увожу его за угол, подальше от окна, к которому определённо прилипла ухом вся моя семейка. Прикосновение к его руке заставляет меня нервничать, так что я отпускаю её, всё ещё не слишком уверенная в том, что укрылась от любопытных глаз.

— Окей, тут мы будем в безопасности, — сообщаю я, пока он смотрит на меня всё так же раздражённо, в ожидании достойного оправдания. — Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Хорошо, признаю, я сглупила, уйдя таким образом вчера утром, но я была в панике, как ты можешь представить, — говорю ему взволнованно.

Он, кажется, оценивает моё *признание*, потому что его лицо теряет сердитое выражение.

— Слава Богу, что ты это допускаешь.

Стараюсь перевести всё в шутку.

— Клянусь, у меня совсем не было намерения убежать. Беглянка из меня никудышная. Завтра утром я бы пришла поговорить с тобой.

— Видимо, я тебя опередил, — он облакачивается на забор. — Но ты можешь поговорить со мной и сейчас. Я хочу сказать, воспользуемся благоприятным случаем.

— Я ещё не приготовила речь! — замечаю я.

Йен смеётся.

— Хвала небесам! Я уж точно не любитель твоих застольных речей. Лучше уж экспромт.

— Я королева застольных речей! — восклицаю возмущённо.

Йен смотрит на меня, словно хочет сказать: «*Давай перейдём к делу*».

— Окей, вернёмся к нам, нет, я хотела сказать... совершенно нет никаких «нас». Вот, возвращаясь к тому, о чём шла речь... — очевидно, я в затруднении. — То, что случилось, было явной ошибкой и было бы благоразумно забыть обо всём и никогда больше не говорить об этом.

Йен смотрит на моё смущение.

— Да, я ожидал чего-то подобного, — говорит мне он так, словно я была самой предсказуемой женщиной в мире. — Я тебя знаю достаточно хорошо, чтобы узнать, что происходит у тебя в голове.

Хотела бы и я сказать ему то же самое, но у меня нет ни малейшей идеи, о чём сейчас думает он.

— Окей, я рада, что ты со мной согласен, — отвечаю ему, стараясь истолковать его «говоря-не говоря».

— Разве я сказал, что согласен? — спрашивает он, косо поглядывая на меня.

— Ты ничего не ответил, вот я и предположила...

Йен останавливает меня.

— Вечно у тебя эта ужасная привычка неправильно истолковывать вещи.

— Я бы этого не сделала, изложи ты свою точку зрения, — отрезаю я несколько сердито.

— Как будто это имеет значение... — говорит мне полемически.

Я в отчаянии обхватываю голову руками.

— Господи, дай мне сил... — говорю, вздыхая. После того, как я с трудом досчитала до десяти, чтобы не ударить его, я снова беру себя в руки. — Окей, видя, что мне интересно, можешь поделиться со мной мыслями?

— Ну..., — тут же начинает мямлить он. — Тогда,... — снова пробует он нерешительно, — ...по правде говоря, я не знаю, что и думать.

Клянусь, я ожидала чего угодно, но не этого.

— Что значит «не знаешь»? — спрашиваю удивлённо.

Он мне почти улыбается.

— Странно, правда? Но, правда такова, что я проснулся вчера утром, я действительно улыбался. Разумеется, до того, как обнаружил, что ты вчера смылась, — добавляет он несколько сухо. — Но тебе вечер понравился? — спрашивает.

Хотя бы об этом я могу ответить ему искренне.

— Да, вечер был замечательным. Но когда речь заходит о нас, я не могу думать о позитивных вещах. Думаю лишь обо всех последствиях. Йен, я, правда, не та женщина, которая с головой бросается в отношения на одну ночь. Это не в моём характере и меня это огорчает. Не считая того, что в моём возрасте я должна стремиться к другим вещам, — стараюсь объяснить ему.

— Даже, если серьёзные отношения начинаются именно так, — говорит мне убеждённо.

— Да, но у нас другой случай. Это произошло, но больше никогда не повторится, — отрезаю твёрдо. Может, он старается сбить меня с толку?

— Не могла бы ты прекратить это? — спрашивает меня.

— Что ты хочешь этим сказать? — спрашиваю.

— Я могу тебе кое-что продемонстрировать.

И не получив моего ответа, притягивает меня к себе и начинает целовать. Я так удивлена, что не могу вырваться из его объятий. При малейшем прикосновении я чувствую прилив адреналина и не могу сделать ничего другого, кроме как ответить на поцелуй.

Несколько минут спустя Йен отстраняется.

— Видишь? — говорит мне он, слегка покрасневший. — Это влечение.

К такому же выводу пришла и я, проснувшись в субботу утром.

— Оно здесь не при чём. Ты чувствуешь влечение почти к любому, — замечаю я.

— По правде говоря, только к самому малому количеству людей, которые мне нравятся, — уточняет он резко.

Может, он держит меня за идиотку?

— Разумеется, только если ты ложишься в постель с теми людьми, которые тебе не нравятся...

Йен смотрит на меня угрюмо.

— Это не твоё дело, но, да, я часто хожу поужинать, почти всегда с разными девушками. Однако потом я возвращаюсь домой. Один. — Вид у него явно напряжённый.

Разумеется, как же иначе. А я всё ещё верю в Санта Клауса.

— Именно, это совершенно не моё дело. Для меня ты можешь делать всё что угодно.

— Мне так не кажется, — отрезает он. — Но мне кажется, что ты принимаешь всё близко к сердцу.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга почти со злобой. Потом Йен протягивает руку и опять прижимает меня к себе.

— Может, ты прекратишь это? — спрашиваю оскорблённо, чувствуя, что он снова собирается поцеловать меня.

— Очень забавно наблюдать за твоим выражением лица, когда я тебя обнимаю. Это смесь обиды и возбуждения. Никогда не видел подобной реакции она поцелуй.

Смеётся, засранец. Я рада, что хоть у кого-то из нас двоих есть повод для радости.

— Хочешь расслабиться ненадолго? — спрашивает он почти сладким голосом.

— Нет, — отрезаю сухо, но совершаю ошибку, посмотрев в синие глаза, в которых тебе кажется, что ты тонешь. — Даже не вздумай сделать то, что ты делаешь... — предупреждаю я его.

Он изображает святую невинность.

— А что я делаю?

Ты сам знаешь, что! Отпусти меня, проклятый!

Его объятие очень крепкое.

— В обмен на поцелуй... — осмеливается он.

Не могу в это поверить.

— Эй, ты дьявол? Нет, потому что Йен, которого я знаю, совсем легкомысленный.

— Добрый брат-близнец перед тобой страдает от нехватки любви, — говорит мне он, смеясь.

— Тебе, правда, нужен поцелуй? А потом ты оставишь меня в покое? — спрашиваю я, доведённая до крайности.

— Если он будет хорошим, обещаю освободить тебя, — говорит мне торжественно.

— Приложив усилие, приближаю своё лицо к нему. Он закрывает глаза, прижимает меня к себе и целует. Нельзя сказать, что он один из тех, кто теряет время. Но не моя сестра! Она появляется на сцене несколько минут спустя и, шокированная, замирает и смотрит на нас, пока мы не отходим друг от друга.

— О, святые небеса, — говорит она, теряя дар речи и смотря на меня так, словно я — марсианка.

Я собираюсь что-то сказать, но это совершенно не её дело!

— Ты нас искала? — спрашиваю её совершенно спокойно, даже в тон голоса. Мой вид же явно куда менее убедительный.

— Да, ужин готов, — сообщает она нам, продолжая смотреть на нас и изумлением. Она ведь уже видела раньше, как двое людей целуются, разве нет?

— Спасибо. Пойдём, Йен? — спрашиваю я его, будто бы ничего не случилось.

Когда я прохожу мимо моей сестры, она стоит всё так же неподвижно. Надеюсь, ей удастся прийти в себя до ужина.

ГЛАВА 24

Без тени сомнения, это будет наихудший ужин в моей жизни. Еда ужасная, да и компания не особо расслабляющая. Но кого я обманываю, здесь собрались наименее спокойные люди в мире!

Моя сестра то и делает, что бросает на меня убийственные взгляды, а моя мать отказывается смотреть мне в лицо. Подозреваю, что она изо всех сил сдерживается, чтобы не ляпнуть какой-нибудь злобный комментарий, потому что надо прислуживать представителю знати, а то, что она делает, определённо сводит её с ума.

— Итак, Йен, — начинает моя сестра. — Кем ты работаешь?

Вопрос может показаться безобидным, но учитывая её присутствие при одной щекотливой сцене, я не сомневаюсь, что она собирается добраться и до остального.

— Я финансовый эксперт отдела, — терпеливо объясняет он, прекрасно осознавая, что его уравновешенность на самом деле непрочная.

— И тебе нравится твоя работа? — снова спрашивает Стейси.

— Да, очень, — заверяет Йен. Не похоже, что Стейси рада это слышать.

— Тогда получается, что ты выполняешь совсем другую работу, чем моя сестра...

— Да, она адвокат. Мы дополняем друг друга, — говорит Йен. Возможно, этого можно было избежать.

Стейси бросает на него убийственный взгляд.

— Помимо работы в одном и том же банке, я бы сказала, что ты и моя сестра очень разные. Слишком разные, — подчёркивает она.

И премия за деликатность вручается Стейси Перси!

Решаю вмешаться.

— Йен — коллега, ясно? — говорю ей жёстким голосом.

По её губам пробегает издевательская улыбочка, которая не остаётся незамеченной для моей матери. Отлично, именно этого она нам и хотела.

— Йен, тебе нравится овощной суп? — спрашивает моя мать у Йена, который с трудом пытается проглотить ещё одну ложку супа. Я даже ценю его усилия.

— Очень вкусный, — убеждает он её с такой ослепительной улыбкой, что, кажется, на несколько мгновений моя мать отступает перед его чарами.

— И ты не занимаешься делами семьи? — спрашивает Том. Как по мне, он мог бы и продолжать дремать.

— На данный момент, нет. Мой дедушка и мой отец больше подходят для этого.

— И, следовательно, ты зарабатываешь себе на жизнь... — добавляет с иронией Том.

— Как и любой другой человек, — спокойно заверяет его Йен.

— Ну, не совсем как любой, — отрезает моя сестра. — Никто из нас здесь не зарабатывает такие суммы.

Йен серьёзно на неё смотрит.

— Твоя сестра, например.

— Йен, моя семья старается забыть об этом, — объясняю я, пытаюсь развеселить его.

Но Йен не хочет отступать.

— Почему? Ты замечательно выполняешь свою работу, я уверен, что твоя семья знает и ценит это.

— У Дженни хорошо получается помогать богатым людям стать ещё богаче. Куда уж ещё ценить? — перебивает моя мать с очень серьёзным видом.

— Почему же, разве только та работа имеет ценность, которая занимается лишь бедными людьми? — иронично спрашивает Йен.

Сейчас начнётся битва титанов.

— Конечно, она имеет большую ценность, — подчёркивает моя мать, которая явно не

стыдится выдвигать собственные идеи.

Йен смотрит на неё с сомнением.

— Ну, эта мысль мне кажется практически дискриминационной, — говорит он ей как ни в чём ни бывало.

Упс, никто не осмеливается перечить моей матери. Никогда. Мой отец и все мы внимательно за ними наблюдаем.

Выпад достаточно внезапный, до такой степени, что моя мать смотрит на Йена с почти шокированным видом, но ей не нужно много времени, чтобы прийти в себя.

— Я и не ожидала, что ты можешь понять проблемы, терзающие менее имущие классы. Впрочем, ты же внук герцога Ревингтона, — она говорит так, будто это — смертный грех.

Йен вряд ли есть в списке людей, которые мне нравятся, но я чувствую, что надо вмешаться.

— Мамочка, напоминаю тебе, что Йен — наш гость, и ты сама его пригласила. Минимум из того, что мы можем ему предложить, это ужин в спокойной обстановке, хотя бы с разговором на какую-нибудь фривольную тему, что скажешь? — стараюсь разрядить обстановку. *Видимо, еда и компания вызывают отвращение*, — хотела бы я добавить, но воздержусь попробовать.

Мой отец смотрит на меня изумлённо.

— Мы никогда не говорим на фривольные темы, — считает он нужным возразить.

Улыбаюсь ему настолько невинно, насколько это возможно.

— Быть может, нам следует начать.

— В этом абсолютно нет никакой необходимости, — вмешивается Йен. — Я без проблем смогу постоять за себя и нахожу споры весьма стимулирующими. Я так вырос, — говорит он, успокаивая меня.

— Я прекрасно знаю, что ты сумеешь постоять за себя, но я хотела бы напомнить всем, что это воскресный ужин, где нам всем следовало бы расслабиться. Не знаю как вы, а я сейчас совсем не расслаблена.

Моя мама, кажется, наконец-то поняла.

— Предлагаю простенькую тему! — восклицает она, гордая сама собой. — Что вы скажете о новых сокращениях в парламенте насчёт народного образования? Такая глупость...

«Как раз это я и подразумевала», — думаю грустно.

* * *

Где-то два часа спустя ужин можно назвать законченным. Моя голова готова взорваться. Полагаю, в следующее воскресенье я пропущу семейный ужин. Никогда нельзя злоупотреблять таким незабываемым опытом.

— Безусловно, ты знаешь, как отстоять собственные идеи, — уступчиво говорит мой отец Йену, пока тот вместе со мной встаёт из-за стола. Сейчас не хватало только того, чтобы между ними возникла симпатия. Они бы всё объединились против меня.

— Благодарю вас, мистер Перси. Но и вы тоже знаете своё дело, — отвечает ему Йен.

— Годы гражданской борьбы, — смело вмешивается моя мать.

— Увидимся, синьора, — говорит Йен, смотря на неё и улыбаясь почти искренней улыбкой.

Лишь моя сестра Стейси устояла перед его очарованием и продолжает недоверчиво на

него смотреть. И так как я уверена в том, что мне не избежать допроса с её стороны, я решаю исчезнуть вместе с Йеном и спастись.

— Тогда можешь приходить сюда, когда захочешь, — говорит мой отец Йену.

Разумеется, почему бы и нет, можете даже зарезать дичь в его честь.

— Огромное спасибо за приглашение.

Подумываю прервать этот глупый разговор.

— Папочка, прекрати, не ставь его в затруднительное положение. Йен вечно очень занят. Благотворительные мероприятия, игры в гольф, модели, которых нужно посетить. У него слишком трудная жизнь, чтобы её растрачивать.

Мой тон такой циничный, что все оборачиваются и удивлённо на меня смотрят. Окей, последнего можно было и избежать: это скорее фраза, сказанная из ревности, а я совершенно не ревную. И мне плевать, где он и с кем он. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Ну, если будешь в наших краях, заходи, — говорит ему мой отец.

— С удовольствием, спасибо, — Йен пожимает ему руку и прощается со всеми.

— Я тоже пойду! — и догоняю его, обеспокоенная тем, что уйду не попрощавшись, прежде чем позволить себе сделать так же.

— Ты, правда, уходишь? — мрачно спрашивает Стейси.

— Именно. Девчонки ждут меня, чтобы сходить в музей.

Моя сестра смотрит на меня, прекрасно зная, что это полное враньё, но у неё не хватает мужества обличить меня.

— Всем пока! — прощаюсь я и, надев пальто, выхожу вслед за Йеном.

— Побег? — иронично говорит мне Йен, пока я еще не успела закрыть входную дверь.

— Можно сказать и так, — подтверждаю я. Мне теперь нечего скрывать, когда он познакомился с моей семьёй, он, по крайней мере, поймёт, почему я убегаю.

— Хорошего тебе пути, — говорю ему я на прощание, направляясь к своей машине.

— Мы можем один раз поговорить, как приедем в Лондон? — спрашивает он, останавливая меня.

— А зачем? — спрашиваю обеспокоенно. — Разве мы уже не сказали слишком многого?

— Я хочу поговорить с тобой, — говорит мне он, не слишком вдаваясь в детали. Как бы я хотела уметь избежать этого, но я страшно сплупила и теперь придётся за это расплачиваться.

— Окей, но дай мне хотя бы немного отдохнуть. Сегодняшнего ужина мне более чем хватило. Мне нужно всё переварить, и я сейчас не о пище.

Йен усмехается.

— Интересная семья. Почти может составить конкуренцию моей.

— Нам надо их познакомить, — предлагаю ему, подшучивая.

— Было бы забавно, — подтверждает он.

— Но надо будет убрать ножи со стола, — добавляю я.

— Ну, даже вилки могут стать опасным оружием, — замечает он с улыбкой.

— Тогда только фастфуд. Могу себе представить, как его будет есть твой дедушка!

Сцена, всплывшая в моём воображении настолько комичная, что Йен начинает безудержно смеяться.

— Это как раз то, что ему нужно.

Несколько мгновений мы смотрим друг на друга, не зная, что сказать.

— Тогда я буду ждать тебя после ужина, — говорю ему я.

— Окей, — кивает он, садясь в машину.

Мне не остаётся ничего другого, как сделать так же.

* * *

Моя сестра даёт мне время только добраться до Лондона, прежде чем начать доставать меня телефонными звонками. Уже десять минут мой телефон названивает без остановки. Не зная, что ответить, я решаю пока что не отвечать.

— Неужели тебе не жаль бедного парня? — говорит мне Вера, проходя мимо моей комнаты и думая, что мне звонит Йен.

— На самом деле бедный парень появился в доме моих родителей... как ты уже знаешь, ведь это ты, дорогая моя, дала ему адрес. Для справки: это не он заваливает меня телефонными звонками. И, кстати, он придет сюда после ужина поговорить со мной, не знаю о чём, — объявляю я ей, стараясь выглядеть ничуть не обеспокоенной этой перспективой.

— Не используй этот тон! Я и подумать не могла, что он направится к твоим родственникам, — защищается Вера.

— Но ты на это надеялась, когда дала ему адрес... — замечаю я кисло.

— Возможно, я бы поставила пенни, — говорит мне сдвухе. — Кстати, если это не Йен, то о ком, чёрт возьми, идёт речь? — спрашивает она, вновь обратив внимание на сводящий с ума телефон.

— О моей сестре.

— Почему? Ты же её только что видела.

И надеюсь, что снова увижу её нескоро.

— Из-за того, что она видела, теперь есть проблема...

Вера смотрит на меня с видом инквизитора.

— А какого дьявола она видела? — спрашивает обеспокоенно.

— Она присутствовала при поцелуе,... — говорю глухим голосом. — В дворике моих родителей.

У Веры отвисает челюсть.

— Разъясни-ка мне, он отправился к тебе, ехал туда почти час и, тут же добравшись, начал тебя целовать?

— Не совсем, но то, как ты это произнесла, звучит ужасно.

— Но это так. Он, должно быть, потерял от тебя голову, — изрекает она, заходя в комнату.

— Он вовсе не терял от меня голову.

— О, да, так себя ведёт только влюблённый по уши, дорогая моя, — настаивает она.

— Нет, и у меня есть для тебя новость: где ты видела женщину, которая бы не упала к его ногам с благоговейным видом?

— Сделав исключение для благоговейного вида, который тебе совсем не идёт, хочу напомнить тебе, что ты тоже упала к его ногам.

Об этом мне вспоминать совсем не хочется.

— Я не падала, — защищаюсь я. — Максимум споткнулась по ошибке.

Вера смеётся.

— Ну ты и врушка. Он тебе нравится, так что плохого в том, чтобы признать это?

Смотрю на неё раздражённо.

— Он мне совсем не нравится!

Моя подруга смотрит на меня так, словно имеет дело с умалишённой.

— Правда? Почему же я тогда думала, что он тебе хоть немного да нравится, раз уж ты была с ним в постели?

Предпочитаю не придавать этому такого большого значения.

— Признаю, что объективно он привлекателен, и что где-то глубоко, но очень глубоко в душе, он интеллигентный человек...

— Ах, — взрывается смехом Вера. — Смотрю, ты несёшь полную чепуху!

Стараюсь не позволить ей прервать меня.

— ...но остаётся тот факт, что он не мой тип мужчины.

— И хвала небесам! Ты не отдаёшь себе отчёт в том, что твой вид мужчин вызывает одно отвращение? — Вера тяжело опускается рядом со мной. *Эта фраза жестока*, думаю я с раздражением.

— Кстати, ответь, пожалуйста, на звонок или отключи звук: у меня сейчас голова лопнет.

Она говорит правду, у меня нет права надоедать остальным.

Хватаю телефон и в минуту храбрости решаю ответить.

— Алло? — говорю со скучающим видом, прекрасно зная, что меня ждёт.

— Не могу в это поверить! — гремит Стейси на другом конце трубки. Ей следовало бы запатентовать этот гротескный тон голоса.

— Во что? — спрашиваю почти скучающе.

— Что ты встречаешься с человеком из знатной семьи! — говорит мне недоверчиво. — Но ты с ума сошла — встречаться с таким, как он?

— Это тебя не касается, и я с ним на самом деле не встречаюсь, — и это чистая правда.

— Даже не пытайся сбить меня с толку! Ты бросила Чарльза ради этого типа? — спрашивает с подозрением.

— Это Чарльз меня бросил, а не наоборот. Не то, чтобы я не была ему за это благодарна... Кстати, если не веришь, можешь позвонить ему, — а вот теперь я начинаю уставать. Мне тридцать три года, а моя сестра не должна чувствовать, что у неё есть право лезть в чужие дела.

— Ну что ты говоришь, такой, как Чарльз! — говорит почти напыщенно.

— Ты именно для этого мне звонила? — спрашиваю её сухо.

— Ну, чтобы сказать тебе, что ты совершаешь ошибку! Прежде всего, твоя семья его терпеть не может... — начинает жалобно.

Это отчасти неправда, они ненавидят мир, к которому он принадлежит, но после увиденного сегодня я могу сказать, что они не ненавидят его самого. Если это возможно, они его даже оценили.

— ...и потом, он слишком богат... — насчёт этого я также могу согласиться, но он не виноват в том, что родился в такой семье.

— ... не говоря уже о том, что он тебя бросит, и ты будешь страдать, — завершает свою тираду Стейси.

— Я не могу страдать, потому что я с ним не встречаюсь, — говорю ей спокойно.

— Но ты с ним целовалась! И я уверена, что это было не один раз! — клеветает она.

— А вот это уже совсем не твоё дело, — отрезаю я. Мне кажется, что этот разговор

порядком затянулся. — Пока, — говорю ей холодно.

— Окей, но я прошу тебя быть внимательной. Ты знаешь, из чего сделаны подобные люди.

Отсылка к ситуации, увиденной Майклом, очевидна.

— Да, я действительно об этом знаю. Тебе не нужно волноваться.

Мы быстро прощаемся, а потом я обессиленно падаю на кровать.

— Могло быть и хуже! — говорит мне Вера с другой стороны дома.

— Ты так думаешь? — отрезаю с иронией, хватая подушку, чтобы спрятать в ней лицо.

Эти выходные я не забуду...

* * *

Йен звонит в домофон ровно в половине десятого. Открываю и терпеливо жду возле двери. Я не особо рада видеть его, но, по крайней мере, морально я к этому готова.

Я надела старую пару джинсов и белый свитер. Банальный лук, обычный, без претензий.

Открываю дверь и снова с ним лицом к лицу. Чёрные джинсы, чёрная кожаная куртка, свитер цвета электрик: *«Этот человек любит привлекать внимание к своим глазам»*, — думаю я хмуро.

— Привет, — здоровается он, заходя.

— Привет, — отвечаю я почти без энтузиазма. На самом деле я бы предпочла провести спокойный вечер наедине с собой.

— Всё хорошо? — спрашивает он с вопросительным видом. Не отвечаю ему, но мой взгляд явно говорит: *«А как по-твоему?»*

Я провожаю его в зал, видя, что Вера и Лаура сбежали, узнав, кто сюда приедет.

— Пришёл в себя после знаменательного ужина? — спрашиваю его с нервной улыбкой.

Он садится в кресло.

— Меня не настолько сбили с толку. Но, должен признать, семейка у тебя занимательная.

— Мог бы сказать что-то сильнее, — уверяю его и сажусь на диван. — Ты хотел поговорить со мной? — не хочу привносить ничего в эту беседу, кроме необходимого. Я планирую выдворить его максимум через десять минут.

— Да, я хотел поговорить с тобой о том, что произошло в пятницу вечером, — подтверждает он, становясь серьёзным.

— Я тебе уже сказала всё, что думаю по этому поводу.

— Да, ты мне сказала несколько непонятные вещи.

В каком смысле непонятные?

— Возможно, я плохо выразилась, но суть такова: мы совершили ошибку по причинам, которые я откровенно предпочла бы не анализировать. И я бы хотела забыть обо всём...

Йен смотрит на меня решительно.

— А я бы очень хотел проанализировать эти причины.

Я хорошо знаю этот взгляд: решительный и целеустремлённый. Покорно вздыхаю.

— Если ты так хочешь... — уступаю очень неохотно.

— Нас тянет друг к другу. И не только в физическом плане, — старается убедить меня, смотря так, будто не боится, что я начну ему противоречить. — И с моей стороны так было

всегда, — признаётся он мне.

Вот сброшена бомба. И у него до такой степени твёрдое выражение лица, что кажется невозмутимым, даже после того, что он мне сказал.

— Ах, — ограничиваюсь я ответом, потому что на самом деле не знаю, какой ответ он от меня ожидает.

— А с твоей стороны? — спрашивает с видом инквизитора.

Задумываюсь на несколько мгновений.

— Полагаю, что нет, — отвечаю ему искренне. — Но на самом деле я об этом никогда не думала.

— Да, у тебя хорошо получается игнорировать очевидные вещи, — упрекает меня он.

— Ты для этого завёл весь этот разговор? — спрашиваю его несколько сухо, потому что я смущена его словами и это мне не нравится.

— Это будет наш момент истины, первый за те семь лет, что я тебя знаю, — говорит мне он, не упуская нить разговора.

— Йен, — своим тоном я хотела бы предупредить его не идти в этом направлении.

— Мы могли бы по крайней мере попробовать встречаться, — говорит мне он почти безучастным тоном, таким, что становится очевидным, что он блефует.

— Мне кажется, что эта худшая идея, — отвечаю ему, вытаращив глаза от удивления. Я ослышалась, или Йен только что непрямо заявил, что хотел бы встречаться со мной? — Йен, у нас нет ничего общего, — я думала, что это очевидно, но, похоже, ему надо об этом напомнить.

— Ты сильно ошибаешься. Увидев твою семью, я бы сказал, что у нас много общего.

К сожалению, одна часть меня начинает с ним соглашаться.

— Тебе нужен другой человек, — подсказываю я, меняя тактику. — Я, правда, тебе не подхожу.

— Почему? — спрашивает он неожиданно. — И, пожалуйста, только не начинай нести весь этот бред про разницу в статусе.

Его голос суров. Но я совершенно не собираюсь позволить ему вывести меня из себя.

— Тут дело не только в статусе, что здесь имеет место быть, и даже ты не можешь это проигнорировать. И всё вокруг: ожидания твоей семьи, образ жизни, который ты ведёшь целыми днями, скандальные журналы... всё. Я не хочу закончить в этом урагане, хочу спокойную, тихую жизнь, и не хочу постоянно чувствовать себя как на каком-нибудь соревновании. А с тобой бы так и было, потому что ты такой, конкурентный до изнеможения.

Йен смотрит на меня почти с обидой.

— Но ведь и ты такая же, — заявляет он. И нельзя сказать, что он неправ.

— Я знаю! Поэтому я тебе всё это и говорю! — нервная, я встаю с дивана и начинаю ходить по комнате. — И не тебе говорить мне подобное, — говорю ему обеспокоенно.

Йен смотрит на меня почти что с ненавистью.

— Ты не знаешь точно, кем ты являешься для меня и кем ты не являешься. Я бы посоветовал тебе не делать выводов, лишённых здравого смысла.

— Чего ты от меня хочешь? — спрашиваю измученно.

— Встречаться с тобой, — отрезает он решительно, словно это было очевидно.

Если подумать, я могла бы и принять его предложение, вот почему я решаю что более чем благоразумно — выбросить из головы это.

— Мой ответ «нет». Ты закончил? — спрашиваю я, стараясь выглядеть более уверенной, чем я была на самом деле.

Йен встаёт с кресла и подходит ко мне.

— Нет, не закончил, — и целует меня. Делает это настолько неожиданно, что мне даже не удаётся оттолкнуть его.

Я не хочу, чтобы меня целовали, совсем не хочу, но когда его губы накрывают мои, у меня больше нет сил, чтобы отстраниться от него. Это словно есть что-то, от чего у тебя потом будет болеть живот, но отказаться ты не можешь. Губы Йена такие настойчивые, что им удаётся покорить и мои. Мне ничего не остаётся, кроме как обнять его и позволить унести в этот океан. Надеюсь, что я не утону.

Через несколько минут мы, с трудом дыша, снова всплываем на поверхность.

— Где твоя комната? — интересуется Йен, который совсем перестал руководствоваться здравым смыслом. Я не знаю эту его сторону и не имею ни малейшего понятия, как себя с ним вести.

— Об этом не может быть и речи! — восклицаю я, стараясь высвободиться из его объятий.

Йен шагает по коридору, таща меня за собой.

— Тогда воспользуемся первой попавшейся.

Как у человека, рождённого в рубашке, первая комната, в которую он заходит — именно моя. Это понимает и он, потому что замечет мою сумочку, повешенную на кресло.

— Видимо, комната правильная, — радуется он, снова притягивая меня к себе.

— Держись от меня подальше! — требую я грозно. — Даже не приближайся!

Он смеётся.

— Ты боишься меня или себя?

Ясно, что я боюсь своей единственной слабости по отношению к нему, но я бы предпочла, чтобы это было менее заметно.

— Я ничего не боюсь, — расставляю точки над «i». — Хорошо, раз уж наша дискуссия подошла к концу, не мог бы ты уйти, пожалуйста?

Очень красноречивым жестом я указываю ему на дверь, но он никак не реагирует. Вместо этого с любопытством рассматривает мою комнату, на данный момент находящуюся в беспорядке: на кресле лежит груда вещей, на столе разбросаны статьи, которые я распечатала, но ещё не успела прочесть, исходя из того, как прошли выходные. Детально рассмотрев окружающую обстановку, он, как ни в чём не бывало, садится на мою кровать.

— Что ты делаешь? — спрашиваю встревоженно.

— Сажусь. А ты почему не присядешь? — спрашивает он, бросая на меня многозначительный взгляд.

— Йен, пожалуйста, — шепчу я, стараясь не терять терпения. — Если ты не знаешь, чем заняться этим вечером, можешь набрать любой номер из своей записной книжки. Предполагаю, с выбором затруднений не будет.

Этот червяк даже осмеливается смеяться.

— И проблема в этом? — спрашивает он. — В этом безмерном количестве женщин у моих ног?

— О безмерном я не говорила! — упрекаю я, лишь усиливая его довольство.

— Но проблема всё же в этом, — повторяет он, располагаясь на кровати и приглашая меня сесть.

Дискуссия настолько бесполезна, что, в конце концов, я, разгромленная, плюхаюсь рядом.

— Почему ты не хочешь понять? — спрашиваю безропотно.

Он пристально на меня смотрит.

— Как раз, потому что хочу, чтобы ты поняла, зачем я здесь и чего я так сильно добиваюсь. И поверь, я привык к другим видам приёмов.

В этом я не сомневаюсь.

— Ты прав, проблема в другом, — повторяю ему я, стараясь вернуть разговор в нужное русло. — Проблем целая тысяча, но прежде всего то, что мы слишком разные. И потому, что для тебя это всего лишь каприз! Из-за того, что в основном все падают к твоим ногам, а я стану вызовом! И не вздумай отрицать это! — Мой голос стал более громким, и я почти что кричала. К счастью, я замечаю это и стараюсь прийти в норму. — Йен, мне нужен серьёзный человек, который не встречается ни с кем другим, который знает вид семьи, из которой я происхожу, разделяет мою борьбу за животных, понимает меня и не сомневается пожертвовать чем-либо для того, чтобы остаться в моём мире.

— Иными словами, тебе нужна твоя копия? — спрашивает удивлённо.

— Нет, я хочу быть с человеком, по характеру будет моей противоположностью, — уточняю я.

— Окей, но пока ты ищешь этого своего идеального жениха, могла бы встречаться со мной неформально, — говорит мне он, будто это легко.

— Ты спятил? — спрашиваю его я.

— Было бы прекрасно. Ничего обязывающего, когда хочешь, тогда и видимся, а в это время ты ищешь своего идеального мужчину, за которого хотела бы выйти замуж.

— Я не хочу выходить замуж, — тихо бормочу я, скрепя руки на груди.

— Тогда с кем хотела бы сожительствовать... — добавляет он, не колеблясь.

«У него, должно быть, крыша поехала», — думаю со смирением.

— Ты хочешь со мной не только видеться, но и быть со мной в постели, — обвиняю его я.

— Это преступление? — спрашивает он, поднимая руки. — Но я хочу и видеться с тобой. Ты очень весёлый человек, когда хочешь. И определённо отличаешься от женщин, которых я встречал, — ну, не буду утруждать себя и верить ему. — И если концу вечера ты не захочешь пойти со мной в постель, я не обижусь.

— Я не слишком хороша в том, чтобы быть в свободных отношениях, — говорю ему искренне. — Я девушка, которой нужен постоянный партнёр и так далее.

— Да, но посмотри, чем они закончились... — в этом он прав.

— Возможно, смена взглядов поможет тебе в следующий раз выбрать мужчину лучше, — настаивает он.

— Возможно, — только и осмеливаюсь сказать я.

Он, должно быть, воспринял это как согласие, потому что секунду спустя он хватает меня и укладывает на кровать. Я пленница.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, заметно краснея.

— То, что хотел сделать вчера утром, — говорит он и снова начинает целовать меня, раздевая.

Быть может, я и решительная девушка, но у меня абсолютно нет силы воли, чтобы прогнать его.

ГЛАВА 25

Уже прошло почти две недели с того знаменательного вечера, когда Йен остался у меня дома до двух часов ночи. *«Это были совсем необычные две недели»*, — думаю я, сидя в своём офисе, учитывая этот вид неофициальных отношений, потому что я никогда не встречу жениха, если так пойдёт и дальше.

В основном я не сильно люблю об этом задумываться, но раз уж решусь сделать это, то отдам себе отчёт в том, что мы с Йеном действительно проводим много времени вместе. А это нехорошо, потому что он мне на самом деле нравится, даже если я ненавижу себе в этом признаваться.

В офисе мы продолжаем игнорировать друг друга, но на улице мы неразлучны: аперитивы, ужины, а после ужина мы остаёмся или у него дома, или у меня. В те выходные Йен впервые отказался идти ночевать у себя дома. Он просто-напросто развернулся и, как ни в чём ни бывало, лёг на моей кровати.

Вера и Лаура даже любезно сделали ему завтрак, полностью игнорируя моё раздражение. Я подумывала закрываться на замок: не проводить ночи и всё наше свободное время вместе, но по факту получилось обратное. Йен захватывает моё пространство, а я не знаю какое оружие нужно применить, чтобы остановить его.

И поскольку юный лорд отказывается говорить на эту тему и продолжает преуменьшать риск, мне не остаётся ничего другого, кроме как пытаться действовать самостоятельно.

Я настолько погружена в мысли, что не замечаю Джорджа, который стоит в дверях.

— Всё в порядке, начальник? — интересуется он, привлекая моё внимание.

— Вполне, — отвечаю ему я, не слишком в этом уверенная. — А ты, вижу, прямо расцветаешь, — с радостью отмечаю, что он совершенно спокоен и улыбается. Вот бы и мне так.

— Прекрасные выходные, — заходит он, подмигивая. — Мы с Тamarой ходили ужинать.

— Я рада за вас, — говорю ему искренне. Хоть кто-то знает, чего он хочет.

— А твои выходные не были настолько весёлыми? — спрашивает он, садясь напротив.

— Мои были даже слишком весёлыми. Но не обращай внимания на мои слова, у меня просто плохое настроение, — я отдаю себе отчёт в том, что выгляжу совсем неразумной. Если он думает, что я сошла с ума, то, по крайней мере, его чувство такта не позволяет ему показать этого.

— Ты хотя бы не ссорилась с Йеном, — осмеливается прокомментировать он, как ни в чём ни бывало.

— А при чём тут Йен? — спрашиваю его встревоженно.

— Успокойся, — говорит мне он. — Никто ничего не знает.

— Потому что тут нечего знать, — решительно отрезаю я.

— Как скажешь. Но если захочешь с кем-нибудь об этом поговорить...

Он не заканчивает фразу. Ясно, что он не позволит прекратить беседу. Возможно, лучше объяснить ему замысел.

— И что же ты думаешь? — стараюсь слегка избавить его от беспокойства.

— Да ничего. Но знаю, что вы вместе, — он говорит это так, словно тут нет ничего плохого.

— На самом деле мы не вместе! — кричу я, заставляя его подпрыгнуть.

Джордж смотрит на меня изумлённо.

— Мы с ним видимся время от времени, — уточняю я. В таком виде эта новость кажется мне более приемлемой.

— Время от времени? — спрашивает он, улыбаясь.

— Окей, мы встречаемся! Но мы не вместе! Абсолютно! Это временные отношения, и, собственно, это и не отношения даже.

Джордж смотрит на меня испытующе.

— Смотрю, ты пыталась устоять изо всех сил.

— Перед чем? — спрашиваю я, даже не зная, о чём думать.

— Перед Йеном. Не хотела влюбляться, — тон вполне обыденный, а фраза ещё больше.

— Я ни перед кем не пыталась устоять. Говоришь какую-то ерунду, — отрезаю я, краснея.

Он пожимает плечами.

— Возможно, — добавляет он. — Но я видел и более странные вещи. Лично я всегда полагал, что ваши ссоры были результатом подавленного влечения, — я смотрю на него, не зная, что сказать. — Я бы сказал, что сейчас оно у вас ярко выраженное, — говорит он, пытаясь рассмешить меня.

— И раз уж оно у нас ярко выраженное, значит, мы о нём забудем, — глухо отрезаю я.

— Почему же? Тебе не нравится быть с ним? — спрашивает заинтересованно.

Качаю головой.

— Вижу, ты не понял. Мне слишком нравится быть с ним.

— И что в этом плохого? — спрашивает растерянно. У мужчин никогда не получится понять женщин, они безнадёжны.

— Девушке не может быть хорошо с таким, как Йен, потому что Йен каждый вечер хочет видеть разных женщин.

— Он встречается с кем-то другим? — спрашивает он, не поведя и бровью.

— Не думаю, но это...

Он перебивает меня почти в гневе.

— Пожалуйста, не говори мне что к чему.

— Окей, не буду, — нервно улыбаюсь. — Тогда я скажу тебе, что ему нужно безоговорочное обожание, а я, следовательно, этого не делаю.

— Исходя из того, что я вижу, ему нужно вернуться обратно на землю, у него к тебе не простая симпатия, — он явно на что-то намекает.

— Джордж, прекрати, прошу тебя, — говорю ему сухо.

Он выглядит очень довольным.

— Ну же, не сердись. В последние годы вы оба были такими непреклонными, а теперь, когда я вижу признаки того, как вы сдаёте позиции, мне наконец-то становится весело, — сообщает он мне, не чувствуя себя виноватым.

— Какие ещё признаки сдачи позиций? — спрашиваю удивлённо.

— Это мелочи, не беспокойся, но они есть. В последнее время он иначе смотрит на тебя, когда вы сталкиваетесь в коридоре. Он всегда смотрит на тебя украдкой, и ты смотришь на него. И, знаешь, как говорят, некоторые взгляды говорят больше тысячи слов...

Его голос отчасти ироничен, но в некоторой степени его слова — удручающая правда. И я отдаю себе в этом отчёт.

— Спасибо, Джордж, я ценю твою искренность, — признаю я, всё же давая понять, что

считаю тему закрытой. Мой тон не терпит возражений.

И он на самом деле понимает это с полуслова.

— Я пойду. Если я тебе понадобится, ты знаешь, где меня найти.

* * *

Чтобы спустить меня с небес на землю приходит электронное письмо от Йена, которое, появившись на экране, заставляет меня вздрогнуть.

Йен: *«Пообедаем вместе?»*

Только и написано.

Об этом и речи быть не может!

Я: *«Я занята. Прости».*

Я свободна, но не хочу идти с ним на обед, потому что слова Джорджа — правда: я падаю к его ногам, я теряю голову из-за человека, который подходит мне меньше всех в мире, и я набью себе кучу шишек, если и дальше пойду этой дорогой. Я бы сказала, что вдоволь получила их от людей, решительно менее привлекательных, чем он. И это не тот случай, когда я хочу набить ещё.

Я должна что-то сделать, что угодно. Но что?

После того как я пошевелила мозгами, мне пришла в голову одна гениальная идея. Хватаю мобильник и звоню Стейси, которая через пару гудков отвечает с явным удивлением в голосе.

— Привет, Дженни, — говорит. — Чем обязана такой чести?

Наш диалог несколько натянут из-за известной сцены с поцелуем, даже если с тех пор бы об этом особо не разговаривали. Но язвительные фразочки я всё же использовала, не говоря уж об этой молодой учительнице беспощадной критики, которая очень любит бросать их в мой адрес.

— Я думала о твоём предложении познакомить меня с другом Тома.

— С кем, с Элиотом? — спрашивает с сомнением. В её голосе есть капелька веселья, но она, по крайней мере, старается скрыть это.

— Да, почему бы и нет? — спрашиваю, будто это самая обыденная вещь в мире.

— Очевидно, с Йеном не получилось... — ворчит с ноткой упрёка.

— Стейси, между мной и Йеном никогда ничего не было.

Она молчит несколько мгновений, будто хочет сказать, — *«Вешай эту лапшу на уши кому-нибудь другому»*, но потом возвращается к теме разговора, который приняла более чем близко к сердцу:

— Сейчас это не столь важно. Думаем об Элиоте! Я могу дать ему твой номер телефона и сказать, чтобы он позвонил тебе, если тебя это устраивает.

— Это просто замечательно, — вздыхаю с облегчением. Я очень довольна тем, что приняла весьма мудрое решение.

— Тогда я с тобой прощаюсь и сразу же ему звоню. Сестрёнка, вот это правильный поступок!

Мне не остаётся ничего другого, кроме как надеяться на это всем сердцем.

* * *

Элиот звонит мне в тот же вечер, когда я возвращаюсь домой. У него сердечный, чистый, расслабляющий голос.

Мы несколько минут болтаем о моей сестре и её муже, а потом он мне сообщает, то живёт недалеко от Лондона и очень хотел бы пригласить меня в один миленький ресторан в городе. Я охотно соглашаюсь, и мы договариваемся на вечер субботы.

Мы прощаемся с обещанием вновь созвониться и согласовать место встречи. Я наконец-то добираюсь домой, когда мой телефон звонит снова.

— Чего тебе надо, Йен? — спрашиваю слегка грубо, увидев, как его имя высветилось на дисплее.

Стараюсь утихомирить бабочек, которые танцуют у меня в животе: почти что ребяческая реакция, чтобы тут же её исправлять.

— Поговорить с тобой, потому что сегодня не получилось увидеться, — говорит он, ничуть не задетый моим тоном. В последний период у него появилась скверная привычка не расстраиваться из-за моего дурного настроения. Когда-то каждого извинения было достаточно для ссоры, а теперь ему нужно время, чтобы всё обдумать.

— Я была немного занята, — терпеть не могу чувствовать себя виноватой, но сейчас ничего другого сделать я не могу.

— Если бы ты меня подождала, мы могли бы выпить что-нибудь вместе, — говорит он.

— У меня болела голова и я с нетерпением ждала, когда попаду домой, — в некоторой степени это правда.

— У меня есть для тебя одно предложение, — говорит он с энтузиазмом в голосе. — Что скажешь о поездке на этих выходных?

О, небеса.

— И куда бы ты хотел поехать? — спрашиваю обеспокоенно.

— У моих есть загородный дом, весьма живописный, и мы там никогда не были. Я думал показать его тебе, — предлагает он.

Лучше отказать.

— У меня уже есть дело на этих выходных, — говорю я. Рано или поздно всё равно пришлось бы сказать ему об этом.

— Что ещё за дело? — спрашивает он, чувствуя что-то неладное.

— У меня встреча в субботу вечером.

— С мужчиной? — настаивает сухо.

— Да, — отвечаю я быстро, стараясь не дать себя запугать.

— С кем? — решается он спросить.

— С другом Тома и Стейси, я никогда с ним раньше не виделась.

— И зачем тогда ты с ним встретишься? — спрашивает он меня, словно и не обращает внимания на этот разговор.

Что значит зачем? Поднимаю глаза к небу. Мне так и хочется возразить и прервать эту бредовую беседу.

— Затем, что, как ты помнишь, я в поиске подходящего для меня жениха, — надеюсь, что это он поймёт.

— Ты серьёзно? — спрашивает так, будто я ненормальная.

— Сама серьёзность, — заверяю его невозмутимо.

— В субботу ты пойдёшь с типом, которого никогда раньше не видела? — спрашивает он снова. Он глухой?

— Да, — подтверждаю я, не зная, что ещё сказать.

— И со мной ты не пойдёшь? — Окей, а вот теперь он по-настоящему зол.

— Именно, — заверяю я.

— Какого чёрта ты пытаешься сделать? — спрашивает обиженно. Возможно, лишь потому, что противится факту, что я предпочла ему кого-то другого.

— Послушай меня, Йен, — говорю ему, крича. — Я тебе неделями говорила, что мы должны прекратить встречаться, чтобы встретить подходящих нам людей! Ну, я, по крайней мере, пытаюсь встретить кого-то подходящего! Понятно?

— Понятнее некуда! — говорит мне он, бросая трубку.

«До чего у него противный характер», — думаю я, плюхаясь на кровать.

Что-то мне подсказывает, что эти выходные будут трудными.

ГЛАВА 26

Я сижу на барном стульчике в ресторане, выбранном Элиотом для нашей встречи, в ожидании мужчины, о котором мне говорили так много. Нельзя сказать, чтобы я питала какие-то большие надежды, но я прихожу сюда после дней, настолько переполненных ненавистью, что встреча с кем-то другим не может не пойти мне на пользу.

Как и ожидалось, Йен был отвратительным всю неделю: он всячески меня провоцировал, пытался поссориться даже из-за канцелярии. Не стоит и говорить о том, что все в офисе наостригли уши, видя как из последних недель спокойствия, мы перешли к буре столетия. Хуже, намного хуже, чем обычно. И для нас «обычно» — уже преувеличение.

Йен как с цепи сорвался, а когда он в подобном состоянии, всегда дрожат стены. Даже Тамара поссорилась с Джорджем: непонятно, как получилось так, что наш начальник в понедельник ушёл домой почти окрылённый, а во вторник утром пришёл мрачным, и настолько мрачным в лице, что даже ей трудно его узнать.

Все спрашивают о причине этого плохого настроения, но никто, очевидно, ответа не находит. Спустя немного времени Джордж прислал мне э-мейл, умоляя помириться с Йеном, чтобы уберечь свою любимую от недели работы с фурией. Ах, если бы это было так просто. Между прочим, я совсем не думаю, что совершила ошибку: Йен всегда знал, как обстоят дела, следовательно, он не может обижаться, если такой ход событий ему не нравится. Женщина, меньшая реалистка, чем я, могла бы также подумать, что его реакция — явный признак того, что я ему важна, но я, крепко стоящая ногами на земле, знаю, в чём суть: Йен любит себя самого, а всё остальное — второстепенное, и его гнев исходит, возможно, из уязвлённого самолюбия. Что касается самолюбия, Йену его не занимать.

* * *

Я делаю глоток Мартини, когда вижу, как вдалеке появляется пухленький паренёк со светлыми волосами, который открыто мне улыбается.

— Привет, Дженнифер, — сердечно приветствует он, пожимая мне руку.

— Привет, Элиот, — отвечаю на рукопожатие я, удивлённая тем, что он сразу меня узнал.

— Твоя сестра показала мне твоё фото, — объясняет он, заметив моё изумление. — Я не мог ошибиться.

— Тогда это всё объясняет, — отвечаю с улыбкой.

— Надеюсь, я не разочаровал тебя? — говорит мне он серьёзным тоном.

Ему нечего было бояться, он был как раз таким, какого я и ожидала встретить.

— Ничуть, — успокаиваю его я, получше к нему присмотревшись. Сияющие карие глаза, короткие волосы, тёплая улыбка и неформальная одежда: я начинаю ценить человека, который не надевает сшитую на заказ рубашку от сотни фунтов стерлингов и инициалами, вышитыми на рукаве невинными греческими служанками.

Через несколько минут мы усаживаемся за нашим столиком.

— Кем ты работаешь? — спрашиваю его с любопытством.

— Я — детский психолог. На данный момент сотрудничаю с рядом школ, в которых разбираю более трудные случаи, — спокойно объясняет он мне.

— Это на самом деле изумительная работа, — говорю ему, поражённая.

— Да, это не особо высокооплачиваемая работа, но она приносит мне удовольствие. А чем занимаешься ты? — спрашивает с интересом.

Моя сестра уже всё ему рассказала, но я ценю то, что он спрашивает непосредственно у меня. В основном Стейси не слишком одобряет то, чем я занимаюсь.

— Я — адвокат по налоговым делам в большом коммерческом банке и занимаюсь консультацией частных лиц и предприятий.

— Вау, звучит как будто это очень важно, — говорит он под впечатлением, заставляя меня улыбнуться.

— Я не жалуясь, — говорю ему откровенно. — Но это куда менее важно, чем ты думаешь.

Мы ещё немного разговариваем о нашей работе, а потом переходим к меню.

— Вижу, что ты из Лондона и хорошо знаешь это место, что посоветуешь выбрать? — спрашивает он. — Забыл сказать, имей в виду, что я вегетарианец.

— Правда? Я тоже вегетарианка! — отвечаю ему с явным энтузиазмом.

— По словам твоей сестры, между нами много общего, — сообщает мне он, подмигивая.

— Дорогая Стейси... тебе явно наплела с три короба на мой счёт, чтобы убедить тебя вытащить меня наружу. Боюсь, тебе следует пересмотреть свои ожидания, прежде чем ты узнаешь меня лучше.

Он смотрит на меня очень заинтересованным взглядом.

— На данный момент я нахожу, что мне слишком мало тебя хвалили.

Он, правда, так думает и я ему очень признательна.

— Поверь мне, я — женщина с кучей недостатков, — говорю ему искренне.

Немного позже приходит официант с нашими заказами: рыбой на гриле для меня и пастиччо из овощей для Элиота, который также настаивает на том, чтобы я выбрала вино.

— Прекрасный выбор, — делает он мне комплимент несколько минут спустя, сделав глоток из своего бокала.

— Я сама мало в этом разбираюсь, но Пино Гриджио — это всегда гарантия вкуса, — поясняю я.

Он мне улыбается.

— Буду иметь в виду на следующий раз.

«Первое впечатление должно быть положительным, раз уже идёт речь о следующем разе», — думаю с удовлетворением. Следуют пятнадцать минут милой беседы о психологии и исследованиях в этой области: должна признать, он интересный человек.

— Кстати, — говорит мне Элиот, пока мы едим. — Даже не будь я психологом, я бы сказал, что кое-кто очень пристально на тебя смотрит.

Смотрю на него обеспокоенно.

— Правда? Где?

— Позади тебя, там мужчина который не спускает глаз с твоей спины с тех пор как приехал сюда минут десять назад, — объясняет мне Элиот продолжая смотреть на него.

— Ты уверен, что он смотрит на меня? — спрашиваю удивлённо.

— Более чем, — говорит мне он откровенно.

— Можешь описать мне его? — спрашиваю его я, стараясь не волноваться слишком сильно.

— Некто с тёмными волосами, серыми глазами, выглядит высоким и определённо с кучей денег, — говорит мне Элиот.

Увы, боюсь, я знаю, о ком идёт речь.

Какого чёрта сделал Йен, чтобы узнать, что я приду сюда этим вечером?

— С кем он сидит? — снова спрашиваю у Элиота.

— С девушкой лет двадцати, с очень светлыми волосами. У неё такой вид, словно она модель или кто-то в этом духе.

— Они вечно все очень высокие и с очень светлыми волосами, — вырывается у меня кислым тоном.

— Ты его знаешь? — спрашивает Элиот с любопытством.

Прежде чем что-то сказать, лучше проверить самого человека. Я оборачиваюсь и вижу угрюмое лицо Йена. Разумеется, для того, кто находится здесь с самой яркой девушкой, которую можно увидеть на обложке журнала, у него очень скучающее выражение лица.

Потому, я могу допустить, что обсуждаемая девушка самая настоящая красотка, которую трудно не заметить, да и глазееет на неё весь ресторан. А лучше все, кроме Йена, который не спускает с меня взгляда, ничуть не смущённый тем фактом, что его обнаружили. Выглядит так, будто он ничего другого и не ожидал.

Я снова поворачиваюсь к Элиоту.

— Боюсь, я его знаю, — неохотно признаю я.

Он пытается успокоить меня.

— Я это понял, — говорит мне он, улыбаясь.

— Это всего лишь коллега, — уточняю я, покраснев больше, чем следовало бы.

— Рискую показаться бестактным, но язык твоего тела говорит мне несколько другие вещи. Бывший, который ещё не признал поражение? — спрашивает он.

— Бывший! — восклицаю немного резко. — Точно нет! Говорю же тебе, ты видел этого типа? А ту Барби, которая сидит рядом?

Элиот смотрит на меня почти с состраданием.

— Если это тебя утешит, очевидно, ему на неё абсолютно плевать.

— А, эта потом... — отвечаю, подразумевая девушку, хотя мне следовало бы направить свою злость на Йена.

— Внимание, этот мужчина идёт сюда... — предостерегает он.

Не может быть, это просто какой-то страшный сон, из которого я проснусь! Я должна проснуться! Грозная фигура приблизилась к нашему столику.

— Добрый вечер, — сказал Йен, для которого вечер, видимо, не слишком добрый.

— Я смотрю на него с яростью.

— Какого чёрта ты тут делаешь? — спрашиваю, даже не скрывая своего недовольства.

— Ужинаю. Мне нужно спрашивать разрешения или я ошибаюсь? — говорит он, смотря на меня с раздражением. То есть, тот, кто сейчас злится — он?

— В Лондоне полно ресторанов. Что ты делаешь именно в этом? — спрашивают я, ничуть не скрывая то, о чём думаю.

Он пожимает плечами.

— Чистое совпадение.

— Ну да, и я должна в это поверить. — Я встаю с горящими глазами.

— Если ты думаешь, что я на это поведусь, то ты сильно ошибаешься.

— Ты часто ошибаешься, не понимаю, почему это для тебя новость.

— Не заставляй меня злиться ещё больше, чем сейчас: какого дьявола ты подкупил, чтобы иметь доступ к моему ежедневнику? — хочу узнать я.

Он только хихикнул.

— Я поняла: ты использовал Тамару, чтобы она подошла к Джоржу и, следовательно, к моему ежедневнику, — надо срочно прекратить записывать всё в моём ежедневнике в офисе. Так я играю ему на руку.

Другие посетители начинают смотреть на нас с явным любопытством. Если его целью было привлечение внимания, то ему это удалось на славу. Элиот тоже поднялся, почти встав между нами.

— Мы ещё не знакомы. Элиот Паулсон, — говорит он, протягивая руку в знак дружбы. Но какого чёрта он делает?

Его поведение, должно быть, поразило даже Йена, который быстро приходит в себя.

— Йен Сент Джон, — представляется он, пожимая руку и успокаиваясь.

— Друг Дженнифер, полагаю, — говорит ему Элиот, более или менее угадывая, смотря с какой стороны посмотреть.

— Коллега, — уточняю я, прежде чем Йен скажет что-нибудь ужасное. Что Элиот, что Йен смотрят на меня весьма скептически.

— Не хотите присоединиться к нам? — благовоспитанно спрашивает его Элиот, видя, что Йен не имеет ни малейшего желания удалиться.

Тот ничего другого и не ожидал.

— Почему бы и нет? — благодарит он в свойственной ему манере, даже осмелившись улыбнуться.

Ну что за червяк, хочет испоганить мне единственное достойное свидание за последние годы! Он делает знак официанту и просит перенести всё на наш столик. В это «всё» включена и его спутница на этот вечер, которая точно следует указаниям, словно послушный щенок. Она, должно быть, около метр восемьдесят ростом, и выглядит раздражённой, пока я вижу, как она приближается к нам: её волосы очень светлые и гладкие, голубые глаза обрамлены длинными ресницами. Ничего другого я и не ожидала.

Йен представляет её нам.

— Это Дина, — говорит он нам быстро, приглашая её сесть.

Девушка выглядит скучающей.

— На самом деле я Донна, — уточняет она, присаживаясь за наш столик и стараясь расправить самую короткую мини-юбку из всех, что я когда-либо видела. И они пропустили её сюда в таком виде? А я было подумала, что это приличный ресторан. Элиот, как истинный психолог, пытается заставить всех чувствовать себя как в своей тарелке.

— Донна — прекрасное имя, — говорит он ей вежливым голосом, и она тут же попадает на удочку, радостно ему улыбаясь. Видите? Действительно плохо помогает.

— Чем ты занимаешься, Донна? — спрашиваю её я, прилагая усилие, чтобы выглядеть заинтересованной.

Она смотрит на меня удивлённо.

— Я занимаюсь тем, что принимаю участие на ужинах и вечеринках, — отвечает с сомнением, не понимая, какой смысл несёт в себе мой вопрос.

— Ты занимаешься пиаром? — спрашиваю я, нервно жуя бутерброд.

— Нет, я участвую и всё, — отвечает так, словно я — марсианка. — Мой отец никогда не заставит меня работать, — добавляет невинно.

Возможно, было бы лучше удержаться от этого уточнения, потому что мы всё смотрим на неё ошеломлённо. Даже выражение лица Йена не светится радостью от этого ответа и, возможно, он раскаивается в сделанном выборе.

Возможно, единственный, кому весело, так это Элиот, который вероятнее всего находит нас весьма занимательными с клинической точки зрения. Нам всем есть что скрывать.

— А ты работаешь? — спрашивает Барби, вытаращив синие глаза.

— Да, мой отец — человек небогатый, так что приходится... — отвечаю ей саркастическим тоном

Очевидно, она не поняла шутку.

Элиот смеётся, а Йен нервно на меня смотрит.

— Дженни — адвокат. Не обращай на неё внимания, она хорошо работает со словами, — предостерегает её он, нарезая лангет с кровью.

— На самом деле я — адвокат по налоговым делам и хорошо работаю с числами, — уточняю я, с отвращением посматривая в его тарелку. Когда мы ужинали вместе, он всегда заказывал рыбу, чтобы уберечь меня от созерцания зрелищ такого рода. Если бы он мог, сегодня бы сделали бифштекс из говядины, прямо посередине зала.

Барби смотрит на нас немного растерянно. Бедняжка, она не привыкла к подобным разговорам.

— Как давно вы знакомы? — спрашивает Элиот у Йена.

— Дженни и я знаем друг друга долгие семь лет, — отвечает он напыщенно, чтобы дать понять всем присутствующим, что наше знакомство не только поверхностное.

— Очень долгие, — подтверждаю раздосадовано, бросая на него убийственный взгляд.

— По правде говоря, я спрашивал о тебе и Донне... — уточняет Элиот, пряча улыбку. Этот человек — сплошной сюрприз: сейчас у него выражение лица, как у азартного игрока.

— Ах! — восклицает Йен от удивления. — Донна, когда мы с тобой познакомились? — очевидно, он и не помнит.

— Мы познакомились два года назад на том благотворительном вечере, — напоминает ему она. — Даже если это наше первое свидание, — говорит, гордая тем, что наконец-то сумела произвести впечатление.

— Какой-то вечер первых свиданий, — комментирую я вслух.

Йен смотрит на меня, будто бы говоря «первых и последних, дорогая». Разумеется, очевидно, что после подобного обхождения Элиот ни за что больше не выйдет со мной на прогулку. Кому бы пришло в голову идти ужинать с женщиной, которую преследует надменный человек, и который сам участвует в вечере в придачу?

За столиком мы сидим вчетвером, но по факту — втроем. При всём своём желании не

могу включить Барби в пари, потому что очевидно, что в отношении мозгов матушка-природа на ней здорово отдохнула. Я ужасная и завидую её внешности, но отдаю себе отчёт в этом, и я очень искренняя в своих суждениях.

— Тогда что ты думаешь о Дженни? — спрашивает Йен у Элиота.

— Исключительная девушка во всех отношениях, — отвечает ему он спокойно.

— Хм-м, действительно... — открывает рот Донна, не скрывая своего изумления. Возможно, для неё было бы лучше, чтобы она молчала и дальше.

— Знаешь, здесь есть кое-кто, кому полностью удаётся разговаривать на трудную тему в милой компании, — отвечаю ей с неприязнью.

— Но за столом никогда не говорят на сложные темы! Это плохо! — восклицает она убеждённо.

«Приходи на обед ко мне домой, а потом потолкуем. Или пойдёшь к семье Йена и посмотри, какие «мягкие темы» тебе помогут», — думаю с удовлетворением.

Йен, должно быть, думал о том же самом, потому что, когда наши взгляды встретились, очевиден взгляд солидарности вопреки моей воле. Разговор не ладится ещё полчаса, даже потому что Йен, после стольких попыток испортить мне вечер, больше не говорит слишком много. Несколько едких комментариев время от времени, но в полной тишине. Барби, хотя и старается, но не может говорить ни о чём другом, кроме шоппинга. Мораль такова, что только я и Элиот пытаемся оживить вечер. Но он испорчен.

Элиот ведёт себя достойно: любой другой на его месте был бы в ярости и имел бы полное право уйти, то и видя, что Йен посылает замаскированные внушения. Что уж там, они не были настоящими внушениями, но я должна быть откровенной. Хочешь — не хочешь, но на данный момент я связана с ним. Я отдаю себе отчёт в том, что не могут оторвать глаз от его угрюмого лица, от его черт, гораздо более напряжённого взгляда, чем обычно. И я чувствую, что мне жаль, потому что я не хотела никого обидеть. К тому же, я пошла встретиться с Элиотом, чтобы действовать в общих интересах.

После того, как был съеден десерт, Йен и Барби окончательно решили уйти. Йен поднимает руку и просит официанта принести ему счёт.

— Ты не можешь оплатить всё, — тут же вмешиваюсь я.

— Это меньшее, что я могу сделать, — говорит он на удивление ровным голосом, словно он вдруг что-то осознал.

Я не собираюсь позволить ему подобное, пусть придержит свои угрызения совести при себе.

— Прости, Йен, но, как ты уже понял, это моё первое свидание с Дженни и я попаду в неловкое положение, если позволю тебе оплатить счёт, — замечает Элиот прежде чем я начинаю злиться.

Йен пожимает плечами.

— Окей, раз ты так хочешь, можем оплатить пополам, — неохотно соглашается он.

Эти двое удаляются на несколько минут, чтобы оплатить счёт, оставляя меня наедине с Донной. Как мило.

— Тебе нравится Йен? — говорю я ей, не зная о чём с ней поговорить.

— О, да! — восклицает она восторженно. — А кому он не нравится? Такой богатый граф! Понимаешь? А однажды и я стану графиней!

Опять та же история. Ну, неужели, никто из них не отдаёт себе отчёт в том, чего стоит Йен без знатности рода и семейных сейфов? Возможно ли, что ни одна из них не понимает,

как он ненавидит быть преследуемым из-за таких ничтожных вещей?

— В первую очередь Йен — великолепный профессионал, полностью компетентный в своей работе. А ещё он очень корректный, искренний, целеустремлённый человек. Тот факт, что он благородных кровей и с гербом, скорее недостаток для него, потому что все свято уверены, что приобретённые им вещи появились по наследству, но на самом деле потому, что он работал, как и мы все, чтобы обеспечивать себя, — я даже воодушевилась. Я начала говорить, и ничто, кажется, меня не остановит. — Почему меня оценивают как какого-то гения в помещении банка, в то время как его видят лишь одним из тех, кому вещи приносятся на серебряном блюде? Даже если на самом деле это не так?

Барби с изумлением смотрит на моё покрасневшее лицо.

— Вау, — только и произносит она, а потом смотрит в какую-то точку позади меня, в точку, которая поражена моими словами.

— Мне нужно в уборную, — говорит нам Донна и уходит.

Йен медленно приближается, смотря на меня с таким видом, будто случилось чудо.

— Что? — спрашиваю его сухо и сердито.

— Элиот снаружи говорит по телефону, — сообщает он мне. — Дженни...

Я тут же его останавливаю.

— Пожалуйста, не говори ничего, — прошу его тихим голосом.

Он смотрит на меня, а затем улыбается.

— Окей.

Несколько мгновений мы смотрим друг на друга.

— Прости, — извиняется он. — За то, что испортил тебе вечер.

Фыркаю.

— Могу себе представить. Ты прямо корчишься от боли.

Он улыбается.

— Прости, мне, правда, очень жаль. Я бы никогда не сделал подобного.

— Это очевидно, — отрезаю я, стараясь не выглядеть виноватой.

Он умолкает, будто для того, чтобы набраться храбрости признаться мне в чём-то.

— Но я ревнив, — говорит он тихо. — Очень ревнив.

Фраза неожиданная, а голос почти нежен. Я поднимаю глаза для того, чтобы увидеть его собственные и обнаруживаю, что этим вечером они темнее, чем обычно.

— И если бы я мог, я бы сейчас тебя поцеловал, — говорит он, наконец, но не приближается.

Я молчу, смотря на него поражённо, потому что, проклятие, я на самом деле хочу, чтобы он это сделал.

— Элиот — хороший человек, не отрицаю, но он появился слишком поздно. Хочешь ты это признавать или нет, но мы сейчас вместе, — заключает он. — Я не думал уточнять это, будто мы дети, думал, что это и так ясно. Но если нужно, чтобы я сказал тебе это напрямую, без проблем. Мы вместе. Смирись с этим.

В сомнении закрываю глаза, неспособная ответить.

— Ты чувствуешь, что ты свободна? — не унимается Йен. — Ты, правда, способна познакомиться с кем-нибудь, прямо сейчас?

— Нет, — признаю я искренне. — Не особо. Бедный Элиот, уверена, это худшее свидание в его жизни.

— Клянусь, были и хуже, — говорит мне Элиот, появляясь перед нами. — Очевидно,

вам есть что выяснить, а я появился в неподходящий момент, — его голос серьёзный.

Нам с Йеном неловко, мы не знаем даже, что добавить.

— Мне нужно провести Донну домой, — говорит мне, в конце концов, Йен, будто бы извиняясь.

— Знаю, — отвечаю я. И я рада этому, потому что на самом деле мне нужно немного побыть одной и обдумать всё то, что Йен мне сказал за последние пять минут.

— Давай, Дженни, я провожу тебя домой, — предлагает со своей стороны Элиот.

— Правда? — спрашиваю его я. — Я могла бы взять такси.

Элиот искренне успокаивает меня.

— Без проблем, — его улыбка настолько убедительная, что я соглашаюсь.

Мы прощаемся в некотором смущении. К счастью. Я сомневаюсь, что мы опять где-нибудь встретимся вчетвером. После этого мы идём в разные стороны: Донна и Йен идут к его Порше, а мы с Элиотом направляемся к его автомобилю, прочному Фольксваген Гольф.

— Тогда спасибо, особенно за то, что ты на нём приехал, — подтверждаю я, в то время как автомобиль едет по лондонским улицам.

— Это был очень насыщенный вечер, — заверяет меня он, смеясь.

— Мне ужасно стыдно, — говорю ему подавленно. — Прощу, могу ли я хотя бы возместить тебе стоимость ужина?

— Нет, это был довольно-таки приятный вечер, — пытается он убедить меня, пока я смотрю на него с изумлением.

— Ты действительно слишком добрый человек, чтобы свирепствовать, — говорю ему я. — Но я на самом деле ценю это.

— Хорошо, тогда ты и постарайся не слишком свирепствовать насчёт этого бедного парня.

— Насчёт кого? Йена? — восклицаю напыщенно. — И это он-то бедный?

Элиот почти серьёзен, когда говорит мне:

— Я не подразумевал это с материальной точки зрения, это очевидно. Но он — человек, который вызывает почти что сочувствие.

— Ты это серьёзно? А у меня он не вызывает сочувствия, на данный момент я к нему испытываю разве что сильную злость.

— И неправильно делаешь. Я понимаю, ты раздражена, но я думал, что вы, женщины, цените подобного рода демонстрации чувств.

— Поверь, мне нравится совсем другое, — отвечаю сухо.

— В любом случае, не будь такой вредной, когда он придет к тебе этим вечером.

— Он никогда не придет! — восклицаю убежденно.

Элиот смеётся.

— Отвезёт блондинку домой, а потом придет к тебе, вот увидишь. Не нужно быть психологом, чтобы понять это.

— Раз уж ты так говоришь... — бормочу я, ни капельки не убежденная.

Когда мы подъезжаем к моему дому я всё ещё чувствую себя неловко за то, что случилось.

— Я повторяю тебе это в тысячный раз, но не могу сделать ничего другого: мне очень жаль!

— Мне правда было очень приятно с тобой познакомиться, — говорит он мне, провожая меня до двери. — И если тебе когда-нибудь придётся стать по-настоящему

одинокой, у тебя всегда есть мой номер!

— Идёт, — говорю я с благодарностью.

Элиот прав. Через четверть часа звонит мой домофон. И я прекрасно знаю, кто там.

— Уже почти полночь, какого чёрта тебе надо, Йен?

— Поговорить с тобой, — говорит он мне решительно.

— Нет, не хочешь ты со мной говорить, — отрезаю я. Следуют несколько секунд тишины.

— Окей, я хочу только поговорить, — уточняет он. — Не хочешь открыть дверь, прежде чем кто-то из твоих соседей взбесится?

Ворчу, но безропотно открываю.

Правда такова, что то, в чём он мне признался ранее, в ресторане, смягчило меня, так что я не нахожу в себе силы выставить его вон, не посмотрев ему в глаза.

— Это явно не время для визитов, — заявляю я, когда он появляется передо мной.

— Знаю, прости, — говорит мне он, хотя на самом деле не выглядит слишком подавленным.

— Положил Барби в постель? — спрашиваю скучающим тоном.

Он звонко смеётся над этим прозвищем.

— Можешь не смеяться, это ты её нашёл, — отмечаю я.

— Ты права, выбор — хуже некуда. Но я никогда снова не вспоминал о ней, раз уж она так увлечена собой. Теперь понимаю, почему я так никогда и не позвонил ей за два года!

Стараюсь провести его в зал, но он игнорирует меня и направляется в мою комнату. Он просто невыносим, когда делает так, будто находится у себя дома.

— И о чём ты хотел поговорить на этот раз? — спрашиваю я, скрещивая руки на груди. Знаю, что это вызовет враждебность, но это именно то, чего я хочу.

— О наших с тобой отношениях, — отвечает он спокойно.

— Нет у нас никаких отношений, — замечаю я.

— Я не согласен, — отрезает он. — Это — отношения. Если я хочу быть только и только с тобой, значит, что это отношения.

Что за надменный человек.

— Нет, дорогой мой, это значит, что ты привык думать, будто все женщины в мире хотят быть с тобой, если ты этого хочешь. Но я этого не хочу, так что мы с тобой не вместе.

В сомнении, он поглаживает подбородок.

— То есть, проблема вот в чём: я с тобой, но ты — не со мной... и как, по-твоему, мы можем решить эту дилемму?

Я смотрю на него на самом деле раздражённая.

— В последний раз, когда я смотрела в словаре, для того, чтобы быть вместе, нужно обоюдное согласие. Следовательно, мы не вместе.

Странно, но я начинаю видеть и на его лице какую-то усталость: уже на самом деле поздно и мы пришли с не очень-то и лёгкого вечера. Не считая предыдущей недели.

— Мы оба очень устали, почему бы нам не оставить разговор на завтра? — предлагаю я ему, вставая со стула и приближаясь к кровати, где он сидел.

Йен пододвигается, обнимает меня и кладёт голову на мой живот.

— Окей. Могу ли я остаться? — ворчит он, не поднимая головы.

Я касаюсь взъерошенных волос, чтобы смягчить то, что собираюсь сказать.

— Нет, не можешь.

— Прошу тебя... — умоляет меня и приподнимает мою кофточку, чтобы поцеловать.

— Эти методы совершенно неправильные! — замечаю я. Стараясь, без особого успеха, освободиться из его объятий. Но его прикосновение настолько нежное и лёгкое, что у меня просто нет сил.

— Знаю, — смеётся он. — Но они же работают.

Покорно вздыхаю.

— Возможно, — только и добавляю я.

— Неплохо, — вздыхает он и целует меня, поднимаясь всё выше и выше. В какой-то момент он поднимается и снимает с меня кофточку.

— Ненавижу тебя, когда ты так делаешь. — Его глаза сияют, смесь веселья и возбуждения.

— Мы совершаем ошибку, — снова повторяю я, но его это не останавливает.

— Тогда мы совершим её прямо сейчас, а об остальном подумаем позже, — говорит мне он.

Когда несколько секунд спустя его губы находятся на моих, я ничего не могу возразить.

* * *

Я наполовину проснулась, лежу в кровати с телефоном в руке. И, правда, сейчас одиннадцать часов, но всё-таки воскресенье!

— Нет, мама, правда. Я не могу приехать сегодня, — повторяю я в энный раз раздражённым голосом.

— Нет, дело не в твоей готовке. — До чего проникательная женщина.

Рядом со мной — темноволосая голова отрывается от подушки и смеётся.

— Нет, мама, я ещё в постели и очень устала. Думаю, что один раз в своей жизни я вас оставлю до полудня, если ты не против.

На другой стороне трубки мама жалуется, но я не обращаю на это внимания.

— Окей, да, буду в следующее воскресенье. Пока.

Отключаюсь, вздыхая от облегчения. В тот момент, когда я одеваюсь под одеялом, Йен притягивает меня к себе. К сожалению, у этого мужчины есть неудержимая власть надо мной, особенно если он обнажённый и в моей постели.

— На этот раз ты от неё спаслась? — спрашивает он, целуя меня в шею.

Все мои чувства вмиг обострились снова.

— Вроде бы да... — отвечаю, вздыхая.

В тот самый момент, когда его рука начинает гладить меня, звонок телефона снова разрушает спокойствие этого утра.

— А это ещё кто, чёрт возьми? — жалуется Йен, приподнимаясь для того, чтобы достать мобильник из кармана своих брюк. Одеяло укрывает его до спины, оставляя слишком мало для полной картины.

Он смотрит на экран и тут же мрачнеет.

— Моя мама, — жалуется он. Видимо, это касается всех.

— Слушаю? — отвечает он официальным тоном, будто он в офисе.

— Да, на самом деле сейчас не совсем подходящий момент, — заверяет её он.

— Нет, я сейчас не у себя дома, — отвечает он, приподнимая бровь.

— Да, я передам ей привет от тебя, — говорит он. — Нет, ты не можешь поговорить с

ней.

Некоторое время он только слушает.

— Мамочка, я прошу тебя...

Спустя несколько минут он смиряется.

— Окей, тогда я приду сегодня вечером поужинать. Обещаю.

Когда он отключается, вид у него не особенно радостный.

— Воссоединение семьи? — спрашиваю его невинным тоном.

— О, да. Если хочешь, ты тоже приглашена, — наверное, он сошёл с ума?

— Без обид, но я бы предпочла спастись. Вчерашнего ужина мне более чем хватило. А твоя семья, пожалуй, ещё хуже моей.

Он смеётся и приближается для того, чтобы сладко меня поцеловать.

— Ты права, нет смысла подвергать этой пытке двоих человек. Хватит и меня одного.

— Более чем, — заверяю его я.

— Что ты скажешь о бранче? — спрашивает он тогда.

— В кои-то веки у тебя появилась замечательная идея.

Неохотно мы одеваемся, да и то лишь потому, что ужасно хотим есть. Йен убеждает меня взять машину и привозит в хорошенький ресторанчик на южном берегу Темзы.

— Действительно неплохо, — признаю я, располагаясь на удобном диванчике. Йен садится рядом и обнимает меня.

— Мы на людях! — упрекаю его я, но его, видимо, это мало интересует. И в таком случае, если он уверен в том, что делает, я тоже могу расслабиться в его объятиях, пока мы ждём наши напитки.

Он смотрит на меня с улыбкой.

— Над чем ты смеёшься? — спрашиваю я, притворяясь раздражённой.

— Ни над чем, мне просто ужасно весело, — сообщает мне он.

— Из-за чего? — спрашиваю я.

— Из-за возможности убедить тебя в том, что у тебя отношения со мной.

Это больше похоже на «отношения» из всего того, что у меня было за последние годы, но я ему об этом никогда не скажу.

— Мечтай, дорогой мой, — говорю я ему, смеясь. — Я никогда не сдамся.

Он улыбается мне.

— Ты знаешь, что я обожаю вызовы.

— Ты обожаешь одерживать в них верх, а не сами вызовы. Так что я не уверена, что этот тебе понравится.

Он смотрит на меня так, будто хочет открыть мне, кто знает какую правду, но никак не отвечает на моё утверждение.

Мы едим, болтая между собой и читая журнал, с приятным чувством спокойствия. Странное ощущение, потому что Йен и я не привыкли к спокойствию, когда мы вместе. Соперничество в те годы было настолько сильным, что сейчас, когда я кладу свою голову на его плечо, я чувствую себя совсем другим человеком.

Вещь, с которой труднее всего смириться это то, что Йен, который меня обнимает, будто я самый важный человек в мире, тоже совсем не тот, каким его знала я. Это новый человек.

Меня охватывает ужас, когда я отдаю себе отчёт в том, что даже если мне нравился тот Йен, раздражающий и с вредным характером, то этому удалось довести меня до нокаута. И

это не совсем хорошо.

ГЛАВА 27

Прошло уже почти шесть месяцев с тех пор, как я разрешила наши «не-отношения». Ведь, несмотря ни на что, есть некоторые препятствия. Их действительно немного, но из-за них я сдаваться не собираюсь: прежде всего, каждый из нас думает о своей семье, так что в случае обедов, ужинов и прочих мероприятий, мы там появляемся по одиночку. Единственное, приходилось уходить от них, когда я притворялась, что иду спать, и совсем другое — делать это сейчас, когда я иду туда спать на самом деле. Было бы совсем стеснительно.

Далее, запрещены совместные поездки: никаких выходных и никаких отпусков, потому что планирование отпуска — занятие для парочек, а мы ею не являемся. Это я продолжаю повторять до умопомрачения. Разумеется, он не выглядит особо довольным, но важно то, что он знает, как думаю я.

Мы стараемся как можно меньше работать вместе. После Беверли, Колин пытался впихнуть какую-то совместную деятельность, но я от этого уклонилась: знаю, что я сама не своя, когда нахожусь рядом с ним, так что предпочитаю хотя бы во время работы быть в здравом уме и трезвой памяти.

На выходных мы не живём вместе: это значит, что я отказалась проводить ночи у него. Моим единственным намерением было ограничить ночи, проведённые совместно, пусть и без особого успеха, видя, что он всегда спит у меня. Здесь, безусловно, не так удобно, не считая того, что мы не одни.

Знаю, что я воплотила в реальность не все мои пожелания, но, по крайней мере, я попробовала. Йен, вместо того чтобы уйти, показал свою заботливую и почти нежную сторону, которой он меня словно терроризирует. Он слишком сильно меня опекает, будто я его собственность.

— Обед? — спрашивает меня Джордж, выглядывая из-за двери.

— А остальные двое? — спрашиваю я, отрывая взгляд от компьютера.

— Они уже ждут нас внизу, — сообщает он нетерпеливо. Теперь мы слишком часто обедаем с Тamarой и Йеном. Когда мы вчетвером, у нас меньше возможностей посплетничать. По крайней мере, в теории.

По словам Джорджа, уже не секрет, что между мной и Йеном есть что-то малое поддающееся определению, но весьма явное. Сама я устала отрицать это коллегам, пытающимся что-то разведать: если я вся краснею, стоит кому-нибудь назвать его по имени, как же мне отвергать это более убедительно?

Когда мы выходим из здания, я тут же замечаю взгляд Йена.

— Привет, — говорит он мне, улыбаясь.

— Привет, — здороваюсь я с ним, стараясь на всякий случай держаться на расстоянии. Сегодня, как ни странно, светит солнце, и его глаза кажутся ещё более светлыми.

На самом деле мы выглядим, как идиоты.

— Ну же, ребята, нельзя так делать, — снова начинает Джордж, подмигнув нам и приближаясь к Тамаре, чтобы поцеловать её. Мы смотрим на это с изумлением.

— И вам тоже надо так попробовать, — предлагает он нам.

— Дженни бы меня ударила, поцелуй я её прямо перед офисом.

— Ещё как, если ты это сделаешь! — заверяю его я. — Вот они — пара, и могут целоваться, а мы — нет.

Йен приподнимает бровь и смотрит на меня с вызовом.

— Правда? — говорит он мне, приближаясь.

— Стой, где стоишь! — приказываю я, выставляя руки вперёд, чтобы остановить его.

Он всё равно хватает меня и пытается поцеловать.

— Йен! — снова призываю я его к порядку тоном, который, как я надеюсь, звучит решительно.

Он смеётся, видя моё смущение.

— Хочешь почувствовать себя хорошо? — бормочет он, наклоняясь ко мне и целуя.

Немного погодя он с удовлетворением отстраняется.

— Я провёл всю жизнь, избегая женщин, а в итоге оказался с тобой! В этом есть какая-то ирония, ты не находишь? — спрашивает меня он, едва заметно улыбаясь.

— Закон возмездия, — сообщает ему свою точку зрения Джордж, который наблюдает за нами с любопытством.

— Похоже на то, — вздохнув, подтверждает Йен. Он берёт меня за руку и идёт в направлении ресторана.

Тамара и Джордж, обнявшись, идут следом.

* * *

«На полный желудок думается куда лучше», — думаю я, возвращаясь после обеденного перерыва.

Йен подмигивает мне на прощание, когда мы поднимаемся на наш этаж. Я переступаю порог своего офиса, как тут меня останавливает Мэри, секретарь в приёмной.

— Дженни, тут какой-то господин в твоём офисе, — сообщает мне она почти взволнованно. — Настоял на том, чтобы подождать тебя внутри, а мне не удалось отговорить его. Он даже не представился. Я бы вызвала охрану, но у него такой вид... важный и я подумала, он — какой-нибудь твой чудаковатый клиент.

Богатые люди действительно чудаковатые, должна признать я.

— Это не проблема, — стараюсь я успокоить её. Видимо, у этого субъекта действительно трудный характер.

— Если что-то понадобится, тут же зови, — советует она, прежде чем исчезнуть.

А теперь, кто бы это мог быть? Я решительно захожу в офис и оказываюсь перед высоким мужчиной, с седыми волосами и очень голубыми глазами, который смотрит на меня явно заскучавший из-за того, что я заставила его ждать. Сразу узнаю дедушку Йена.

— Добрый день, герцог, — тепло приветствую его я, — вы уверены, что не ошиблись офисом? — спрашиваю я, подходя ближе.

— Мисс Перси, — здоровается со мной он, вставая из кресла и протягивая мне руку. — Я как раз в нужном мне месте, — говорит он убеждённо.

Жаль, я правда надеялась, что он ошибся кабинетом.

— В таком случае, пожалуйста, располагайтесь, — сама же сажусь напротив. — Чем обязана вашему визиту? — спрашиваю я, стараясь придерживаться официального тона.

Он пристально смотрит на меня с задумчивым видом.

— У вас счастливый вид, — отмечает он, ничуть этим не довольный.

— Это плохо? — спрашиваю я с иронией.

Он не отвечает.

— И даже влюблённый, — заявляет он уже более сухо, после того, как внимательно посмотрел на меня несколько мгновений.

— Сомневаюсь в этом, — отрезаю я раздражённо. Какого чёрта он добивается этими заявлениями?

— С неудовольствием вынужден заметить, что вы не прислушались к моим советам.

Эта беседа на самом деле выводит меня из себя.

— А о чём конкретно идёт речь? — спрашиваю сердито.

— О вас и о Йене, о ваших с ним отношениях, — говорит он так, словно это очевидно.

— Вас это не касается, да и нет между нами никаких отношений.

Герцог смотрит на меня с вызовом.

— Не пытайтесь меня одурачить, мисс Перси. Вы, должен признать, хитры, очень хитры, но сейчас вы преувеличиваете, — его тон не терпит возражений. К несчастью для него, я из тех, кого трудно запугать, следовательно, если это возможно, подобная попытка всего лишь заставляет меня ещё меньше прислушиваться к советам.

— Что именно вы хотите этим сказать? — спрашиваю, вне себя от раздражения.

— Йен попросил меня отдать ему обручальное кольцо своей бабушки. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что он собирается сделать, — сообщает он холодно.

Что? Я правильно расслышала? Должно быть, я ужасно побледнела.

— Могу вас заверить, что он не хочет жениться на мне, — отвечаю в свою очередь я, очень нерешительно, потому что неожиданно уже не уверена ни в чём.

— Вы действительно в этом уверены.

Предпочитаю промолчать.

— Вы говорите, что не отдали ему его, — шепчу я немного времени спустя.

Моё сердце бьётся как сумасшедшее от одной только мысли, что Йен мог думать о подобном поступке, но я ловлю себя на том, что это безумие и стараюсь сосредоточиться на чём-то более реальном.

Он смотрит на меня почти ошеломлённо.

— Как я мог ему его не дать? — жалуется он. — Мой внук грозился, что в противном случае пойдёт и купит кольцо с ещё большим камнем! И это мы говорили о бриллианте в пять каратов...

Святые небеса.

— Уверена, что не являюсь той, кому предназначен такой подарок, — повторяю я, снова придя в себя. Йен же не совсем не в своём уме.

— Ваши отношения показывают мне, что они являются единственными серьёзными отношениями с моим внуком. Если не считать тех, что были у него в начальной школе, — отрезает он саркастическим тоном.

— Да что с вами со всеми, чёрт возьми? — взрываюсь я. — Хорошо, мы с Йеном встречаемся, но мы не вместе и мы никогда не разговариваем о будущем или чём-то серьёзном! — защищаюсь я.

— Потому что вы ему этого не позволяете, — перебивает меня он.

Откуда он, чёрт подери, знает?

— Мой племянник думает, правильно это или нет — не знаю, что он влюблён, и, видя, что не привык к подобному, реагирует очень импульсивно. Но брак — действительно очень

серьёзная вещь, мисс Перси.

Вот тут я полностью с ним согласна.

— Вы в него влюблены? — спрашивает он, наконец, когда чувствует, что мне не хватает слов.

Это тот вопрос, о котором я старалась даже не думать последние шесть месяцев, вопрос, от которого я обливаюсь холодным потом.

— Это важно? — спрашиваю я в свою очередь.

Он смотрит на меня разбито.

— К сожалению, влюблены, — констатирует он, смотря мне в глаза. — В противном случае было бы легче.

— Нельзя выбирать, в кого влюбляться!

— Нет, боюсь, что нельзя... — задумчиво подтверждает он.

Несколько мгновений мы молчим.

— Но всё же это очевидно, что он не может жениться на вас, — повторяет.

Фыркаю.

— Я прекрасно это знаю. Знаю, правда. И я остаюсь при мнении, что он никогда меня об этом не попросит. Это было бы безумием.

Герцог смотрит на меня невозмутимо.

— Даже будучи в моём возрасте, я помню, что когда влюбляются, это и является безумием.

Так и должно быть, потому что, кажется, я потеряла голову с тех пор, как началась вся эта история.

— Итак, могу ли я взять с вас обещание, что вы ему не скажете «да»? — настаивает он, наступая.

— Правда, он никогда меня об этом не попросит...

— В любом случае, вы мне пообещаете? — спрашивает он в свою очередь.

— Если нужно выразиться яснее, то, хорошо, да, — отвечаю я, доведённая до крайности излишней настойчивостью. До чего упрямый человек! Почти как его внук.

Герцог с удовлетворением встаёт после того, как взял с меня обещание и пожимает мне руку в знак прощания.

— Прекрасно, не буду отвлекать вас от работы.

— Спасибо, — отвечаю я с сомнением в голосе. — Хорошего вам дня, — прощаюсь я с ним, видя, как он уходит из моего офиса.

ГЛАВА 28

Уже вечер пятницы и Йен затащил меня к себе домой поужинать. Мы кое-что приготовили вместе, прежде чем устало развалиться на его просторном диване, вымотанные после недели усердной работы.

— Оставайся здесь сегодня, — пытается убедить, массируя мне спину.

Соблазн очень велик, но я должна устоять.

— Нет, ты знаешь о моих правилах, — отвечаю ему я голосом, в котором слишком чувствуется влияние от движений его рук.

— К чёрту правила, — говорит мне он, целуя.

Он знает, что перед некоторыми вещами я не могу устоять, и, следовательно, всегда

старается выиграть эти схватки, заставляя меня потерять голову. К сожалению, должна признать, что зачастую эта его тактика действует.

Во время войны эта стратегия была бы просто отличной.

— До чего грязно ты играешь, — жалуясь я почти без дыхания, много времени спустя.

Он смотрит на меня, совсем не чувствуя себя виноватым.

— Каждый играет с помощью средств, которые есть в его распоряжении, — говорит мне мудро.

— Пожалуйста, не настаивай, — прошу я, наконец, серьёзным тоном.

Он поднимает руки в знак капитуляции.

— Окей, раз уж ты не хочешь спать в доме твоего парня, значит, твой парень придет к тебе, — говорит он чистым голосом.

— Йен..., — пытаюсь отговорить его жалобным тоном. Он умеет быть жутко упрямым, когда захочет.

— Да? — спрашивает он совершенно невинно.

Раздражённо фыркаю.

— Окей, тогда, значит, я останусь здесь. Но это ясно, что ты не мой парень, — уточняю я. У меня совсем мало средств защиты против него, но я стараюсь держать их при себе.

Он с удовлетворением кивает, стараясь не слишком ликовать и полностью игнорируя моё последнее замечание.

— Тогда мы можем поговорить о серьёзных вещах? — спрашиваю я его, решив затронуть один щекотливый вопрос.

Йен тут же замечает тон моего голоса.

— Конечно, — отвечает мне он, стараясь не выглядеть встревоженным.

— Знаю, что мы об этом никогда не говорили, но что именно ты чувствуешь по отношению ко мне? — спрашиваю я его храбро.

Йен смотрит на меня изумлённо, и очевидно, что он не ожидал подобного вопроса.

— Это момент истины? — спрашивает он, пытаясь перевести всё в шутку. Как по-мужски.

— Можешь рассматривать это и так, — заверяю я его, улыбаясь.

— Я отвечу тебе искренне, если также потом поступишь и ты, — говорит он очень спокойно после короткой паузы.

— Окей..., — соглашаюсь я, не особо зная, как мне это удастся.

Он берёт мою руку и начинает играть ею.

— Тогда, — начинает он нервно. — С чего бы начать? — говорит он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне.

Я сижу в благочестивом молчании, ожидая ответ. Клянусь, даже не знаю, что и думать.

— Ну, полагаю, что влюблён в тебя, — признаётся мне он, спустя несколько мгновений. — Я бы сказал, что это заметно... — добавляет он, нервно смеясь. — Ты хотела услышать, как я это скажу? Нет, потому что ты знаешь, что я абсолютно не из тех, кто рассказывает о собственных чувствах, однако...

Я останавливаю его.

— Нет, этого достаточно, — говорю ему я с бешено колотящимся сердцем. — Правда.

Мы оба явно смущены.

— А ты? — спрашивает он, смотря на меня краешком глаза.

А вот и вопрос на миллион долларов.

— Видя, что другие то и делают, что говорят мне об этом, предполагаю, что влюблена и я, — признаюсь ему.

В глубине души в этом убеждён его дедушка, Лаура и Вера в этом более чем убеждены, и даже моя семья это подозревает. Очевидно, что так дело и обстоит. Я потеряла голову из-за этого эксцентричного человека, даже если стараюсь не сильно об этом задумываться и не хочу признавать этого.

— Я тут думал, — говорит он немного погодя, — учитывая то, что мы любим друг друга, не смотря на некоторое смущение, что ты скажешь о том, чтобы немного пожить вместе?

Я правильно расслышала? Тут же испепеляю его взглядом.

— Как это? — спрашиваю недоверчиво. — Я была убеждена, что ты не попросишь меня о сожительстве, прекрасно зная, что на самом деле я не рассматриваю тебя как своего парня.

— То, что ты не рассматриваешь меня как своего парня — правда, но тебе не нравится сдаваться, когда ты заикливаешься на чём-то. Мы можем рискнуть: именно как коллеги, которые живут вместе. В таком случае, у тебя не будет проблем с тем, чтобы дать этому определение, — предлагает он мне полусерьёзно.

— Не говори чепуху, — упрекаю его я.

Йен полностью меняет выражение лица и смотрит на меня холодно.

— Откровенно говоря, эти твои воззрения начинают немного действовать мне на нервы. Я ждал шесть месяцев, пока ты будешь готова принять эту перемену в наших отношениях. Мне уже несколько надоело, — сообщает он мне хмуро.

— Вот именно! И как бы ты жил с кем-то вроде меня? — заявляю я ему, с намерением вылить воду на свою мельницу. — У меня ужасный характер, — добавляю я, пытаюсь заставить его рассуждать здраво.

Но, если быть честной, кажется, Йен прекратил так делать шесть месяцев назад.

Он фыркает.

— Как будто я этого не знаю, — говорит мне обиженно. — Но, несмотря на это, и прекрасно зная тебя, я, *как бы там ни было*, хочу жить с тобой. И подчёркиваю «как бы там ни было».

— Йен, это будет настоящий ад, — говорю ему тихо. — Я, правда, так думаю. Сожительство требует заметного равновесия, а мы же, как слоны в магазине посуды.

— Нет, не будет, — отрезает упрямо.

— И как мы сможем сгладить различия между нами? — спрашиваю испуганно.

— Какие различия? Я не вижу особых различий, — говорит он, скрещая руки на груди.

— Мы часто ссоримся, наше возможное сожительство будет очень буйным, и это мягко сказано, — признаюсь ему искренне. — Не считая того, что мы вращаемся в разных социальных кругах, у нас разные интересы, несовместимые хобби...

— Да какие хобби! Мы вечно сидим в офисе, и ни на что другое у нас нет времени, — взрывается он.

— На самом деле... — начинаю я, и меня тут же перебивают. Йен приближается и кладёт свои руки на мои колени.

— Можешь остановиться на минутку? — спрашивает он нежно.

Киваю, утопая во взгляде ярко голубых глаз. Он мог бы стать заклинателем.

— Я понимаю, что сожительство пугает. Но мы — не двое детей. И ты продолжишь

быть неуловимой и недоверчивой по отношению ко мне, если я не найду способ убедить тебя жить со мной. Предупреждаю, что я не собираюсь отпускать тебя, стану надоедливым, настойчивым и не дам тебе ни капли покоя, — говорит он мне, улыбаясь. Вид у него искренний, но решительный.

Я издаю сдавленный вздох. Какого чёрта произошло что-то подобное?

— Ты — самый сумасбродный и упрямый человек из всех, кого я знаю.

— Знаю, — отвечает мне он почти радостно. Знаю, что для Йена это практически комплименты.

Но когда немного позднее он снова начинает меня целовать и несёт в сторону спальни, я должна отметить, что всё моё недовольство удивительным образом улетучилось.

Начиная с этого поступка, я обречена на разрушение

ГЛАВА 29

Майкл снова в Англии, он вернулся для привычных нескольких недель отпуска, подальше от уголков мира, пострадавших впоследствии катастроф. «*Мой брат — герой, вот это работа*», — думаю я, просматривая на экране бесконечный файл.

Сегодня я увижу его за обедом, и это будет очень неловко, учитывая то, как мы попрощались несколько месяцев назад. Или, что ещё лучше, учитывая то, что произошло с тех пор.

Нет никакой надежды, что он сможет безоговорочно принять то, что мне придётся ему рассказать.

Терпеть не могу откровенничать.

Йен даже предложил составить мне компанию. Ясно ведь, что не то, чтобы я не ценю этот жест, просто с моим братом порой бывает трудно, когда он того хочет. Боюсь, этот ген распространился в нашей семье во многих поколениях.

Встреча проходит в стареньком пабе в центре, который тот обожает.

— Итак, у тебя всё хорошо? — обнимает он меня, целуя.

— Просто замечательно, — отвечаю я с улыбкой. Отмечаю, что он выглядит хорошо, очень безмятежно и спокойно.

Мы быстро усаживаемся за столиком и делаем заказ.

— Расскажи мне немного о том, что у тебя нового за последние шесть месяцев? — тут же спрашивает он.

— Да ничего особенного. Работаю, причём постоянно, — отвечаю ему нейтральным тоном.

Майкл не клюнул.

— Учитывая то, что Стейси мне позвонила, не нужно уклоняться от темы. Ты, правда, встречаешься с тем типом?

Боюсь, что придётся быть искренней.

— Более или менее, — допускаю я, не вдаваясь в детали.

Майкл делает большой глоток пива, которое ему только что принесли, а потом начинает с продолжительной серии упрёков.

— Дженни! После всего того, что со мной случилось, какого чёрта тебе удалось попасться в подобную ситуацию? — спрашивает, несколько побледнев.

— Не все люди одинаковые, дорогой ты мой! Я знаю, в теории вы все желаете мне

добра, а на самом деле никогда не прислушивайтесь к моим желаниям! Кто дал вам право осуждать мою жизнь? Я никогда не вмешиваюсь в решения, которые принимаете вы, и хотела бы, чтобы вы также поступали и с моими!

Майкл смотрит на меня изумлённо.

— Я не собирался с тобой ссориться, — пытается защититься он.

С недоверчивым видом приподнимаю бровь.

— Да, но все вы так и делаете. Откровенно говоря, с меня хватит, это *моя* жизнь.

— Я знаю это, поверь мне, правда знаю, — с улыбкой говорит он, стараясь смягчить.

Мгновение мы смотрим друг на друга, молча.

— То есть, он именно тот, кто тебе нужен? — спрашивает он после.

— Сомневаюсь, — признаюсь я. — Но я не могу ему противостоять. Знает, как справиться со мной, мерзавец. Такими темпами он и вправду убедит меня жить с ним.

Мой брат присвистывает.

— Ах, вы уже на этой стадии? — спрашивает он впечатлённый, но куда более смягчившийся.

— Я пока сама не знаю, но он, кажется, да, так что он определённо победил. Он всегда побеждает, — признаю с досадой.

— Могу сделать вывод, что он решительный тип.

— Ты шутишь? Да он как танк, если ему придёт что-то в голову. А ещё по какой-то странной причине ему пришло в голову, что он в меня влюблён, — я говорю это так, словно это абсурд.

— А ты этому не веришь, — добавляет мой брат, будто читая мои мысли.

— Не то, чтобы он так не думал, но полагаю, что в какой-то степени он хотел убедить в этом меня. Я бы идеально подошла, чтобы насолить его семье, которую тот ненавидит. Вместо того чтобы ссориться с ними, он мог бы просто втянуть меня в битву. Думает, что это забавное зрелище.

Майкл посмеивается.

— О, Боже...

— Не смейся! Я абсолютно серьёзна! Я имею дело с самым упрямым мужчиной во Вселенной.

— Ну, во всяком случае, он хороший человек, — подшучивает брат надо мной.

— Вот именно! Каково мне, по-твоему, встречаться с таким типом? С обладателем такой яркой и хвастливой внешности?

— Ничуть он не хвастается. Он таким родился, ты не можешь обвинять его в этом.

— Да плевать... Йен ещё как хвастается. По-своему, конечно, — говорю я со страждущим видом.

— Ну, а что здесь плохого? Он хочет завоевать тебя и использует всё оружие, что имеет в своём распоряжении.

— Всего секунду назад ты его ненавидел, а теперь выступаешь его адвокатом? — спрашиваю раздражённо.

— Я его не ненавижу, просто беспокоюсь. Как бы там ни было, это удивительно, что женщина, которая гордится тем, что придаёт большое значение мозгам, падает на колени перед самым красивым мужчиной в её окружении, — язвит он, прекрасно зная, куда ударить побольнее. Доктор из него никакой!

Смейся, смейся, дорогой братец.

— А знаешь, что самое важное? — спрашиваю я его покорным голосом. — То, что он мне нравится не из-за внешности, а как человек. Ужасно, правда?

— Ничего другого я от тебя и не ожидал, — успокаивает меня Майкл. — Итак, ты будешь с ним жить? — спрашивает он, пробуя овощную запеканку.

— На самом деле, я надеюсь найти в себе силы сказать ему «нет», — признаюсь я, потому что сожительство я даже не рассматривала.

— А почему? — загадочно спрашивает мой брат.

— Очень просто, — чтобы не разбить себе сердце. Посмотри, что случилось с тобой.

Он смотрит на меня с пониманием.

— Как раз потому, что со мной это случилось, чувствую, я должен сказать тебе, что гораздо лучше позволить своему сердцу разбиться, чем вечно держаться на расстоянии от настоящей любви.

— О, да! Вы были прекрасной парой! — отрезаю я.

Майкл смотрит на меня с нежностью.

— Ну же, Дженни, ты не можешь продолжать в том же духе, избегая всего этого. Рано или поздно ты рискнёшь любиться всерьёз.

— Боюсь, я уже к этому пришла, — жалуясь я.

— Уже неплохо. А теперь постарайся не отдалить его от себя и не заставить его бежать, сверкая пятками, — советует он мне с умным видом.

— Держать людей на расстоянии мне удаётся лучше всего, — подтверждаю я, удобнее расположившись на стуле.

— Именно, так что постарайся изменить подход к делу, — советует мне он.

— Но как мне быть с его семьёй? Они меня никогда не примут. Я же не голубых кровей... — отмечаю я с раздражением.

— Забей на них, тут уже ничего не поделаешь. К тому же мне не кажется, что для тебя это будет проблемой, — подчёркивает он улыбаясь. Паршивец.

Я смотрю на него с некоторым изумлением.

— А с чего это вдруг такие советы? Я думала, ты такого же мнения, что и Стейси...

Он смеётся.

— О, да. Я думаю, что Стейси терпеть не может Йена. Откровенно говоря, то, что он был с вами на воскресном обеде, наверняка было тем ещё развлечением!

Как бы и я хотела быть такой же уверенной...

* * *

Когда я возвращаюсь после обеда, вижу, что Йен удобно расположился в ожидании моего возвращения. Он отвечает на ряд электронных писем на своём «Блэкберри» и, когда я с ним здороваюсь, почти что подскакивает.

— Я не хотела напугать тебя, — говорю ему с улыбкой.

— Ты меня и не напугала, — отрезает он. Смотрит на меня с сомнением. — Итак, с твоим братом всё хорошо? — спрашивает он с тоном инквизитора. А вот и причина, по которой он здесь — жаждет подробностей нашей встречи.

— Я бы сказала, что всё более чем хорошо, — признаюсь ему я. — Видимо, он стал твоим фанатом.

— Хотя бы он — уже неплохо. Твоя семья меня терпеть не может, — его голос спокоен,

но в словах чувствуется нечто совершенно противоположное.

— Неправда. Это твоя семья меня ненавидит, — отрезаю я, усаживаясь на стул.

— Чепуха, — говорит он беспечно. Ах, было бы это правдой.

— Твой дедушка одного моего вида не выносит, — уточняю я, вглядываясь ему прямо в глаза.

Это его ничуть не смущает.

— Мой дедушка тобой очень восхищается.

Возможно, но каким-то неправильным способом.

— Но он никогда не захочет, чтобы я была с тобой, — добавляю.

Йен опровергает это моё последнее заявление.

— Меня это не волнует, а тебя — да? — спрашивает, улыбаясь.

— Разумеется, да! Это твоя семья, ты должен поддерживать с ними, по крайней мере, достойные отношения! — заявляю серьёзно.

— Уже пятнадцать лет как я не поддерживаю особых отношений с моей семьёй. И поверь мне, как ты не относишься к ней тогда, так не относишься и сейчас.

Если бы всё было так просто.

— И что же тебе посоветовал твой брат, которому уже приходилось иметь дело с чудной знатью?

Я подробно рассказываю ему историю моего брата. Хочу, чтобы он понял, что отвращение по отношению к людям вроде него, это что-то давно укоренившееся в моей семье, и он не должен принимать это на свой счёт. Но его всё равно это задевает.

— Мой брат — человек с иронией, поэтому он мне посоветовал организовать встречу между нашими семьями.

Йен смотрит на меня зачарованным взглядом.

— Это неплохая идея.

— Ты с ума сошёл?

Он встаёт почти что окрылённый и подходит ко мне.

— Подумай, было бы замечательно!

— Йен, я девушка с умственными способностями выше среднего. Пожалуйста, не предлагай мне ничего подобного. Поверь мне хоть немного.

Он усмехается и приближается, чтобы подарить мимолётный поцелуй.

— Да ты с ума сошёл? — упрекаю его я. — Мы всё ещё в офисе.

— То есть ты хочешь сказать, что я не могу поцеловать мою девушку... — подшучивает он надо мной.

— Нет, в офисе не можешь, — говорю ему мрачно.

Он беззаботно пожимает плечами.

— Можем поставить некоторые условия: ты перед всеми соглашаешься быть моей девушкой, идёшь на ужин с нашими почитаемыми семьями и соглашаешься переехать ко мне, а я в свою очередь, держусь от тебя на расстоянии во время работы в офисе.

— А ты не находишь, что условия несколько неравные? — спрашиваю я саркастическим тоном

Йен не обращает на это внимания.

— Тогда есть и другой вариант: я догоню тебя в офисе и поцелую перед всеми...

Его глаза сияют лукавством от этой идеи.

— Прежде всего, тебе придётся меня поймать, — провоцирую его я.

Йен смотрит на меня так, будто хочет съесть.

— Окей, если тебе так хочется всё испортить, давай устроим ужин, — соглашаюсь я.

— И ты переедешь ко мне, — настаивает он.

— Об этом нет и речи.

— Клянусь, я соберу свои вещи и перееду жить к тебе. Конечно, нам будет тесновато вчетвером в одной квартире, но я как-нибудь, да привыкну.

Ну да, почему бы и нет, как бы я ещё привыкла жить в палатке. Но Йен такой упрямый, он бы вынес всё что угодно, лишь бы доказать свою правоту.

— Окей, с этой историей с сожительством мы посмотрим... — милостиво соглашаюсь я, в конце концов.

Он улыбается мне сияющей и искренней улыбкой.

— Я знал, что ты сдашься!

— На самом деле я не сдалась, — отрезаю я, слегка повысив голос.

Но Йен меня уже не слушает и направляется к двери.

— Дорогая моя, и подчёркиваю, *моя*, — говорит он обольстительно. — Против меня у тебя нет никаких шансов.

К сожалению, я и сама это уже поняла.

ГЛАВА 30

— Ты нервничаешь? — спрашивает меня Йен у входа в здание. Чтобы познакомить наши семьи он выбрал французский ресторан.

— Нервничаю — это мягко сказано, — отвечаю я ему, пытаюсь успокоиться, прежде чем войти.

Йен выбрал место, которое понравилось бы всем: ничего чересчур изящного, но ничего и слишком деревенского. У меня нехорошее предчувствие того, что это стремление к сохранению нейтралитета лишь всех рассердит. Очень надеюсь, что я ошибаюсь.

— Мои уже приехали, — сообщает мне он, указывая на Бентли, припаркованный в нескольких метрах от нас.

«*Вот так и даёшь всем почувствовать себя как в своей тарелке*», — думаю я, рассматривая роскошный автомобиль.

— Обожаю тех, кто не привлекает к себе внимания, — отвечаю ему с иронией.

Вижу, как губы Йена расплываются в улыбке.

— Мой дедушка не может и рта раскрыть, не привлекая к себе внимания. Кажется, ты это уже заметила.

Вид у него очень напряжённый: этот ресторан, должно быть, обычно не обслуживает людей вроде герцога Ревингтона. Или вроде моих сумасбродных родителей.

— Сюда, — направляет нас официант, сильно побледневший. На его месте я вела бы себя также.

Нас подводят к большому столу с безупречной сервировкой. Чистого серебра здесь, может, и нет, но всё сделано с большим вкусом.

Три особы, что сидят за столом — явно не олицетворение гармонии, но здесь её можно ожидать. Герцог тут же встаёт и пожимает мне руку.

— Как всегда очень приятно, мисс Перси, — говорит мне это так, будто это правда. Но, по крайней мере, делает вид, что так и есть.

Мать Йена поднимается, чтобы поприветствовать меня и представить мне мужа.

— Приятно познакомиться, я — Дэвид Сент Джон, — говорит он мне официальным тоном, пожимая мне руку и внимательно изучая. По взгляду его ярко синих глаз я не могу определить, что он обо мне думает. Схожесть отца с сыном довольно-таки впечатляющая, даже если взгляд Йена гораздо более тёплый и решительно более открытый.

Этой дружелюбной четвёрке не хватает лишь моих родителей, но и они не медлят, чтобы появиться. После знакомств, когда все наконец-то расселись, между приглашенными появилось стеснительное молчание.

— Хорошо, раз уж мы все здесь, что вы скажете о том, чтобы поведать истинную причину, по которой мы тут находимся? — спрашивает дедушка Йена. Очень тонко, ничего не скажешь.

— Мы здесь, чтобы познакомиться друг с другом, это очевидно, — отвечает ему Йен тем же тоном.

— Я бы сказала, что мы уже познакомились, — нервно подтверждает его мать.

Он смотрит на неё, призывая к терпению.

— Окей, потому что мы с Дженни хотим вам кое-что сказать, — объявляет всем Йен.

— Ты же не беременна? — спрашивает моя мама обвиняющим тоном.

Эта фраза тут же приводит всех в напряжение. Волнение можно буквально почувствовать.

— Нет, мама, я не беременна, — отвечаю сухо. Даже если это абсолютно не их дело, хотела бы я уточнить.

— Ты уверена? — подхватывает мама Йена.

— Они что, ненормальные?

— Да, уверена, — цежу сквозь зубы.

— Мы собирались вам сообщить, — пытается вернуть беседу в нужное русло Йен, — что мы с Дженни собираемся жить вместе.

— Вместе? — шокировано спрашивает мой отец.

— Да, слово «сожительство» обозначает объединение, — отмечаю я.

Если он будет и дальше задавать мне такие глупые вопросы, я буду вынуждена обратиться к семантике.

— Почему? — спрашивает в свою очередь мама Йена.

Йен взрывается смехом.

— Что значит «почему?» Вам кажется безумием, когда двое людей вместе решают сожительство?

— Йен, ты же знаешь, что в нашей семье никогда раньше не бывало сожительства, — замечает его отец, который до этого момента не произнёс ни слова.

— Всё бывает впервые, — отрезает сын.

— И где вы, чёрт возьми, собираетесь жить? — наконец спрашивает его дедушка тоном, которым хотел нас запугать.

— Я думал о моём доме, — отвечает ему Йен.

— Ты хотел сказать о *моём* доме, — подчёркивает Герцог не слишком изящным тоном.

— Я хотел сказать в доме, за который плачу аренду. Нет никакой проблемы в том, чтобы отказаться от него и поискать другой, если проблема в этом.

Его дедушка смотрит на него ледяным взглядом.

— Ну, разумеется, нет. Вопрос в другом.

— Хорошо, я тоже это понял, — отвечает внук более раздражённо. — Но могу ли я

узнать, что именно является непреодолимым препятствием.

Гробовое молчание неожиданно опускается на наш столик, и никто не осмеливается заговорить.

— Итак? — наступает решительно Йен.

— Ну не можете же вы в самом деле думать, что подходите друг другу, — говорит Йену его мать, смотря на него серьёзно.

— Дорогая мамочка, если ты и папа думаете, что так и есть, тогда я буду очень рад, если мы с Дженни будем полностью несовместимы.

Его мать смотрит на него рассерженно, но больше ничего не добавляет.

Но я была уверена в том, что его дедушка так просто не остановится.

— Йен, даже не думай углубляться в суть вопроса: мисс Перси очень интеллигентная и очень интересная, никто этого не отрицает, но если у тебя серьёзные намерения, то ты ошибся человеком.

Я боялась, что рано или поздно кто-то произнесёт фразу такого рода. И моя мама не смогла её проигнорировать.

— Прошу прощения? — говорит она ему с возмущением, повышая голос. — Что вы хотите этим сказать?

Дедушка Йена смотрит на неё удивлённо. Никто никогда не обращался с ним таким образом.

— Не обижайтесь, госпожа, но наша семья — весьма влиятельная в Англии и брачные союзы всегда рассматривались как нечто определяющее нас.

Мой отец взрывается от смеха.

— Ах, принц Уильям может жениться на той, чьи предки были шахтёрами, а ваша семья породниться с девушкой *простолюдинской* крови не может?

Дедушка Йена очень раздражён.

— Не затрагивая современную семью, вы знаете, что разговариваете с немецким родом, чьё генеалогическое дерево абсолютно не сравнимо с нашим. Здесь около пятисот лет разницы в истории.

Из огня да в полымя. С этого момента он перестанет рассматривать кровь.

— Что-то мне подсказывает, что ваша слишком голубая кровь требует притока новой. Слишком частые смешения между вам подобными могли нанести вред мозгу, — воинственно заявляет моя мама.

Чувствуется, что с этой минуты госпожа Сент Джон привлечена к делу.

— Это не только вопрос крови. Без обид, но есть несколько неотъемлемых черт, которыми должна обладать будущая герцогиня.

О, Боже...

Я не могу сдержать нервный смешок.

— Хорошо. Видя, что мы уже пустили в ход тяжёлую артиллерию, давайте попробуем поговорить искренне, — предлагаю я всем, стараясь не выглядеть очень задетой явными обвинениями.

Моя мама, напротив, кажется, задета за живое.

— Если я правильно понимаю, вы хотите сказать, что моя дочь недостаточно хороша? Вы, что, шутите? Дженнифер прекрасна! Не считая того, что у неё больше мозгов, чем у всех девушек, с которыми встречался ваш сын вместе взятых!

Видимо, надо было устроить подобную встречу именно для того, чтобы услышать

несколько комплиментов от моей мамы.

Йен смотрит на неё обескураженно.

— Думаю, что они правы, мамочка.

Но мою маму остановить уже невозможно.

— И к тому же, это ваш сын недостоин моей Дженни! Такая пустышка, заикленный на своей внешности...

— Кажется, мне нужно вмешаться.

— Мамочка, давай не будем преувеличивать.

— Дженнифер, будь так добра. Это очень серьёзно! — как будто я и сама не понимаю. — Ты ведь на самом деле не думаешь жить с Йеном, зная, как он рос и в каком окружении находится.

Нам уже ничего не хочется, потому что разыгралась ссора, в которой все кричат, не желая слушать друг друга.

Было очевидно, что всё так и закончится.

Быть может, у Йена и получится тешить себя иллюзиями о том, что с нами такие вещи могут и сработать, но я так не могу.

Мы могли бы пожить вместе, но ряд всех этих ссор между нашими семьями может нависнуть и над нами. Потихоньку появится трещина, которая разрушит весь дворец, оставляя лишь развалины.

Я люблю Йена. Странно отдавать себе в этом отчёт именно сейчас. Я люблю его настолько сильно, что убеждена — всё это давление будет ранить его. И, возможно, одна маленькая ранка сейчас лучше, чем смертельная завтра.

Хотелось бы, чтобы была альтернатива, но другого выхода я не вижу.

— Йен, — шепчу я, стараясь отвлечь его внимание от этого представления.

Он смотрит на меня подавленно. Я его понимаю.

— Йен, я знала, что всё так и будет. Если мы задумаемся на минутку, то можем представить всё с начала до конца.

Он смотрит на меня вопросительно.

— Наши семьи всегда будут много значить для нас, ты не можешь делать вид, что это не так. Никто не живёт в одиночку. Эти люди вырастили нас, и они влияют на наши решения. Буду искренней, я уверена, что нет другого выхода, как разойтись сейчас, пока мы ещё не живём вместе.

Йен смотрит на меня ошеломлённо, очевидно, что он не ожидал подобного.

— О чём ты говоришь? — его голос жёсткий.

— Я очень беспокоюсь о тебе, действительно беспокоюсь, но так дальше нельзя.

Его нежный взгляд внезапно становится ледяным.

— Если ты сдаёшься при первом же препятствии, то значит, ты меня любишь, но недостаточно, — в его голосе боль и недоверие.

На самом деле вся проблема в обратном: я люблю его даже слишком сильно.

— Из нас двоих именно я всегда старалась быть большей реалисткой, признай это, — говорю ему спокойно. — Следовательно, если я решаю сделать что-то подобное, это лишь потому, что не вижу другого выхода. Мы будем только ссориться, обижать друг друга и, в конце концов, ненавидеть. А я не хочу этого. Поэтому лучше закончить всё здесь. Мы всегда знали, что мы слишком разные.

Йен со злостью встаёт из-за стола, так грубо, что тут же привлекает внимание

остальных, которые вмиг умолкают и смотрят на него.

— Вы все, все надменные люди. И вы об этом пожалеете, — и уходит.

Я пытаюсь догнать его, но как только выхожу из ресторана, он словно исчезает.

ГЛАВА 31

Я приезжаю с опозданием на четверть часа. На меня это не похоже, но эти последние две недели были настолько нереальными, что я поражаюсь, как вообще могу работать в почти нормальном режиме. Скажем, я ем (мало), работаю (плохо) и без особого успеха пытаюсь спать. Об этом свидетельствуют тёмные круги у меня под глазами.

Я страдаю от болезни, которая до сих пор была мне совершенно неизвестна, а именно от невозможной любви. Любовь, которую я чувствую к Йену настолько закрепилась во мне, что я почти не могу работать, и, подозреваю, даже иногда не могу думать. Это довольно-таки волнительно — дожить до тридцати лет и обнаружить, что влюбилась по-настоящему.

Полагаю, рано или поздно подобная вещь должна была случиться и со мной.

Как бы там ни было, после того, как я проплакала две недели подряд, Стейси и мои подруги убедили меня высунуть нос из дома. Этим вечером я нахожусь в одном итальянском ресторане для встречи с Элиотом.

Стейси назначила эту встречу не столько для того, чтобы заставить меня встретиться с мужчиной, сколько поговорить с психологом.

Официант подводит меня к столику, за которым меня терпеливо и с улыбкой ждёт Элиот. Счастливый, у него есть повод для того, чтобы улыбаться.

— Привет, Дженни, — здоровается он, довольный встречей.

— Привет, Элиот, — говорю я в свою очередь и присаживаюсь за стол.

— Обычно я бы сказал, что ты прекрасно выглядишь, но знаю, что это не так, — понимаю, что несколько бессонных ночей невозможно укрыть даже с помощью макияжа.

— Я, правда, ценю твою искренность, — отвечаю ему с улыбкой. — Я уже видела своё отражение в зеркале и зрелище это не слишком располагающее.

Это чистейшей воды правда, тут не нужно хитрить.

— По крайней мере, ты осознала свою проблему, а это первый шаг к её решению, — говорит он с видом профессионала.

Если бы всё было так просто.

— Боюсь, что этот недуг будет очень продолжительным и болезненным.

— Могу сделать вывод, что вы плохо расстались, — сообщает Элиот. Заметно, что мы оба знаем, о ком идёт речь, не нужно даже произносить его имени.

Смотрю на него подавленно.

— Плохо... А разве можно расстаться по-хорошему? Я бы сказала, что на наш случай сильно повлияли внешние факторы, — признаюсь я. Видно, что рана до сих пор болит.

— Никогда не обманывай семью, — говорит он, сразу чувствуя, в чём проблема.

— Знаю, знаю. Но наши семьи настолько важны для нас, что мы втянули их во всё это. Не сделать этого было бы совсем безответственно, — объясняю я.

Элиот смотрит на меня так, будто перед ним сидит ребёнок.

— А что по этому поводу говорит Йен? — спрашивает он. Даже звук его имени заставляет меня вздрогнуть.

— По правде говоря, не знаю. Вот уже две недели не имею об этом ни малейшего

представления, — добавляю я, не слишком гордая сама собой.

— Ты хочешь сказать, что больше вы не разговаривали? — спрашивает удивлённо.

— Откровенно говоря, мне было слишком плохо для того, чтобы заговорить с ним. Полагаю, с ним то же самое, потому что он никогда не искал встречи со мной. И если мы сталкиваемся в коридоре, то стараемся игнорировать друг друга. Возможно, в глубине души он и не любил меня так сильно, как хотел показать... — говорю я, стараясь не выглядеть слишком удручённой от этой идеи.

Элиот взрывается от смеха.

— Поверь мне, тот, которого я встретил тем вечером, был очень решительным и очень влюблённым человеком.

— Насчёт решительного — согласна.

— Прости, Дженни, но если тебе плохо от разлуки с ним, почему бы вам не попробовать снова быть вместе?

Этот его вопрос такой идиотский. Я его тоже себе уже несколько раз задавала.

— Я думала об этом, поверь. И очень скучаю по нему, но в основном самым уверенным из нас всегда был Йен. Без него я больше не знаю, как двигаться. Это словно блуждать в темноте.

Элиот допрашивает меня добросовестно, с нажимом.

— Если бы он вернулся к тебе, ты бы его не отпустила? — спрашивает он.

Я смотрю на него грустными глазами.

— Разумеется, нет. Я совершила такую глупость. Только сейчас я поняла, что наши семьи важны, но не больше нас самих. И они не могут распорядиться, как нам жить. Боюсь, я слишком дорого заплатила за этот урок, и пусть они либо принимают нас такими, какие мы есть, либо... пусть идут к дьяволу!

Элиот очень доволен моим ответом.

— И чего же ты ждёшь, если хочешь снова завоевать его? — спрашивает он.

Я в отчаянии прячу лицо руками.

— А что я могу сделать? — жалуясь я. — Он меня точно уже кем-то заменил. У него должен быть ежедневник с напоминаниями о свиданиях.

Слышу, как мой друг-психолог сдержанно смеётся.

— Что-то мне подсказывает, что это не так... — заявляет он почти загадочно.

С удивлением поднимаю голову.

— Что ты хочешь этим сказать?

Элиот указывает мне на фигуру мужчины, входящего в ресторан. Боюсь, что я узнала бы Йена где угодно, когда угодно и с какого угодно расстояния. Пока он приближается, я замечаю, что и у него выдался не лучший вечер: он явно несколько дней не брился, бледный, а его обычно сверкающие глаза утратили свой блеск.

Решительными и быстрыми шагами он приближается к нашему столику.

— Йен, — восклицаю я с лицом, на котором смешались радость и страх от удивления, что вижу его здесь. Какого чёрта он тут делает? И более того, как он узнал, где меня искать?

Йен быстро здоровается с Элиотом, которому, очевидно, ужасно весело, а потом пристально на меня смотрит.

— Дженнифер, — начинает он очень уверенно.

Я пытаюсь что-то сказать, но он останавливает меня жестом.

— Знаю, что появиться здесь было не лучшей идеей... — добавляет он.

— Йен, я не... — начинаю я, но он снова меня останавливает.

— Прошу, не перебивай меня, — говорит мне он и подходит ещё ближе. — Я приготовил целую речь, пока ехал сюда, и боюсь, что всё забуду, если ты не дашь мне закончить. По правде говоря, эти две недели я очень плохо спал и я сам не свой.

— Кому ты это говоришь, — добавляю я тихо, но он не обращает внимания на мои слова.

Он берёт меня за руку, как только я поднимаюсь, а весь ресторан на нас смотрит.

— Прежде всего, я не должен был вот так уходить во время ужина. Я должен был остаться там и всё тебе объяснить, — добавляет Йен. — Потому что я знаю, что, в конце концов, мне удалось бы тебя убедить.

— Так и есть, — говорю я ему, но он останавливает меня снова.

— Во-вторых, я не должен был говорить с тобой о сожителстве, потому что на самом деле я сам для него не создан.

Я смотрю на него, совершенно ничего не понимая: то есть по факту он и не хотел со мной жить? Я очень стараюсь не показывать, насколько мне больно, но это нелегко.

— Дженни, я совсем другой человек. Прости, но я должен это сделать от всего своего сердца, и сделать это по-своему. После ты можешь ответить мне или же навсегда послать к чертям. Клянусь, я больше никогда не приду, чтобы прервать твой ужин или твоё свидание.

Мне до сих пор непонятно, о чём он говорит.

— А теперь... — продолжает он и начинает что-то искать в кармане куртки. Достает маленькую коробочку из синего бархата и вдыхает воздух, набираясь сил.

Внезапно я начинаю дрожать, боюсь, что мне плохо. Всё ещё держа меня за руку, которая вмиг стала будто ледяной, Йен опускается передо мной на одно колено. Все в ресторане затихли от удивления.

— Дженнифер Перси, знаю, что ты можешь послать меня к дьяволу и, возможно, я именно этого и заслуживаю, но я в любом случае должен у тебя спросить, — следует мгновение паузы, во время которой было бы слышно, как пролетит муха. — Ты выйдешь за меня замуж? — спрашивает он с чувством.

И произнося эти слова, даже не посмотрев на меня, он открывает коробочку, в которой лежит самый большой бриллиант, который я когда-либо видела в своей жизни. Полагаю, это и были знаменитые пять каратов, о которых в тот день говорил Герцог...

Мгновение я так и стою с открытым от удивления ртом, даже не зная, что ответить.

Откуда-то слышен голос какой-то девушки: *«Клянусь, если она не выйдет за него замуж, то это сделаю я!»*

Эта фраза меня смешит, ведь я тут же отдаю себе отчёт, что не могу не выйти за него. Я, которая даже не думала пойти на такой шаг, уверена, что наконец-то встретила единственного человека в мире, которому могла бы сказать «да».

Йен продолжает обеспокоенно на меня смотреть.

— Я понимаю, у тебя шок... но мне несколько неловко сидеть тут вот так перед всеми, — жалуется он полусерьёзно.

Я улыбаюсь ему.

— Это ты решил сделать подобное в таком публичном месте. Йен, я думала, что годы преследований папарацци тебя чему-нибудь да научили, — подкалываю его я.

Моя улыбка частично снимает с него напряжение.

— Отмечу, что я не слишком об этом думал, когда твоя сестра позвонила мне и сказала,

что у тебя свидание сегодня вечером, — сообщает мне он в качестве оправдания.

— Моя сестра сделала подобное? — спрашиваю его изумлённо. Кажется, у Стейси был дьявольский план насчёт того, как заставить меня выйти из дома.

— Это не настоящее свидание... — оправдываюсь я.

— Да, но она также сказала, что тебе было плохо без меня, — добавляет Йен.

«Куда хуже, чем просто плохо», — думаю серьёзно.

— Окей, раз уж мы покончили со всем этим безумием, могу ли я встать? Особенно раз уж я знаю, как много тебе нужно обдумать... и откровенно говоря, я бы предпочёл, чтобы моё предложение отклонили в более уединённой обстановке, что скажешь?

Но я останавливаю его, пока он пытается подняться.

— Оставайся там, где и был, — приказываю я.

— Это так неудобно... — жалуется он, улыбаясь.

— Потерпишь ещё немного. Когда тебе ещё придётся предложить женщине выйти за тебя замуж? — спрашиваю я серьёзно.

— Если ты дашь мне нужный ответ, то, клянусь, больше уже никогда.

Делаю вид, что размышляю над этим.

— Ты уверен, Йен? Наша жизнь будет похожа на хаос, — напоминаю ему я.

Он нетерпеливо вздыхает.

— Мне нужно простоять на одном колене с полчаса перед всем Лондоном, если у тебя есть ещё какие-то сомнения?

Он говорит это так мило, что я тронута.

— Нет, разумеется, нет.

— Дженнифер, ответь мне, пожалуйста, — говорит он неугомонно.

Я долго наблюдаю за тем, как его прекрасные голубые глаза снова начинают сиять.

— Конечно же, да, — говорю ему едва слышно. — И ты это знал.

Он, наконец, поднимается с пола, внезапным жестом притягивает меня к себе и целует так, что я теряю голову. Вокруг нас слышатся возгласы одобрения и аплодисменты.

— Я лишь надеялся, — признаётся он. — Когда речь идёт о тебе, я никогда не могу ничего предугадать.

Он крепко обнимает меня, словно действительно боится меня потерять. Кто бы мог подумать? С этого момента он никогда не отстранится от меня, даже если захочет.

— Прости, но где должно очутиться это знаменитое кольцо? — спрашиваю я его, смеясь.

— Оно теперь твоё, — говорит он, надевая его на безымянный палец моей левой руки.

Камень до такой степени большой и сверкающий, что я боюсь ослепнуть, если продолжу его рассматривать.

— Но вес у него огромный! — жалуюсь я.

— Естественно, ведь так ты никогда не забудешь, что ты моя. И этого не забудут другие.

Я пристально смотрю на него, пытаюсь вновь стать серьёзной.

— Клянусь, я сказала бы тебе «да», даже если бы это был цирконий в полкарата.

Он нежно обхватывает моё лицо руками, прежде чем поцеловать.

— Я знаю, Дженнифер. И в этом вся суть. Поверь мне, я знаю.

ЭПИЛОГ

Из воскресного «Дейли мейл» за 13-е мая

«Вчера, в живописном замке Ревингтонов, как будто в сказочной истории, Йен Джеймс Генри Сент Джон, граф Ленглей, женился на мисс Дженнифер Перси, финансовом адвокате из престижного акционерно-коммерческого банка. Очевидно, молодожёны действительно знамениты на работе.

Мисс Перси, которая получит его фамилию после свадьбы, на пару лет старше своего супруга, и происходит из простой семьи, где всегда интересовались органическим сельским хозяйством.

Определённые источники свидетельствуют, что вчера присутствовало около пятисот в высшей степени изысканных особ, из которых четыреста пятьдесят — со стороны жениха и пятьдесят — невесты.

Более того, мисс Перси захотела и достигла желаемого — надеть арендованное платье одного безызвестного лондонского магазина, посчитав затраты на платье невесты (дословно цитируем нашего вышеупомянутого анонимного источника) «страшной глупостью».

По настоянию матери жениха, маркизы Лотвелл, невеста, тем не менее, надела очень старую диадему, которая принадлежит герцогам Ревингтон уже несколько столетий. Видимо, невеста всё же отказалась надеть фату, в знак того, что времена меняются.

Очевидцы, присутствующие на церемонии отмечают, что жених с невестой оба улыбочивые и очень влюблённые.

Следовательно, кажется, что английская знать решительно перевернула страницу: после свадьбы будущего короля Англии на девушке более чем простой крови, и будущий герцог Ревингтон решил жениться на девушке не голубых кровей.

Действующий герцог — дедушка жениха и выдающийся охотник, перед свадебным банкетом, состоящим исключительно из веганских и вегетарианских блюд в знак уважения к семье невесты, прокомментировал: «Эта девушка пугает даже меня. Сегодня никто из нас не осмелился подать на стол блюда из мяса».

Молодожёны, которые уехали в свадебное путешествие на Сейшельские острова, потом будут жить в двухкомнатной квартире, купленной не так давно в новом жилом квартале Лондона, за счёт них обоих. Есть сведения, что действующий герцог хотел подарить молодой чете целый дворец в самом центре, но, насколько нам известно, от подарка решительно отказались.

С вашего позволения скажем — до чего странная эта новая знать!»

Больше книг на сайте — Knigolub.net

БЛАГОДАРНОСТИ

Я обнаружила для себя писательство лишь несколько лет назад по причине нагрузок во время моей первой беременности. Могу сказать, что это было отличным средством снятия стресса. Но у меня бы только это и осталось, если бы не поддержка моего мужа Алессандро, который решил выпустить то, что я писала, игнорируя все мои протесты. Знайте, это всё это вина.

От всей души благодарю мою милую подругу Россану — восторженную читательницу, благодаря которой эта история потихоньку формировалась в моём воображении. Хотя

подруга и не сам автор, но я вам клянусь, что в некоторые моменты её страсть к этой книге превышала даже мою собственную.

Благодарю Алессандру Пенну, редактору «Ньютон Комптон», которая, в конце концов, убедила меня внимательно перечитать этот роман, взвешивая каждое слово. Никому ранее не удалась бы подобная *миссия невыполнима*. Я им также очень благодарна за то, что они работали со мной в соответствии с моим сумасшедшим графиком: поскольку мамочка трудится в полную смену, единственные моменты, которые я могла посвятить корректуре были вечера и выходные.

Наконец хочу поблагодарить всю мою семью, которая помогла мне возрастить страсть к писательству с самых малых лет: если бы не закончился выбор книг для чтения, быть может, я бы никогда не начала писать.

Заметки

[

←1

]

деятельность по консультированию руководителей, управленцев по широкому кругу вопросов в сфере финансовой, коммерческой, юридической, технологической, технической, экспертной деятельности.

[

←2

]

«Candid Camera» — американское юмористическое шоу, где людей снимают на скрытую камеру.

[

←3

]

лат. plebejus (plebs — простой народ) — пренебр. человек, вышедший из народа, не имеющий «благородного» происхождения.

[

←4

]

крайне тяжёлое состояние, характеризующееся полной потерей сознания, утратой реакций на внешние раздражители и расстройством регуляции жизненно важных функций организма

[

←5

]

BlackBerry (Блэкберри) — смартфон, имеющий возможность работы с электронной почтой, SMS, позволяющий достаточно удобно просматривать интернет-страницы, а также работающий с другими удалёнными сервисами.

[

←6

]

это превращение неликвидных финансовых инструментов в новые ликвидные.

[

←7

]

Гриссино — хлебная палочка

[

←8

]

Главный герой романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

[

←9

]

Ради почета — степень доктора наук, искусств, богословия и т. п.

[

←10

]

нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений.

[

←11

]

бог сновидений в греческой мифологии

[

←12

]

Инсинуация — преднамеренное сообщение отрицательных сведений, имеющее целью опорочить кого-либо, подаваемое намёком или тайно. Цель инсинуации — подорвать в слушателях и/или читателях доверие к объекту инсинуаций, следовательно, к его доводам или поведению.

[

←13

]

Мохандас Карамчанд «Махатма» Ганди — индийский политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. Отвергал насилие в любой форме.